

А 79

Л. АРГУТИНСКАЯ

Р 173711

НА СЕВЕРЕ ЛАДОГИ

Л. АРГУТИНСКАЯ

НА СЕВЕРЕ ЛАДОГИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1941

Ответственный редактор Л. Субоцкий. А 41180. Подписано к печати 8 августа 1941 г.
Авторских листов 6,81. Печатных листов 8. Количество знаков в листе 34 400.
Тираж 20 000 экз. Заказ 2197. Цена 2 р. 50 к.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, улица „Правды“, 24.

Посвящаю
бойцам, командирам и
политработникам
231-го автобата

Зима грозно вступила в свои права. Она занесла толстым слоем снега дороги и лесные тропы, сковала льдом озера и реки. Порой поднималась пурга, ветер крутил снежную пыль, протяжно завывал в лощинах, между крутыми гранитными скалами, налетал на вершины гор.

С огромными трудностями, по непроходимым дорогам, в сорокаградусные морозы упорно продвигалась с боями Красная Армия в глубь Финляндии.

Отступая, финская военщина сжигала все на своем пути, била скот и, угрожая оружием, угоняла с собой все население.

По ночам над густыми лесами вспыхивали яркие зарева, окрашивая кровавым отсветом верхушки заснеженных деревьев. Удушливый дым медленно стелился по низинам.

В редко попадающихся селениях и хуторах, как мусульманские памятники, возвышались широкие кирпичные трубы печей, уцелевшие от огня. На дворах валялись куры и гуси с оторванными головами, туши рогатого скота, в спешке брошенные вещи. В распахнутых погребах грудой возвышалась битая посуда из-под масла, наливок, смешанная с землей крупа и мука, промерзший картофель и разбитые бочки с соленой капустой и огурцами.

Отступая, враг надеялся на то, что Красная Армия замерзнет без жилищ в глухих, занесенных снегом лесах, ослабнет и погибнет от голода. Но армия строила теплые землянки, над деревьями поднимался дым из самодельных труб, а по дорогам ночью и днем, в пургу и ветры мчались машины, подвозя для частей продовольствие, горючее, боеприпасы из дальних складов в тылу, за сотню километров от границы.

Машины ломались, застревали на узких дорогах; водители, выбиваясь из сил, с трудом вытягивали грузовики

из глубоких сугробов. По обочинам дорог в густом молочном тумане горели костры, и в их свете, около заглохших моторов, суетились люди.

Объехать стоящую на пути машину было очень трудно: с обеих сторон к дороге близко подступал густой темный лес; за обочины старались не выезжать, потому что местность еще не была очищена от финских мин. И все же тысячи машин непрерывно мчались по дорогам из тыла к фронту, с фронта — в тыл.

Тыл работал, как фронт, тыл и фронт жили одним стремлением — победить врага.

В конце декабря, когда дивизия с большими боями уже заняла город Сальми, местечко Уксу и вошла в Питкяранту — очень важный стратегический центр, который финны называли «Ключи к Ладоге», в первой половине дня связист доставил в автобат срочный пакет.

Комбат Ионычев, недавно вернувшийся из Лодейного Поля, крепко спал за низкой перегородкой в помещении штаба.

Начальник штаба нерешительно потряс комбата за плечо.

— Что? Какого черта? — сердито спросил комбат, потягиваясь и зевая.

— Срочный пакет от командира дивизии полковника Бондарева.

Продолжая зевать, комбат распечатал пакет.

— Тысяча и одна ночь! — выкрикнул он свою любимую поговорку так громко, что сидящие в штабе с удивлением переглянулись. — Вот это — да! Комиссара ко мне, живо! Карту!

Слышно было, как комбат грузно ходил за перегородкой, что-то отрывисто напевая; в штабе оживленно зашептались. Подвижный, черноволосый секретарь комсомола политрук Чарухин подошел к перегородке и молча, с таинственным видом остановился около нее.

Комиссар — старший политрук Альтшуллер стремительно вошел в штаб. Склонившийся над картой комбат, улыбаясь, протянул ему приказ.

— Дождались, — торжественно сказал он.

— Значит, двигаемся, — улыбнулся ему в ответ комиссар. — А то засиделись. Дивизия впереди, а мы где-то сзади, у черта на куличках.

— Совершенно точно. Выехать придется ночью. Да-
вай, посмотрим путь.

— Кстати, у меня интересная открытка. Сегодня
утром в доме у хозяина нашел. Фотография города Пит-
кяранты.

— А ну-ка, покажи, посмотрим, куда едем, — заинте-
ресовался комбат. — Городок недурной, чорт возьми.
Значит дивизия подтягивает к себе свои тылы, — гово-
рил он, измеряя расстояние по карте. — Так. До Погран-
Кондуша около двадцати километров, а оттуда уже по
бывшей финской территории до Питкяранты — сто с хво-
стиком. Сейчас все уточним, наметим место стоянок. Ты
собирай политруков и партийцев, а я поговорю с коман-
дирами. Время не терпит. В нашем распоряжении шесть
часов, не больше.

Чарухин на цыпочках отошел от перегородки и выбе-
жал из штаба.

Автобат расположился недалеко от границы, в неболь-
шой карельской деревушке. Маленькие избы были окру-
жены густым, темным лесом.

Чарухин бежал, забыв даже застегнуть полушибок,
боясь, как бы кто-нибудь раньше его не рассказал това-
рищам о полученном приказе.

Одним прыжком он вскочил на крыльце, спотыкаясь,
пробежал по темному коридору и распахнул дверь в по-
мещение, где жил комиссар с политработниками.

— Едем... На фронт... К дивизии... В город... — запы-
хавшись, выкрикивал он, оглядывая обедающих у стола
товарищей.

Все побросали ложки и окружили Чарухина.

— Ты что, Анатолий, шутишь? — высоким голосом
закричал юркий худощавый Покровский, неутомимый
балагур и гармонист, лучший художник автобата. — Ка-
кой город? Зачем? Куда?

— Да подожди ты! — одернул его всегда степенный
и спокойный секретарь партбюро Бодров, и вдруг и сам
не выдержал: — В чем дело? Приказ, что ли, получен?

Чарухин начал рассказывать, стараясь не пропустить
ни одной детали.

Из коридора донесся громкий голос:

— Политруков и коммунистов к комиссару, команди-
ров роты — к комбату!

Все стали поспешно одеваться.

А через полчаса, после летучих митингов в ротах, по улицам забегали бойцы, водители проверяли машины, в каждом доме торопливо складывали имущество. Около высоких сараев, где находились склады боеприпасов и продуктов, бойцы грузили ящики и мешки, в машины вкатывали по деревянным настилам большие металлические бочки с горючим, доверху нагружали кузова теплым обмундированием и валенками. В морозном воздухе далеко разносился громкий густой голос комбата. Комиссар обходил помещения, и его небольшая худощавая фигура была видна то в одном, то в другом конце деревушки.

Спускались уже густые сумерки, когда погрузка закончилась.

Когда комиссар возвращался в штаб, его кто-то окликнул.

— У нас все собрано, товарищ комиссар, — быстро подходя, сказала Шилова, врач автобата. — Только надо помочь с погрузкой.

— Хорошо. Я сейчас пришлю бойцов, — кивнул головой комиссар и пристально посмотрел на молодое слегка скуластое лицо. — Ну, вы довольны?

— Еще как! — радостно вздохнула женщина. — Ведь, право же, обидно: все ушли вперед, а мы все сидим и сидим в тылу. Я уже решила, что войны не увижу.

— Больно уж вы быстры, — улыбнулся комиссар. — Увидим, не волнуйтесь.

Он зашел в штаб, приказал послать в санчасть бойцов и снова вышел на площадь. Не хотелось оставаться в душном, накуренном помещении.

На темном небе уже горели яркие, огромные звезды.

От непрерывной беготни гудели ноги. Комиссар присел на скамейку у забора и оглянулся на площадь.

Он вспомнил свои переживания в тот момент, когда он впервые прочел о провокации финнов на Карельском перешейке. Там снарядами били бойцов, мирно охранявших у границы город Ленина.

Тут же, на этой площади, он недавно читал бойцам приказ правительства о переходе границы.

Он вспомнил со всеми мелочами этот замечательный вечер.

Тогда шел мелкий пушистый снежок. Толпа бойцов стояла так тихо, что было слышно, как снежинки шур-

шаг о ветви деревьев. На белом фоне заснеженных елей еще более массивной и грузной казалась фигура комбата, который говорил, стоя в машине. И эти крики «ура», и радостные лица бойцов...

Вот здесь, совсем рядом с машиной, стоял Чарухин. К нему поворачивались со всех сторон, он говорил что-то громко и возбужденно, но его слова заглушали взволнованные крики. Бодрова тоже окружили со всех сторон, ему передавали наскоро написанные заявления о приеме в партию. Один за другим водители взбирались на машину. Они говорили о родине, о партии, о Сталине.

Но в словах многих бойцов проскальзывала обида от того, что они не в передовой части.

Теперь площадь была тихой и пустынной. Закончив погрузку, бойцы разошлись по избам. По дороге кто-то спешно шел. Комиссар пригляделся и узнал комбата.

— Значит в двадцать два ноль-ноль выезжаем. Пойдем, комиссар, закусим. А то с утра во рту маковой росинки не было. Я приказал сюда всем собираться.

Издали заблестели фары грузовых машин, подъезжающих к штабу.

Машины растянулись длинной ровной цепочкой. Комиссар ехал в начале колонны, комбат в середине, начштаба — сзади.

Хотя двигались очень медленно, боясь застрять в глубоких сугробах, двадцать километров до границы прошли незаметно.

И вот уже позади остался пограничный пост, высокая арка со свежими гирляндами из хвои, перевитыми красными полотнищами, двухцветный финский шлагбаум.

С обеих сторон раскинулось пустое селение Мансила, которое, спешно отступая, не успели поджечь пограничные финские части.

Комиссар много раз уже ездил по этой дороге с автоколоннами в ДОП¹, которые были расположены в мелкоточке Уксу, но сейчас, ночью, дорога казалась новой, незнакомой. Она смутно белела впереди, делая бесконечные повороты. Густой темный лес подступал к самым

¹ ДОП — дивизионный обменный пункт, через который проходят боеприпасы и питание для частей.

обочинам. В свете фар блестел снег на широких опускающихся до самой земли густых еловых ветвях. Ветер намел на дорогу высокие сугробы.

Машины часто останавливались, и тогда все бежали с лопатами расчищать путь.

Ночь стояла яркая, лунная, светлая.

Кое-где на полянках виднелись хутора, с уцелевшими домиками, и неприятна была темная пустота окон и дворов. Не слышно было даже лая собак.

Навстречу бежали подъемы, спуски, крутые повороты, белые верстовые столбы.

Мороз становился жгучим. Водитель Тестов набрал в небольшую мисочку снега и поставил ее у себя в ногах. Иногда он как-то странно помахивал вверх и вниз головой. Комиссар украдкой наблюдал за ним и никак не мог понять — в чем дело.

— Зачем ты это делаешь? — наконец, не выдержал он.

— Чтобы сон отогнать, — сказал водитель. — Плохо, когда заснешь в машине. Беды не миновать. Вот и приходится махать головой. А уж если и это не помогает — есть еще одно верное средство.

— Какое же? — удивился комиссар.

— Снег за воротник класть, — серьезным тоном сказал Тестов. — Вот уж тогда никакой сон не возьмет. Течет вода холодная по спине — благодать. А когда согреется — снова снежок надо подкладывать.

Комиссар понимал, что люди бесконечно устали. Все последнее время водители без отдыха находились в рейсах, и он обдумывал, как бы получше устроить людей в Питкяранте и дать им хоть немного отдохнуть.

Иногда у мостов дозоры задерживали колонну, кто-то громко спрашивал.

— Чьи машины?

Местечко Уксу проехали на рассвете и, когда стало уже совсем светло, остановились, чтобы пропустить встречную колонну. Ее головная машина застряла в снегу и загородила дорогу. Водители бросились на помощь. Мотор напряженно гудел, грузовик тяжело буксовал, сзади его подталкивали бойцы, и в морозном воздухе гулко раздавались ритмичные выкрики:

— Эх, раз! Еще раз! Взяли!

Комиссар вышел из кабинки. От небольшого домика,

стоящего у дороги, к нему подбежал водитель-комсомолец Бобров, красивый парень с нежным девичьим румянцем на щеках.

— Посмотрите, товарищ комиссар, что пишет белогвардейская сволочь, — сказал он и протянул листовки.

— А где ты их взял? — спросил комиссар.

— Вон у того дома на снегу целая пачка лежит.

Кто-то рядом уже громко читал листовку.

«Красноармейцы, большевики в семнадцатом году отняли у вас землю».

Громкий хохот заглушил слова.

— Дальше читать не буду — тут одна ругань, — сказал державший листовку.

— Ну, вот еще. Читай. Надо ведь знать, что офицерье сочиняет.

— Постой, — перебил его другой. — Тут нас в гости зовут. Вы только послушайте: «Переходите к нам. У нас много чаю с сахаром».

Комиссар двинулся к группе, но в это время к читавшему бойцу подскочил Бобров.

— Бросьте, ребята. Разве эту гадость стоит читать? Кто писал? Бандиты, офицерская шваль, — с возмущением закричал он. — Идиоты, даже не знают, кто нам землю дал. Чего они могут понять, гады белогвардейские.

Он стал с ожесточением рвать листовки, и клочки синих бумажек медленно заряяли в воздухе.

— Так их, не жалей! — приговаривали водители, и громкий хохот разнесся по лесу.

Сбоку у дороги кто-то развел костер. Около него грелся народ. Высокий незнакомый боец, присев на корточки, отогревал замерзшие пальцы.

Комиссар подошел поближе и, вытащив уголек, прикурил папиросу.

— У нас это бывает, — продолжал разговор незнакомый боец. — Не сильно, но все же. Бродят иногда бандочки у города и постреливают. Да их немного. А то вот дело было. Как-то в сумерках часовой увидел по дороге бойца и крикнул: «Кто идет? Стой! Пропуск!» Боец потоптался на месте, затем и говорит: «Свояк». Учуял часовой, что дело неладное, и приказал бойцу подойти поближе. А он — бежать к лесу. Часовой вслед выстрелил, а из лесу тоже в ответ стрельба. Тут наши

ребята погнались за «свояком», ну, и забрали. Оказался финский разведчик.

— А что, он в нашей форме был? — с любопытством спросил кто-то.

— Точно. Снял, видно, с убитого и вырядился, — степенно объяснил приезжий, чувствуя всеобщее внимание. — А то еще, бывало, начнут финны откуда-то с озера по белому мосту из артиллерии шпарить. Только уж народ привык к этим выстрелам.

— Значит, весело живете, — вмешался в разговор Покровский, но в это время донесся голос комбата:

— По местам!

Все бросились к грузовикам. Встречный транспорт уже медленно двигался, осторожно обходя машины, чтобы не зацепить их.

— А что, ребята, до Питкяранты далеко? — крикнул комиссар проезжавшим бойцам.

— Да нет, километров пять.

По этой дороге комиссар еще не ездил, но она ничем не отличалась от той, по которой двигались все время. Опять навстречу бежали подъемы, спуски, крутые повороты, белые верстовые столбы. Откуда-то издалека изредка доносился орудийный гул.

Машина, буксую, с трудом взяла крутой подъем и остановилась на горке. Справа у самой дороги стоял небольшой красный домик. Около него несколько бойцов из машины выгружали кипы бумаги.

— Тут что? — спросил комиссар.

— Дивизионная газета.

— А до Питкяранты далеко?

— Да ведь это и есть Питкяранта.

Комиссар соскочил с машины и с удивлением оглядывал местность.

— Да тут города и не осталось. Все посожгли финны, — сказал боец. — Вот эта, говорят, улица главная была. Теперь камня на камне нет.

Несколько домиков уцелело на склонах горки, кругом одиноко поднимались высокие кирпичные трубы, а справа у дороги, на самом верху стояла небольшая белая церковь с высокой колокольней.

Внизу расстилалась широкая пелена Ладожского озера. С трех сторон к городу близко подступал темный лес.

— Вот тебе и «культурная обстановка», — усмехнулся

комиссар и стал расспрашивать бойца — как проехать к коменданту города.

— А вот по той дороге спуститесь, — там длинный белый мост через залив. Как его проедете, на острове справа завод, а чуток подальше больничный городок. Вот там и узнаете. Да обождите, я тоже туда сейчас двинусь, вот только бумагу снесу. Вместе поедем.

— Ну, и прохвосты, чего понаделали, — раздался за спиной голос комбата. — Прямо удивительно, до чего цивилизация доходит. Даже ни одного деревца на улицах не оставили. Точно мамаево полчище прошло. Церковь-то небось пожалели, а может быть, оставили как наблюдательный пункт. Варвары...

— А ты чего ждал? — спросил комиссар.

От красного домика бежал боец.

— Ну, поехали, — сказал комиссар и, вместе с бойцом, залез в кузов машины. Отсюда было лучше наблюдать, а он сразу хотел познакомиться с местностью.

Машина медленно двигалась по скользкому кругому спуску. У самой Ладоги, около белого деревянного моста через залив, задержал дозор и потребовал документы.

«Тут у них не так, как в тылу», — подумал комиссар и, когда машина снова двинулась, обернулся к бойцу:

— А где дивизия расположилась?

— Она вперед ушла. Вон туда, — махнул он рукой направо в сторону удаляющегося к горам конца залива. — Бьются наши там сейчас с финнами. Оттуда вот и слышна артиллерийская стрельба.

— А в городе что ж, только тыловые части? — спросил комиссар, когда машина, пройдя по деревянному мосту, выехала на остров.

— Тыловые. Тут спокойно, — сказал боец.

Справа на острове показались высокие серые здания завода. Около них стояли груженые машины только что прибывшего транспорта; в одном из цехов был устроен гараж.

— А вот же завод не тронули, — сказал комиссар. — Только попортили немножко стены да стекла кое-где выбили.

— А как же? — усмехнулся боец. — Завод-то немецкий. Разве же финны добро своих хозяев будут портить? Им тогда немцы помогать перестанут. Они его до по-

следного времени хранили, да вот позавчера снарядами с озера немного поразбили. А больничный городок, где раньше жило все немецкое начальство да служащие, совсем не тронули при отступлении.

Узнав у коменданта, где должен расположиться автобат, комиссар направил машины в больничный городок. Там в небольших беленьких домиках, неожиданно покинутых хозяевами, устроились водители. Комнаты были светлые, чистые, в кухнях — аккуратно сложенные печки с вытяжными навесами.

Поздно ночью комиссар обошел дома. Усталые водители крепко спали. Дозорные окликали каждого проходившего.

Комиссар постоял во дворе, прислушиваясь к тишине. Слева за заводом полыхало яркое зарево. Это горел подожженный финнами при отступлении из города уголь. Его старательно и долго заливали, но огонь снова прорывался, и его нельзя было потушить.

«Прекрасный ориентир для финнов», — подумал комиссар.

Он еще долго думал о дивизии, об автобате и о том, что здесь теперь у них начнется иная жизнь.

Рано утром противник с Ладоги обстрелял из орудий остров Пусун-саари, на котором расположился больничный городок и завод. Снаряды ложились по обеим сторонам длинного белого моста.

Три снаряда попали в помещение завода, перебили все стекла и повредили какой-то бак, из которого потекла вонючая, густая жидкость.

К заводу со всех сторон побежали бойцы.

— Во, братцы, гляди, гляди, дыра какая, — с интересом говорил молодой боец, осматривая пробитую стену. — И откуда это финны шпарят? Все утро глядел, никак не пойму.

— Да с Ладоги, — объяснил другой. — Видал, мысок вперед выдается, вода около него не замерзла? Так там все канонерка ходит. Оттуда и бьют.

Комиссар с редактором Поступаевым все утро намечали план ближайших номеров стенгазеты.

— Правильно, — говорил комиссар, — и передовицы нужны и сводки, все это правильно. Только людей не надо забывать. Вот Бобров недавно в рейсе на финскую

банду наскочил. Не растерялся парень... Ребят организовал. Целых два часа на снегу лежали за машинами и отстреливались. Пробились, машины вывезли... Это ведь не так-то все просто. А мы даже в стенгазету написать об этом не можем. Показать, как комсомольцы работают, надо. На этом другие учиться будут... Привлеките людей к газете, закажите им заметки. Иначе дело не выйдет.

Поступаев молча слушал и что-то записывал в тетрадку. За дверью послышались громкие голоса. В комнату стремительно вбежал Чарухин, за ним Покровский; увидя комиссара, они сразу замолчали.

— В чем дело? — удивленно посмотрел на них комиссар. — Что случилось?

— Да вот мы с артиллеристами вскрыли неразорвавшийся финский снаряд, — возбужденно начал Чарухин.

— А там внутри письмо, — перебил Покровский и протянул листок бумаги. — Вы только прочтите.

Комиссар взял записку и, с трудом разбирая выведенные по печатному каракули, прочел вслух:

«Чем можем—поможем».

— А ведь это, товарищ комиссар, кто-нибудь из наших, — обрадовался Чарухин.

— Кто из наших? — приподнялся Поступаев.

— А ты что же думаешь, — подхватил Покровский. — Там, что ли, рабочих нет? В восемнадцатом году у финнов — замечательная красная гвардия была, только задавили ее маннергеймы.

— Эх, братва, «поможем, чем можем!» — крикнул, смеясь, кто-то в соседней комнате.

Видимо, уже весь автобат знал о найденной записке.

В коридоре раздались торопливые шаги. Бобров остановился в двери и, с трудом переводя дыхание, быстро сказал:

— Чей-то самолет. Может быть, финский?

Все бросились наружу. Комиссар поднялся на пригорок и пристально следил за реющей в небе машиной. Она сделала несколько кругов над белой высокой церковью и направилась в сторону острова.

— Чей, товарищ комиссар, чей?

— Должно быть, наш, — сказал комиссар, чувствуя беспокойство. Было очень странно, что летел только один самолет, свои обычно вылетали по-двоем.

Люди группами стояли на дворе, закинув головы и не спуская взглядов с приближающейся машины.

— Наш! Наш! Точно! — убеждал кого-то старшина Садков.

— Какой же наш? Хвост-то какой, а крылья? — не соглашался с ним порученец комиссара Соснин.

Самолет снижался и уже пролетал над самым домом. От соседних строений по нему началась беспорядочная ружейная стрельба.

— Не стрелять! Наш! — раздалось со всех сторон.

На крыльях самолета были ясно видны две красные звезды. Самолет пролетел дальше, сбросив большую пачку листовок. Несколько бойцов бросились подбирать их. Машина сделала два круга и, свернув влево, полетела к госпиталю. От оглушительного взрыва вылетели стекла в окнах.

Комиссар увидел, как в разные стороны взметнулись огненные языки и высоко к небу вздыбились темные клубы густого дыма.

За первым взрывом раздался второй, третий. Бойцы заметались по двору.

— Не толпиться! — зычно закричал комбат. — Врас-сыпную!

Самолет шел обратно, набирая высоту. Люди не спускали с него глаз, каждую минуту ожидая нового взрыва, и беспорядочно стреляли. Но самолет летел так высоко, что пули не могли попасть в него.

Комиссар бросился к госпиталю, навстречу бежали санитары, но от них ничего нельзя было добиться. Он не мог сообразить, что произошло. Может быть, с самолета сорвались бомбы?

Сил нехватало, он задыхался; кто-то обгонял его.

— Сволочи! Перекрасили самолет, да по нашим раненым, — злобно кричал Чарухин, на бегу протягивая белую листовку.

Комиссар выхватил протянутый листок. Это было финское возвращение.

Большой широкий двор госпиталя был переполнен ранеными. У приемного покоя валялась разбитая в щепки грузовая машина. В хирургическом отделении осколком бомбы была пробита стена. Пахло гарью. Люди в белых халатах бегали по двору, таская ведра с водой.

— Сюда, сюда, товарищи! — крикнул комиссар, обер-

нувшись к догонявшим его автобатовцам, и стал цепочкой расставлять людей.

Теперь ведра уже передавались из рук в руки, и над крышей операционной поднялись белые облака пара. По двору от одной группы к другой поспешно переходил начальник госпиталя, успокаивая раненых.

— Все кончено. По местам, ребята!

Увидя комиссара, он кивнул головой и улыбнулся.

— К счастью, ни одной жертвы, но операционную испортили. Весь угол отбили, — тихо сказал он. — Вот, гады. Пронюхали, где госпиталь, и нарочито били по нему. Ведь наши опознавательные знаки достаточно видны.

— Да, спутать невозможно, — согласился комиссар. — Это делается совершенно сознательно. Хотят вызвать панику.

Когда затушили пожар, комиссар с бойцами вернулись к себе. Да, первую бомбежку приняли не вполне организованно, и комиссар тщательно обдумывал, что надо предпринять.

По двору сердито ходил комбат.

— Методы деликатные... — сказал он комиссару. — Накрасили звезды, кинули агитлистовки, а затем сбросили бомбы. Удивительно! А наш народ сразу не понял.

— Надо собрание завтра устроить. Народ-то ведь не обстрелянный, тыловая часть. Что ж ты хочешь — запасники. Это ведь не регулярная часть. С ними еще много поработать надо.

— Точно, — согласился комбат.

— Ходят слухи, по дорогам неспокойно стало. Какие-то банды обстреливают проезжающих. Надо бойцов проинструктировать.

В комнате политработников политрук Разумов о чем-то горячо спорил с Поступаевым.

Комиссар прошел к своей койке и решил соснуть хоть полчаса. Накануне они допоздна сидели с Бодровым, составляя план бесед, которые нужно было провести с бойцами; наметили темы по международному положению, о дисциплине и присяге. Но комиссар чувствовал, что только одними беседами не достигнешь результата: «Надо использовать художественную литературу», — подумал он и вспомнил, что имеющаяся библиотека мала и вся уже зачитана. «Вот если бы достать Щолохова,

Фурманова, Пушкина, Салтыкова-Щедрина», — перебирал он в уме своих любимых авторов. Надо в ближайшее время отправить Покровского в Олонец за книгами.

Он с удовольствием вытянулся и, повернувшись лицом к стене, слегка прислушивался к тому, что говорил Разумов.

— Откуда знаю? Жизнь учит. Надо новыми методами работать. Оперативность — это все... В любых условиях газету надо создавать. В окопе сидишь — пиши. В рейс поехал — тоже пиши.

— Что же, ты на машине так и будешь писать?

— А как же? Вот дал я как-то задание редактору организовать в рейсе «Боевой листок». Задание-то дал, а сам думаю, как его ребята выполнят. Ну, поехали. А в дороге пробка. Бегу я к головной машине, чтобы про-двинуть ее. Снег сыплет, ничего не видно. Смотрю, водитель на подножке скрючился и сверху голову и плечи брезентом покрыл. «Ну, — думаю, — заболел парень». Я к нему:

— В чем дело, болен?

А у него на коленях фанера, а на ней бумага.

— Да нет, — говорит, — здоров. От машины отойти нельзя — дневалю. Вот пишу заметки в «Боевой листок», как нам с пробками бороться нужно.

Сам снегом весь засыпан, а листок бережет. А ты говоришь — условия. Тут надо приспосабливаться. Вот сейчас пойдем в мою роту, поговорим с ребятами, они тебе кучу заметок насыпят. Прямо мировая газета будет. Потому у каждого есть что сказать.

Комиссар проснулся, когда на столе уже горела лампа; его разбудил громкий знакомый голос начальника артиллерийского ДОПа Гуляева. Он только что пришел вместе с Бодровым, и оба отряхивали с полуушубков и валенок снег. В комнате было много народа: «на огонек» зашли политруки и кое-кто из командиров.

— Ой ты, боже мий, ну, и мороз, — нагнувшись к печке и грея красные пальцы, быстро говорил небольшого роста худощавый Гуляев и, улыбаясь, старательно оттирал маленький, слегка приподнятый кверху нос.

Комиссар встал и попросил Соснина принести обед. Он любил, когда сюда приходил народ, любил шум и смех и радушно встречал каждого. Но с Гуляевым он был

особо предупредителен. Финны ежедневно посыпали в сторону ДОПа солидную порцию снарядов. Гуляев дрожал за свои склады, не спал по ночам, резко похудел за последнее время, нервный тик подергивал его левый глаз. Но он не утратил обычной веселости и без конца шутил, пересыпая русские слова украинскими.

— Да деж вы тои причандалы взялы? — с удивлением спрашивал Гуляев, разглядывая щи с кислой капустой и хорошо поджаренные котлеты.

Лицо комиссара сияло. Обед — это была его гордость. Он уже несколько дней обсуждал с поварами новое меню, посыпал бойцов в пустые соседние деревушки «пошукать» капусты, затем долго вместе с доктором Шиловой колдовал над ней, чтобы выяснить, нет ли в капусте отравы, и, наконец-то, сегодня поразил бойцов замечательным обедом.

— Ну, подумаешь, — с деланным равнодушием сказал он, — завтра гуляшом буду угощать.

Все громко засмеялись.

— Ну, нигде этого, кроме как в автобате, не найдешь, — с гордостью сказал Чарухин.

Поступаев наладил радио.

Говорила Москва. Все смолкли. Комиссар быстро оглядел сидящих. Люди с волнением ловили каждое слово. Оно шло с родины. На севере гремели орудия, а вся страна в это время работала и жила кипучей, полно-кровной жизнью.

Зазвучали торжественные звуки Интернационала. Покровский тихо подхватил мотив. Его поддержали новые голоса.

Комиссар видел кругом взволнованные лица, возбужденные глаза. Каждый пел вместе со своей страной. Каждый чувствовал ее близость, никогда еще «Интернационал» не казался таким мощным и торжественным, как в эту ночь. Родина была далека, но ею был полон каждый.

Поздно ночью из штаба дивизии был получен приказ о том, что автобат должен разместиться в лощине у дороги, в трех километрах севернее Питкяранты.

Этот приказ был принят всеми с радостью. Каждый стремился быть поближе к дивизии, к тем местам, откуда изредка доносилась орудийная стрельба.

На рассвете комбат, захватив с собой несколько человек, поехал осматривать указанное для батальона место, а через несколько часов по дороге потянулись машины, и лес зазвенел громкими голосами, стуком топоров и тонким визгом пил.

Комиссара можно было видеть всюду. Надо было устроить людей как можно лучше. Похваливая одних, подтягивая других, он добивался быстрой и спорой работы. Роты соревновались между собою.

К вечеру лес был взрыхлен, близко одна от другой выросли землянки с потолками, обитыми картоном, и полами, выложенными досками. В каждой землянке врыли в землю пустые бочки из-под бензина, вставили в них самодельные трубы, кое-где смастерили настоящие окна со стеклами, и от тепла и света внутри стало уютно.

Люди устраивались по-хозяйски, рассчитывая на продолжительное житье.

К концу дня комиссар пошел осматривать новый городок. Прямо перед лагерем раскинулось широкое заснеженное поле. Землянки прилепились к небольшому пригорку, как кавказские сакли. Со всех сторон поднимался розоватый дымок, окрашенный лучами заходящего солнца, а кругом еще звенели пилы, стучали топоры и перекликались голоса.

Комиссар остановился, оглядывая местность. Невдалеке виднелись два покривившихся небольших домика и сарай с плотно прикрытыми дверями.

Здесь все казалось иным, чем в Питкяранте. Лес был уже не такой густой и темный. Кругом подымались небольшие высотки с хвойными деревьями, среди которых стройными стволами одиноко белели березы.

К самой дороге подступали высокие отвесные скалы. Они были всевозможных оттенков: розовые, лиловые, серо-голубые с желтыми прожилками. Чаще всего встречался серый гранит.

«Вот притается за такую враг и может под обстрелом держать большую часть, не давая ей возможности продвинуться вперед», — подумал комиссар. Ему не нравилось и то, что дорога так близко подходит к землянкам. Тут трудно было провести хорошую маскировку. Но он был доволен расположением парка. Его не было заметно с дороги, и только подойдя близко, можно было обнаружить в густом лесу тщательно замаскированные

хвоей и снегом, поставленные в ряд грузовые машины.

— Товарищ комиссар! Зайдите посмотреть, как мы устроились, — окликнула его у землянки санчасти доктор Шилова. — Не знаю только — как с госпитальным отделением, не мало ли, — быстро говорила она, пропуская комиссара в землянку.

Санчасть занимала две землянки. В первой была приемная и комната врача и фельдшерицы Веры, пышущей здоровьем румяной хохотушки.

Комиссар рассматривал ящики с медикаментами и инструментами, покрытые белыми свежими простынями, небольшой стол с бутылочками, топчаны у стен, прикрытые цветными одеялами, на которых белели подушки с вышитыми наволочками. На маленьком окне — занавеска из марли, в углу у стены винтовки. В землянке было уютно, тепло, пахло духами.

— Удивительный вы народ — женщины, — вырвалось у комиссара. — Нигде не пропадете. Вот, ведь, рядом этого нет!

— Если хотите, мы и вам так устроим, — предложила Вера.

— Нет, — поспешил поблагодарил комиссар. — Я уж как-нибудь обойдусь.

Госпитальная землянка была меньше. У стены тоже стояли топчаны, накрытые серыми байковыми одеялами. Около небольшого окошечка примостился стол из ящиков. Кругом было чисто, во всем убранстве чувствовалась женская рука.

— Ничего, пока хватит, ведь это только для легких заболеваний, тяжелобольных в госпиталь надо отправлять.

Услышав какой-то шум на дворе, комиссар заглянул в окно.

От сарая шла большая группа бойцов. Они вели какого-то небольшого роста человека в непривычной одежде оливкового цвета и в шапке с длинным широким козырьком.

Комиссар пристально вглядывался, но никак не мог понять, кого вели в санчасть.

— Принимайте гостя! — раздалось за дверью, и землянка сразу заполнилась бойцами.

Впереди всех, боязливо съежившись, стоял незнакомый военный: по форме и по погонам комиссар понял, что это финский солдат.

— Откуда? — спросил он.

— Да мы, товарищ комиссар, его за картошкой нашли, — ответил Садков. — Смотрим, человек к стене прижался, дрожит, руки поморожены. Ну, мы его сюда и забрали. Обыскали, один овес в кармане нашли. Этим только и питался.

Пленный растерянно оглядывал бойцов, никак не понимая, что с ним сделают, и вдруг комиссар увидел его жадный неподвижный взгляд, которым он уставился на тарелку с белым хлебом, стоящую на столе.

— А ну-ка, тащите сюда еду, — коротко приказал он и жестом указал финну, чтобы тот присел на табуретку.

Финн неуверенно сделал шаг вперед. И тут только все заметили, что он ранен в правую руку. Шилова усадила раненого и приказала санитару Сизеву разрезать ножницами рукав куртки. И как раз в этот самый момент принесли еду.

Пленный с изумлением смотрел на миску с горячим дымящимся супом, на тарелку с котлетами, и комиссар снова поймал его нерешительный голодный взгляд.

— Кушай, кушай, это тебе, — сказал он, пододвигая в сторону финна хлеб и миску.

Финн оттолкнул рукой Сизева и дрожащими пальцами взял ложку. Он ел с жадностью голодного человека, который боится, что у него могут отнять еду.

Комиссар послал за бойцом, который немного понимал по-фински, но пленный, наевшись, вдруг сам заговорил на ломаном русском языке. Можно было с трудом понять, что он рабочий, что народ не хочет воевать и его силой заставляют идти на фронт шюцкоровцы и офицеры. Два дня тому назад он перебежал фронт, его ранила догнавшая шюцкоровская пуля, он долго отлеживался в лесу, а сегодня, с трудом добравшись до погреба, спрятался за картофелем.

Все с интересом прислушивались к непонятным словам, а финн все бормотал, изредка останавливаясь и рассматривая рану, которую перевязывала Шилова. От раны шел гнилостный запах, в ней виднелась присохшая вата из куртки, но финн терпеливо переносил боль.

— Проведите его в штаб, — сказал комиссар, когда Шилова окончила перевязку.

Пленный понял, что его куда-то уводят. Он бросился

к комиссару и, кланяясь, закричал плачущим голосом:

— Не надо Суоми! Не надо Суоми!

— Ничего, ничего. Не пошлем тебя обратно в твою Суоми,— успокаивал его комиссар. — А ну, Садков, отведи его помыться, да скажи, что я приказал выдать для него какую-нибудь одежду. На нем все завшивело.

Когда через полчаса финна привели в штаб, он был в чистой одежде и, прикладывая руку к сердцу, что-то без конца бормотал, улыбаясь и кланяясь, все время быстро оглядывая свою одежду и серые большие валенки.

Комиссар приказал устроить его на ночь, а наутро под конвоем отправить в Питкяранту.

Два дня в районе дивизии слышалась непрерывная артиллерийская стрельба.

Комиссар только что вернулся из города, и ему сказали, что комбат с транспортом боеприпасов уехал в дивизию. Надо было ждать его возвращения, чтобы узнать последние новости.

Комиссар сильно устал. Он выпил уже несколько кружек горячего чаю, но озноб не проходил, клонило ко сну. Было непонятно, почему так задержался комбат.

Чтобы не заснуть, он взял пачку свеже полученных газет и уселся за низкий деревянный стол.

В землянке слышался равномерный храп Бодрова и легкое посвистывание Чарухина. Комиссар с завистью посмотрел на спящих и подложил в печку дров. Где-то загудела машина. Еще издали был слышен приближающийся громкий голос комбата. Видимо, командир был не в духе и кого-то сердито распекал. Может быть, что-нибудь случилось?

Комбат грузно ввалился в землянку и стоял, слегка расставив ноги и пригнув голову, чтобы не задевать потолок. Лицо у него было сердитое, сдвинулись густые темные брови, лоб прорезали морщины. Щурясь от света, он разглядывал сонное лицо и дыбом торчащие растрепанные жидкие волосы комиссара.

— Дела... — лаконично сказал он и тяжело уселся на скамью.

— Рассказывай,— шепотом торопил комиссар.

— Из штаба получен приказ завтра же переехать обратно в город,— также тихо ответил комбат.— Трудно

будет устраиваться. Помещения наши заняты, на дворе зима.

— А как на фронте?

— Я не смог повидать ни комдива, ни комиссара. В штабе говорят, что финны на наш фронт перебросили большие силы. Наши готовятся к наступлению. С часа на час ждут приказа командарма. С тыла к нам движутся подкрепления.

— Какие же тут финские части?

— Говорят, Выборгская офицерская школа, шюцковские части.

— Когда же нам приказано двигаться?

— Завтра.

— Значит, надо будет заново рыть землянки? Ну, что ж, придется поработать...

— Ну, ясно,— улыбнулся комбат.— Возьму с собой на рассвете бойцов и поеду место отыскивать. А ты к отъезду готовься. Эх! и комиссар же у меня золотой,— раскатисто засмеялся он и похлопал комиссара по плечу.

На рассвете небольшая колонна машин двинулась к городу и остановилась под горкой, у высокой белой церкви. Отсюда виднелся весь городок, дома на острове и застывшая ширь Ладожского озера.

Водители спешно взялись за работу. Привычка вечно передвигаться с места на место, вечно быть в движении сказалась и на этот раз.

Но работа не спорилась. Земля промерзла, лопаты ударялись о скалистый грунт.

Комбат стоял рядом и ругался про себя.

— Нет, дело так не пойдет. Точно!

Позвав шофера Николая, комбат залез в машину. Хоть лопни, но помещение нужно найти. Он долго и безрезультатно мотался по городу, потом приказал Николаю свернуть на окраину. Машина шла лесом по узкой дороге. Иногда среди деревьев справа мелькала застывшая Ладога. Вот позади остались последние домики. Николай затормозил, но комбат так глянул на него, что он снова дал газ.

Комбат упорно смотрел вперед. Разве в этом проклятом лесу можно что-нибудь найти? Но он не возвратится, пока не объедет всю округу.

Влево отходила небольшая просека. Снег лежал пушистой пеленой, на нем не было никаких следов.

— Сюда! — буркнул комбат.

Машина продвинулась еще немногого вперед и застряла в снегу.

— «Не выйдет», — с досадой подумал комбат и выскочил из машины. Ноги по колена завязли в снегу. «А все же это, повидимому, заброшенная дорога», — решил он.

За поворотом сквозь заснеженные ели неожиданно мелькнул красный забор. За ним показался такой же красный большой барский особняк со службами, сарайми и многочисленными дворовыми пристройками.

Слева через застывшую речушку перекинулся мост, а за ним среди елей темнела покривившаяся банька.

Дом был пуст. Повидимому, после того, как его бросили хозяева, туда никто не заходил. Только кое-где в окнах были выбиты стекла. Когда комбат открыл дверь, в прихожей зазвенели прозрачные стеклышики люстры. Из длинных коридоров и больших комнат пахнуло холодом и затхлостью. На полу валялись платья, белье, какие-то тряпки, посуда, разбросанные письма и документы. Грудами лежали книги в дорогих золоченых переплетах. В коридоре стояло открытое пианино с густым слоем пыли на клавишиах.

— Тысяча и одна ночь! — сказал комбат. — Обоснуемся здесь. Точно! — Закрыв дверь, он вышел на крыльце, к которому уже успела подъехать машина. — А ну, как тебе нравится? — спросил он Николая и, не дождавшись ответа, громко засмеялся: — Вот здорово! Прямо как из-под земли вытащили. Ну, прямо, тысяча и одна ночь.

А наутро машина за машиной проехали по просеке и разместились недалеко от дома за старым финским кладбищем, в небольшом сосновом лесу. Люди взялись за ремонт машин. Дом ожил. Водители с ведрами воды бегали от реки, мыли, скребли и чистили большие неуютные комнаты.

Комиссар проснулся рано утром и сейчас же посмотрел на кровать Чарухина. Но она опять была пуста. Что могло случиться с колоннами? Одну он послал с лейтенантом Максименко третьего дня в местечко Уомас за

боеприпасами, вторая ушла в Лодейное Поле за мукой и горючим. В выпечке хлеба был небольшой перебой. Паховцы¹ слишком поздно сообщили о том, что мука на исходе. С горючим дело обстояло еще хуже. Срочно вызывали в дивизию. Комиссар дивизии Гвоздев приказал быть лично, доложить о количестве подвезенных запасов.

Еще вчера утром комбат выслал навстречу колонне с горючим Чарухина. Но и он куда-то пропал. Если бы не вызов в дивизию, комиссар сам поехал бы проталкивать застрявшие машины.

Захватив приготовленную штабом сводку, он уселся в машину.

За ночь выпал снег, густо запорошил дорогу, и «эмка» медленно шла, сползая из одной обочины в другую. Со стороны дивизии глухо доносился артиллерийский гул.

Когда комиссар подъехал к расположению дивизии, артиллерийский гул смолк. Только где-то впереди время от времени слышался сухой треск финских автоматов и густой стук «максимов».

Дивизия раскинулась большим, широким лагерем в лощине, которую со всех сторон обступили высотки. Около землянок горели костры. Поблизости стояли походные кухни: густой пар валил из-под неплотно привинченных крышек, далеко разнося запах лука и вареного мяса.

Землянки здесь уже были совсем иные, они глубоко ушли в землю, — для того, чтобы попасть в них, надо было прыгать вниз.

Бойцы устраивали накаты над землянками и наваливали на них землю. Торопливо проходили красноармейцы с винтовками за спинами, с кирками и лопатами на плечах. По краям лагеря устанавливали узкие длинноносые минометы, хвойными ветками маскировали орудия и пулеметы.

— Давай, давай, давай! — кричал кто-то издалека, и видно было, как вслед за этим рухнула подрубленная высокая сосна. Строились повсюду. Около походной кузни несколько бойцов мастерили дровни, звенел молот, слышалось конское ржание.

Лагерь напоминал муравейник.

¹ ПАХ — полевой хлебозавод.

В политотделе сказали, что все срочно выехали в части.

— Комиссар дивизии просил вас подождать, — сказал дежурный.

Комиссар вышел наружу и остановил идущего к высотке знакомого политрука.

— А, какими судьбами? — улыбнулся политрук, останавливаясь и пожимая руку.

— Ты куда? Торопишься? Что у вас тут делается?

— Горы переворачиваем, — засмеялся политрук. — Ты что, к Гвоздеву? Он не скоро вернется. Пошли, покажу тебе наши сооружения.

Они быстро поднялись на крутую высотку.

— Ты понимаешь, — приказа наступать пока еще нет. Повидимому, ждут подкрепления, — говорил политрук, быстро переводя дыхание. — А финнов тут кругом порядочно. Значит, надо быть готовым ко всему. Полковник приказал налаживать оборону. Вот мы и взялись за работу. Таким темпом идет, что, прямо, диву даешься.

— А финны все же постреливают?

— Ну, да. Они вот тут, за высотками. А наши расположились на гребнях. Попробуй, подберись. Сейчас все начальство выехало осматривать сооружения.

Тропинка кончилась. Они поднимались по широким ступеням, вырубленным в плотном снегу. Политрук шел впереди, слегка перегибаясь. Над головой засвистели пули.

— Заметили, черти! — выругался политрук и, пробежав несколько шагов, спрыгнул в глубокий проход, также вырубленный в снегу.

На вершине высотки, тщательно замаскированный ветками и глыбами снега, притаился блиндаж. От него в разные стороны отходили телефонные провода.

— Киев! — кричал кто-то, надрываясь. — Киев! Перерайте Ленинграду: на высоте 45 видно скопление противника в белых халатах.

Политрук не зашел в блиндаж, а, свернув в сторону, пошел по проходу вдоль хребта. С обеих сторон в человеческий рост поднимались стены, выложенные из снежных глыб. Они подошли к другому блиндажу.

Несколько бойцов черпали ложками суп из котелков. Пулеметчик стоял у «максима» и сквозь густую зелень хвои смотрел куда-то вниз.

— Ну, как дела? — спросил политрук.
Все вскочили со своих мест.

— Ничего, товарищ политрук, не плохо, — улыбнулся молодой боец, вытирая ладонью губы. — А чего же плохо? Суп хороший, хоромы — тоже.

— Так что живете, не тужите?

Комиссар подошел к «максиму» и заглянул вниз.

— Вон там, товарищ комиссар, вон там, в лощине. Их-то не увидишь сразу. Маскируются больно хорошо, — объяснял пулеметчик. — Мы вот утром видели, вышли они по одному из блиндажа и в лес. Кушать, должно быть. Тут все время следить надо.

Комиссар с интересом рассматривал местность. Когда он смотрел на высотку снизу, она казалась необитаемой, а тут был народ, тут шла напряженная жизнь. И за каждым кустом, за каждой глыбой притаился боец.

Они быстро спустились вниз. Гвоздев еще не вернулся; у политотдела стоял командир дивизии.

— А вы-то мне и нужны, — обратился он к комиссару. — Гвоздева видели? Нет? Ну, тогда я сам с вами поговорю. Пойдемте ко мне.

Землянка была небольшая, на два человека. У стены примостились два топчана, посередине в землю был врыт простой досчатый стол и две скамьи. С потолка на шнуре спускалась маленькая электрическая лампочка.

Командир дивизии закончил разговор с каким-то майором.

— Все должно быть готово в восемь ноль-ноль. Доложите мне об исполнении.

Он говорил по обыкновению медленно, не повышая голоса и не меняя спокойного выражения лица.

Комиссару нравился Бондарев, нравилось его спокойствие, красивое смуглое лицо, умный взгляд.

— Ну, а теперь с вами, — отпустив майора, обернулся Бондарев к комиссару. — Присаживайтесь. Как дела с подвозом? Что у вас там? Задержки?

Комиссар достал сводку.

Он немного волновался.

— За последний месяц не было случая, чтобы не подвезли дивизии всего, что надо, — сдержанно начал он, невольно подражая манере разговора полковника. — Но создавшиеся условия очень тяжелы.

— Вы что же,— перебил его полковник,— собираетесь упирать на объективные условия?

— Нет,— покраснел комиссар.— Я хочу вас поставить в известность о действительном положении дел. Пробки, обстрелы, разбитые дороги, заносы. Но мы все время перевыполняем поставленные перед нами задачи. Бывают и заторы. Вот двадцать четвертого две машины водителей Дряхлицина и Новгородцева налетели на мины и выбыли из строя. Путь из Уомаса становится все более затруднительным. Двадцать седьмого колонна Бодрова попала под сильный огонь. Только с помощью танка и бронемашины они прорвались вперед. Но все необходимое доставлено к сроку.

Комиссар заглянул в сводку.

— Двадцать восьмого колонна лейтенанта Васильева попала под сильный огонь. Появились раненые. Надо было их отправлять в медпункт. Водитель Мохнаткин под пулями разворачивает машину и вывозит раненых. Вот те условия, в которых приходится работать. Я не оправдываюсь, я только хочу объяснить причину возможных задержек,— торопливо закончил он и передал сводку полковнику.

— Да, да, я знаю,— проглядел сводку полковник.— У вас все время перевыполнение заданий. Автобат работает не плохо. Но сейчас обстановка меняется. На Карельском перешейке у нас замечательные победы. Прорвана линия Маннергейма. Наши войска каждый день занимают новые позиции. Вы, кажется, только что были на высотке и видели наши сооружения? По приказу командарма мы сейчас становимся в тактическую оборону,— сказал полковник и заметил недоумевающий взгляд комиссара.— Вам не понятно? Это всего лишь тактический шаг для подготовки к наступлению. Повидимому, желая отвлечь внимание нашего командования от Карельского перешейка, финны перебросили сюда против нас две дивизии, Выборгскую офицерскую школу, а также части пограничной береговой охраны. Они боятся за север Ладоги. Питкяранта — важный стратегический пункт. Отсюда у нас прямой путь на Кексгольм. Вот смотрите по карте,— наклонился он над столом.— Двигаясь по этому направлению, можно отрезать Карельский перешеек. Финны, повидимому, намерены прервать наши коммуникации. Но на этом деле сядут. Мы некоторое

время будем сдерживать их натиск, готовясь к наступлению, затем, при подходе из тыла и с правого фланга наших частей — имеются сведения, что они скоро будут здесь,— быстрым ударом со всех сторон зажмем врага в мешок и разгромим. Это в общих чертах наш план. Но к этому нужно основательно подготовиться.

Полковник достал блокнот и медленно перечислял все то, что было необходимо сейчас же доставить в дивизию. Список был большой, детально продуманный.

— В первую очередь горючее и продукты. Затем боеприпасы. Их у нас еще достаточно. Но нужно больше. Нельзя терять ни одной минуты. Если к завтрашнему утру ваши колонны не подъедут к Питкяранте, сами выезжайте к ним навстречу. Все.

Серые сумерки уже спускались на землю. Лагерь все еще шумел и жил работой.

К городу подъехали, когда уже спустилась ночь. Только у завода горел уголь, освещая небо ровным ярким заревом. На улицах небольшими группами стояли бойцы.

«Усиленный патруль», — понял комиссар.

Дозорные подходили к самому окну, внимательно оглядывали машину.

Колонны еще не вернулись из рейса.

Комиссар прошел к командиру и передал ему приказания полковника.

— Финны целый день с Ладоги обстреливали мост, — рассказывал комбат. — А тут еще новость: за церковью какая-то банда. Говорят, там видели финнов в белых халатах. Они спустились на лыжах с горки и вышли на озеро. Их отогнали. С утра со всех сторон стрельба. По всему городу сегодня усиленный патруль.

— Да, дела разворачиваются...

После беспокойного дня красный дом смолк. Комиссар обошел роты. Все спали, кроме дневальных. Он вышел на широкое крыльце. У двери темнела фигура часового в длинной дохе.

Комиссар подошел к лестнице и долго прислушивался к ночной тишине, надеясь уловить шум приближающихся машин. Но ни одного звука не доносилось с дороги.

«Ну, и холдище», — подумал комиссар и у самых перил заметил небольшую женскую фигуру.

— Вы что, доктор Шилова, не спите? — удивился он, вглядываясь в бледное с немного раскосо поставленными глазами лицо.

— Да так, как-то не спится. Лес тут кругом густой, темный. И шумит, шумит без конца.

— Жутко? — усмехнулся комиссар. — Вы, должно быть, к полям привыкли?

Правда, лес тут давил. Каждый куст казался чужим. За каждым деревом мог притаиться враг. И этот шум, неприятный шум.

— А все же спать надо, — обернулся он к Шиловой.

Когда комиссар подошел к своей койке и сбросил на нее полуушубок, откуда-то издалека донеслась перестрелка.

Комиссар быстро вышел в полутемную переднюю. Из всех дверей высакивали бойцы.

Со свету ночь показалась еще темнее. Перестрелка неслась с острова и перекинулась в город.

По двору бегали люди, кто-то щелкал затвором, и совсем рядом у дома грохнуло несколько выстрелов.

— Прекратить стрельбу! — раздался громкий, зычный голос комбата: — Дежурный по штабу! Отправить людей по местам. Дать знать дозору, чтобы не стреляли!

По распоряжению комбата на двор торопливо выходила первая рота. Бойцы сбегали по лестнице и становились в шеренгу. Кто-то, тарахтя по ступеням, протащил «максим».

— Ленты пулеметные, ленты! — шепотом распорядился рослый белокурый командир роты Захаров и затем также тихо отдал приказ двигаться.

Люди шли один за другим и быстро скрывались в темноте. Комбат выслал для охраны и разведки еще один взвод.

— Ты оставайся здесь, а я проеду к коменданту, — сказал комиссар. — Надо же выяснить все точно.

Комиссар по дороге завернул в третью роту. Маленький живой политрук Алексеев собрал вокруг себя бойцов и рассказывал им что-то. Бойцы сдержанно смеялись, но видно было: каждый чутко прислушивается к тому, что делается за стенами дома.

«Ну, и ладно», — решил комиссар, незаметно прикрывая дверь.

На дворе уже не было лишнего народа. Только мед-

ленно прохаживались патрульные, держа винтовку наперевес и вглядываясь в тьму.

На перекрестке дорог стоял дозор.

— В чем дело, товарищи? Почему стреляют? — спросил комиссар, задерживая машину.

— Неизвестно, товарищ комиссар. Начали на острове, потом сюда перекинулось...

Комендант тоже выехал на остров и еще не вернулся, но стрельба уже стихла. Только изредка раздавались отдельные выстрелы.

«Надо все же поехать на место», — решил комиссар и позвал Соснина. У завода тоже было тихо. Ровными рядами стояли машины только что прибывшего армейского транспорта.

Комиссар приказал шоферу ехать к ПАХу. Около одной из его палаток стояла большая группа бойцов и виднелись розвальни с бочкой.

Комиссар услышал спокойный голос начальника ДОПа Гуляева, расспрашивавшего бойцов.

— В чем дело? Почему стреляли? — вмешался комиссар и тронул Гуляева за рукав.

— Поехал их водовоз на озеро за водой. А часовой из ПАХа не заметил, как он мимо его проехал. Водовоз набрал воды и едет обратно. Часовой его и обстрелял. А пекаря выскочили из палаток и ну помогать. Завтра выяснят, кто паникерствовал, — ижицу пропишут. Я все фамилии записал.

Было поздно, когда комиссар подъехал к дому. Комбату уже сообщили о том, что произошло.

— Ну, и отличился же ПАХ. А скажу я тебе, комиссар, наблюдал я сегодня за нашими ребятами — хорошо они держались. Четко, точно, без паники. Вот тебе первая проба людей. Это меня радует. Мало ли что еще впереди будет. Подожди, они себя еще покажут.

Наконец, Чарухин добился того, чего так давно хотел. Он несколько раз просил комиссара послать его в рейс, но комиссар не соглашался. Теперь он сам вызвал Чарухина и предложил ехать навстречу колонне лейтенанта Капустина.

— Добейся, чтобы колонна возможно скорей добралась сюда, — сказал он.

Выезжать надо было на рассвете. Чарухин плохо спал

ночь, просыпался, вскакивал. Мигал свет в прикрученной лампе.

Еще только светало, когда он подошел к машине. Около нее стояли старшина Садков, пулеметчик Худяев и Покровский с большим чемоданом. На Покровском был новый дубленый полушубок и огромные валенки.

— Товарищ Чарухин! — издали окликнул его Садков. — Покровский-то у нас за границу путешествовать собрался. Ишь, как вырядился. Даже чемодан новый достал.

— Да ну тебя в болото, — обиделся Покровский. — Комиссар приказал библиотеку из Олонца привезти...

— Будет, ребятки! — оборвал их Чарухин. — По местам!

Худяев с трудом поднял в кузов пулемет. Чарухин сосредоточенно думал. Куда же сесть? Финны обычно бывают по кабине. Они стараются вывести из строя водителя и командира, сидящего рядом. Но как же оставить одного водителя? Нет, он сядет рядом с ним.

Если бы Чарухина спросили, как доехали до Олонца, он неохотно ответил бы: «Все в порядке».

Но в душе он был немного разочарован. Все в поездке шло гладко и не так, как у многих. Он настороженно смотрел вперед и по сторонам, каждую минуту ожидая услышать сухой треск финских автоматов, но километры за километрами убегали назад, и не произошло ничего особенного. Все же по дороге он пережил один момент, который словами трудно описать. Это было у самой границы. По такой узкой дороге им еще не приходилось ездить. Шел густой снег, заметая дорогу. И лес был особый. Широкие ели, с раскинутыми ветвями под пластами снега гнулись к самой земле. Это чужой, ненавистный лес.

Чарухин поминутно смотрел на часы. Хоть бы один человек, хоть бы одна машина навстречу.

Разве не в этом лесу вчера напали на машину? Слева дома. На пухлом снегу одиночные глубокие следы. Кто ночевал в этих домах? Может быть, кто-нибудь притаился и следит сквозь полуоткрытые ставни за проходящей машиной?

Но вот в лошинке показался небольшой дом. Это кордон. Машина остановилась, Чарухин радостно смотрел на пограничников. Он вылез из кабины. Там, за шлагбаумом, родная земля. Он хочет смотреть на нее. Он хочет

видеть каждое дерево, каждый куст. Только сейчас он почувствовал, как соскучился по родине.

Он влез в кузов, и машина двинулась. Сзади заскрипел шлагбаум.

Неожиданно Покровский затянул во весь голос:

Хороша страна моя родная,
Много в ней полей, лесов и рек...

В лицо дул родной ветер. Такой же лес был кругом. Нет, он теперь уже был другой. Какие красивые, густые, пушистые ели. А дорога? Ну, что ж, что она узкая. По ней радостно ехать. Это своя, родная земля.

Город Олонец показался столицей. На улицах люди в штатском. Особенно умиляли ребяташки. Чарухин с нежностью смотрел на их лица, прислушивался к детским голосам.

Покровский весь день бегал по городу и вернулся с тяжелым чемоданом.

— Ну, и книги! — без конца повторял он. — Есть, что почитать.

Но больше всего его радовало то, что достал акварельные краски.

— Ты понимаешь, Чарухин, что теперь будет? Газету сделаю такую, что прямо пальчики оближешь. Вот уж когда красок не пожалею...

К вечеру из Лодейного Поля подошла колонна Капустина.

— Целые сутки стояли на дороге, — устало говорил он, отогреваясь горячим чаем. — Такие пробки, что ни почем не вылезти. На дороге заносы по пояс. Пришлось дожидаться грейдера, а то ни назад, ни вперед.

Решено было дать водителям отдохнуть часок и двигаться дальше.

Был уже поздний вечер, когда колонна тронулась. Почти каждые полчаса машины останавливались и подолгу стояли с потухшими фарами. Капустин бегал вперед, и издали доносился его уже охрипший голос. Он распоряжался, приказывал, созывал бойцов. Там надо было вытаскивать застрявшую машину, то приходилось расчищать занесенную дорогу.

Мороз крепчал. Покровский прикурнул, обняв рукой свой чемодан, Садков то дремал, то бегал за Капустином, едва поспевая за ним.

Часа через два после выезда Капустин разбудил Чарухина, который должен был вступить в дежурство по колонне. Чарухин с трудом приподнялся. Он только теперь почувствовал сильную усталость. Сон разморил, все тело так замерзло, что трудно было даже пошевельнуть рукой.

Колонна снова стояла.

— Почему задержка?

— Пробка впереди.

— А стакан есть? — пошутил кто-то рядом.

— Братцы, да когда же двинемся? — послышался усталый голос.

Чарухин быстро поднялся и огляделся. С обеих сторон дороги — непроходимая лесная чаща.

— Впереди завал, — доложил ему водитель. — Чорт его знает, может быть, где-нибудь поблизости банда...

«Вот оно — начинается», — подумал Чарухин, чувствуя, как у него забилось сердце. Он обошел колонну и у каждой машины выставил дозорного.

Идя вперед, чтобы выяснить причину задержки, он чутко прислушивался, вглядываясь в лесную темноту. Так же напряженно слушал каждый дозорный.

Впереди бесконечно растянулась колонна армейского транспорта, груженная валенками, полушибками, буханками промерзшего хлеба, тушами мяса.

Чарухин помнил приказ комиссара о быстрейшем продвижении колонны. Надо было что-то срочно предпринять.

Он подошел поближе к завалу. Огромные толстые ели перекрецивались в разных направлениях, на них были наброшены ветви, валежник и толстые поленья.

— А ну-ка, товарищи, давай завал растаскивать! — приказал Чарухин и даже сам удивился — откуда у него взялся и этот тон, и твердость. — Веревки тащите, веревки — руками нельзя. Может быть, под завалом мины.

Группа бойцов бросилась к завалу. Люди привязывали канаты к стволам и, отойдя в сторону, с усилием оттаскивали деревья, каждую минуту ожидая взрыва. В ночной тишине слышались приглушенные, торопливые выкрики.

— Эх, раз, еще раз! Взяли!

Проваливаясь по пояс в снег и обойдя завал, вперед пробрались пулеметчики и залегли с ручником.

Чарухин распоряжался и помогал растаскивать деревья. Еще немного — и дорога освободилась.

Чарухин, запыхавшись, подбежал к машине и помог Худяеву втащить пулемет. Машины медленно двинулись. Слева темнели облезжаемые машины армейского транспорта. Впереди то зажигались, то потухали фары головной машины, на которой находился Капустин.

Наконец проехали по темным пустынным улицам городка Сальми. Хотя была уже глубокая ночь, Чарухин решил не задерживаться и ехать дальше. На выезде из городка задержал патруль.

— Немного проедете и остановитесь. Встречная колонна из Питкяранты идет. Пока ее не пропустите — ехать нельзя. А то по дороге нипочем не разминешься.

У спуска к реке стояли, поджидая отставших, машины из Питкяранты. Около них горели костры, люди грелись у огня. Чарухин подошел к ближайшему костру, около которого уже стоял Капустин.

— Ну, как, ребята, проехали? — спросил он, придвигая к огню замерзшие ноги.

— Ничего, — скучно отозвался артиллерист, с красивым цыганским лицом, и плонул в огонь. — Будь она проклята, эта Суоми!

— А что? — вмешался Капустин. — Туго?

— Не туго, а весело, — усмехнулся артиллерист, с трудом на морозе заклеивая кручонку. — Как едешь, каждый мускул чувствуешь. Ну, точно в холодную воду попал — все напряжено. Сидят бандиты за деревьями и жарят из автоматов, когда им вздумается.

— А разве не известны места, где они засели? — спросил Чарухин.

— Кое-что известно. Вот проедешь третий, пятый, седьмой, девятый, одиннадцатый километры — на душе легче станет. Да ведь они не всегда на одном месте сидят. А посереди пути плешь одна есть, безлесное место. Так по нему финны жарят с озера из орудий. Постреляют, замолчат, опять постреляют. Так всю дорогу без фар и прешь. Как засветит кто — жди снаряда. Ай, весело! Днем по дороге едешь — все время свежие лыжни в лес уходят. А то еще перед самой машиной из леса собачонка выбежит. Ну, понимаешь, самый настоящий мирный лягаш. Пропустит машину, повиляет хво-

стом и снова в лес. Значит, ясно — хозяева где-то поблизости. Обнаглели до чортников...

— По машинам! — донеслась издалека чья-то команда. Все вскочили на ноги.

— Счастливого пути! — крикнул артиллерист и побежал к своей машине.

— Ты следи за головой колонны, — сказал Чарухин Капустину, — а я — за хвостом. Надо, чтобы все люди были на-чеку. Ждать подхода еще какой-нибудь колонны — невозможно. Придется на себя надеяться.

Он прошел к своей машине, разбудил ребят, приказал зарядить гранаты и, вытащив из кобуры пистолет, засунул его за борт полушибка.

Впереди загудели моторы, и одна за другой медленно двинулись машины, расходясь с идущим навстречу транспортом. Чарухин на ходу вскочил в кабину.

Пока еще сбоку виднелись очертания домов — было спокойно. Но вот позади осталась высокая водокачка. Лес становился все более густым и темным. Можно было разглядеть темнокоричневые стволы сосен, белые заснеженные кусты, только у самой дороги, а дальше — тьма глухого, непроходимого леса.

Чарухин напряженно всматривался вперед, с жаждой ловил взглядом несущиеся навстречу белые верстовые столбы и тревожно отсчитывал километры. Скоро будет пятый, седьмой, одиннадцатый. Водитель неотрывно следил за еле заметными очертаниями идущей впереди машины.

«Лишь бы не попасть в обочину, трудно ехать без свету», — думал Чарухин, представляя длинную часовую остановку для вытаскивания машины.

Он не поверил себе в первую минуту, когда увидел одиннадцатый верстовой столб. «Значит, проскочили», — радостно подумал он.

У небольшой речушки, около подорванного финнами моста, колонна остановилась. Видно было, как передние машины медленно и осторожно двинулись по крутому спуску. На речке под колесами затрещал лед; буксая, грузовики стали тяжело подниматься на крутой пригород.

У самой реки стояла брошенная кем-то машина. Передними колесами она глубоко врезалась в снег. По следам было видно, что около нее долго и бесплодно возились.

Чарухин нагнулся к мотору. Машина была новая. Разве

такую можно бросить? Он крикнул водителя и приказал принести цепь.

— Да что вы, товарищ Чарухин? — удивился водитель. — Разве в такое время можно колонну задерживать? Пока машину вытащим да на буксир возьмем, нас сзади кто-нибудь обгонит. Вот и будешь в хвосте плестись.

— А мы не будем задерживать колонну, — настойчиво сказал Чарухин. — Пускай едет дальше.

— А если нас финны обстреляют?

— А на что пулемет? Давай, давай, заправляй цепь. Разве такое добро бросать можно?

Худяев, отбросив в сторону чемодан, устраивался с пулеметом между мешками с мукой. Покровский мешал ему, споря из-за места для чемодана с книгами и красками.

— Так же нельзя, — с обидой говорил он. — Надо же учитывать. У меня тоже ценное имущество, а ты его в сторону отбрасываешь.

— Конечно, — поддел его Садков. — За твоими красками финны в первую очередь охотиться будут.

Последняя машина скрылась за бугром.

— А ну, давай нашу! Давай скорей!

Машина осторожно подъехала и остановилась. Садков помогал прилаживать цепь, Покровский подталкивал сзади застрявший грузовик, и только Худяев был неподвижен у пулемета, не спуская напряженного взгляда с дороги и темнеющего на бугре леса. Мотор заревел, и машина рванулась вперед. Цепь натянулась и потащила застрявшую машину.

— Садись в нее за руль! — торопливо крикнул Чарухин Садкову.

Он боялся, что колонна уйдет далеко и они останутся одни на пустынной дороге.

Они догнали колонну у той самой «плеши», о которой рассказывал артиллерист у костра. Дорога спускалась вниз, лес отступил от нее. Слева видно было застывшее Ладожское озеро. Недалеко от берега темнел небольшой островок.

Дорога настолько сливалась с белой целиной, что водители вынуждены были время от времени включать фары. Они вспыхивали на мгновение и снова гасли.

— Туши! Туши! — говорил Чарухин водителю, когда ему казалось, что свет горит слишком долго.

Неожиданно над головой просвистел снаряд. За ним второй, третий. Чарухин вобрал голову в плечи и затаилыхание — казалось, что снаряды неминуемо попадут машину. Но они разрывались где-то сзади.

Машины неслись так, что все мелькало перед глазами. «Разоюсь к чортовой матери, разобъемся!» — думал Чарухин. Но «плещь» нежданно кончилась, снова подступил лес и скрыл белую пелену озера.

Чарухин с облегчением вздохнул. Не сбавляя хода, машины безостановочно мчались вперед. Теперь они уже были в безопасности. До Питкяранты осталось всего лишь несколько километров. Вот скоро за поворотом небольшой мостик и вправо дорога на Уомас. А через километр на горке домик дивизионной газеты.

Сейчас, когда опасность была позади, Чарухин вспомнил о доме.

Сухой продолжительный треск автоматов оборвал его мысли. Машина резко затормозила, Чарухин больно ударился головой о заднюю стенку. Он не помнил, как, схватив винтовку, скатился в снег. В полной темноте колонна остановилась.

Лежа между колесами, Чарухин всматривался в темнеющий лес. Кругом стреляли бойцы, больше всего — у головной машины. Рядом застучал пулемет Худяева.

Чарухин услышал впереди чей-то крик, откатился в обочину и пополз по ней. Кто-то неподвижно лежал на снегу, но издали он не мог разобрать — кто. Ему послышался голос Капустина, кричавшего что-то у головной машины. Непрерывная стрельба мешала разобрать слова.

Теперь пули взрывали снег совсем рядом. Дальше ползти было невозможно. Он припал к снегу. Когда очередь финских автоматов кончилась, пополз дальше.

— Водитель Темноев ранен! — крикнул ему лежащий у машины боец.

— Худяева ко мне, Худяева! — обернулся Чарухин.

Несколько бойцов пытались подползти к раненому. Но как только они начинали двигаться, финны открывали огонь.

Толкая впереди себя пулемет, торопливо полз Худяев.

— Сюда, за куст! — крикнул ему Чарухин, помогая протащить пулемет. — А ну, жарь, а я попытаюсь добраться.

Худяев выпустил длинную очередь.

Чарухин видел, как ему навстречу полз Капустин. Он слышал, как громко выругался сзади Худяев и снопом пронзительно заговорил пулемет. Бойцы открыли ураганную стрельбу по финнам.

Чарухин приподнялся, пробежал несколько шагов и, схватив Темноева за край полушибка, рывком стащил к обочине. Затем, вместе с Капустиным, поспешно потащил раненого к головной машине. Полушубок путался в ногах, валенки скользили по снегу и мешали двигаться.

Худяев полз за ними, по временам останавливаясь и стреляя. Для того, чтобы взвалить раненого в машину, надо было стать на ноги.

— К колесу давай, к колесу! — крикнул Чарухин и, приподнявшись, помог Темноеву залезть в машину.

— Теперь двигай, жарь полным ходом! — обернулся он к Капустину, но тотчас заметил на снегу кровь. Она струйкой стекала с пальцев Капустина.

— Ложись! — снова крикнул Чарухин. — Да ложись же!..

Но Капустин качнулся головой и вскочил в кабину. Мотор загудел, и машина рванулась вперед, поднимая за собой облака снежной пыли. Вслед ей из леса полетели пули.

«Проехала», — радостно подумал Чарухин, отдавая приказ второй машине.

Одна за другой срывались машины с места и, гудя моторами, исчезали в предрассветном тумане. Оставшиеся терпеливо ждали и только когда поднималась снежная пыль, бойцы непрерывно стреляли по лесу.

На дороге осталось только две машины; вторая была на буксире.

— Надо бросить ее здесь, — предложил Садков. — С ней не проскочим.

— Нельзя отцеплять! — прикрикнул Чарухин.

— А если она в обочину съедет — всем нам крышка!

— Не съедет, — упрямился Чарухин. — Садись за руль!

Один за другим, пригибаясь, они подползли к машинам. Пока Покровский и Садков взбирались, Худяев беспрерывно стрелял, отвлекая внимание врага. Теперь надо было погрузить пулемет.

— Лезь! — приказал Чарухин Худяеву и громко крикнул: — Ура!

Он кричал отрывисто, все время меняя интонацию голоса. Все дружно поддержали его. Крики все усиливались, становились громче, и создавалось впечатление, что людей много и они приближаются к темному лесу.

Чарухин далеко бросил одну за другой две гранаты. В грохоте взрывов не слышно было, как загудел мотор. Ухватившись за борт машины, Чарухин погнался на руках.

Кто-то тащил его, помогая взобраться. Над ухом резко и отчетливо работал пулемет Худяева. Виляя из стороны в сторону, за ними мчалась на буксире машина.

Наконец въехали в город.

Только теперь Чарухин понял, что случилось. В этом месте раньше не обстреливали. Повидимому, какая-нибудь финская банда прорвалась к городу.

Красный дом стоял в полной темноте, с тщательно замаскированными окнами.

— Чарухин! — крикнул кто-то, но он не остановился. Надо было скорей увидеть комиссара.

Он вбежал по лестнице, споткнулся в передней о чьи-то ноги и с размаху открыл дверь.

В лицо ударили яркий свет. Он почувствовал теплоту, услышал ровное человеческое дыхание.

У стола спиной к нему стоял комиссар. Он круто повернулся.

— Чарухин! — радостно крикнул он и бросился на встречу.

— Колонна прибыла без потерь, — доложил Чарухин.

С ближайшей койки поднялась всклокоченная голова.

— Чарухин! — с отчаянием сказал Бобров. — У меня отобрали машину для госпиталя. Как же теперь быть?

— Ерунда! — подмигнув Боброву, шутливо сказал Чарухин: — У меня есть новая машина. Я могу ее тебе подарить. Она стоит на дворе.

Все проснулись и столпились около Чарухина. Он поспешно рассказывал, перескакивая с одного на другое, о всем, что было пережито в эту ночь.

— Молодец! — сказал комиссар. — Съездил не даром. Сегодня расскажешь о вашей поездке на партийном собрании. Темноев у Шиловой?..

Уже рассвело. Комиссар подошел к окну и откинул занавеску. На дворе около незнакомой машины взволнованно ходил Бобров.

Улыбаясь, комиссар пошел к комбату. Было решено

немедленно послать в дивизию несколько машин с доставленным горючим.

Четыре машины были нагружены бочками с горючим. Пулемет установили на заднем грузовике.

Только что окончилось совещание у комиссара с теми, кто уезжал в рейс. Водитель Горчаков прошел к своей машине. Хотя мотор был в полной исправности, он еще раз проверил его.

Над головой в синеве неба появились два «ястребка». Они медленно парили, держа курс на север, и от ярких солнечных лучей по временам серебряным отливом блестели их крылья.

Горчаков, присев на подножку, закурил папиросу. На совещании Чарухин рассказывал о своей поездке. Чорт возьми, даже завидно стало. Ведь в какой попал переплет и не растерялся. Молодец!

Потом говорил комиссар. Надо было во что бы то ни стало провезти в дивизию горючее. В лесу бродили небольшими группами финские банды. Утром было получено сообщение, что одна из них засела у самой дороги за скалой и обстреливает проезжающие машины. Комиссар не скрывал опасности, но в каждом его слове, в каждом взгляде, в каждом движении чувствовалось, что горючее сегодня же нужно доставить в дивизию. И тогда Горчаков попросил отправить его машину головной.

День был каким-то особенным. Кажется, никогда не было такого голубого неба, никогда так ярко не блестел на солнце снег. Издали, со стороны дивизии непрерывно доносилась артиллерийская стрельба. Пусть будет, что будет, но он доставит горючее в дивизию.

От дома торопливо шли комбат с комиссаром. Горчаков встал и по привычке оправил полушибок.

Он был уже за рулем, когда комбат подошел к машине. И то ли от спокойной шутки командира, то ли от яркого солнечного дня, Горчаков почувствовал уверенность.

— Особо гляди у скалы, — предупредил комбат. — Прокочиши ее, значит, уже в дивизии. — Ну, двигайтесь, — махнул он рукой. — Завтра увидимся.

У белой церкви стояло несколько машин.

«Повишимому, тоже в дивизию», — подумал Горчаков.

Он осторожно объехал машины и из-за поворота у самого леса увидел идущую навстречу танкетку.

— Куда едешь? — крикнул танкист-лейтенант, выскакивая из танкетки.

Горчаков задержал машину и открыл дверцу.

— В дивизию.

— Гляди в оба! Дорога под обстрелом. Тут сейчас трудно проехать.

— Ничего, попробуем, — решительно сказал Горчаков.

Все что угодно, но только не поворачивать назад. Комбат сказал: «В этот рейс посылаем лучших водителей».

Горчаков резко нажал педаль. Машину рвануло. Позади остался обгорелый дом, последние землянки. На берегу Ладоги двухэтажные каменные казармы, с выбитыми окнами и облупленными стенами. В них засели финны, когда дивизия наступала впервые. Говорят, немало труда стоило выбить оттуда засевших офицеров.

За казармой дорога отошла в сторону от Ладоги.

С обеих сторон подходили к дороге скалистые высотки. До скалы, о которой говорил комбат, оставалось еще километра два. На повороте Горчаков оглянулся. Три машины медленно двигались за ним. Странно, что навстречу никто не попадался. Обычно по этой дороге было большое движение.

Все ближе доносилась орудийная стрельба. Горчаков ехал медленно и осторожно. Где-то недалеко затрещали финские автоматы. Затем послышалась винтовочная стрельба.

«Значит, впереди на дороге наши», — с облегчением вздохнул Горчаков и снова прибавил газу.

За поворотом стояло несколько грузовиков. Горчаков слез и пошел вперед. Люди столпились у головной машины. Съехав в обочину, она зарылась колесами в сугроб. Впереди нее на небольшом расстоянии, прячась за деревьями, залегло несколько бойцов с винтовками и ручным пулеметом. Остальные торопливо вытаскивали машину из обочини.

— Давай, давай своих людей! — обрадованно крикнули ему. — Сейчас вытащим, и назад надо поворачивать. Не проехать тут сегодня.

— Почему же не проехать?

— Да мы уж пытались несколько раз. Только машина

за поворот — ее сейчас же с двух сторон из автоматов, — возбужденно объяснял сапер. — Ну, нипочем. Засели они в этих скалах, точно в ДОТах. Ни с одной стороны не подойти.

— А проехать-то сущий пустяк, — сказал молодой боец с гранатой за поясом. — Метров пятьдесят-семьдесят. Тут надо бы броневик вперед пустить, тогда другое дело.

— А если проскочить на полном ходу? — спросил Горчаков и сразу решил, что так и надо сделать.

— В каком месте обстреливают?

— Да тут за поворотом, у самой скалы, — сказал сапер и, увидя, что Горчаков двинулся вперед, крикнул вдогонку: — Ты что, совсем голову потерял? Куда же ты прешь? Беспременно убьют.

Одно мгновение, когда еще на дороге Горчаков услышал треск автоматов, он заколебался. Теперь же, когда он решил пробиться, — им овладела спокойная уверенность в успехе.

Горчаков пополз по обочине, приподняв винтовку, чтобы в дуло не попал снег. Добраться бы до поворота и разглядеть, что делается за ним! А потом двинуть.

Он услышал, что за ним кто-то ползет, и оглянулся. Это был сапер. Горчаков остановился.

— Подожди, — тихо сказал сапер. — Поползем вместе. Я тут всю местность знаю. Ну, куда тебе одному?

У самого поворота стояла ель, с густыми, спускающимися до самой земли ветвями.

Они подползли и, прячась за ней, стали наблюдать. Лыжные следы уходили в лес, но финнов не было видно.

С правой стороны поднималась небольшая лесистая высотка, с левой над самой дорогой нависла массивная скала, поросшая сосновыми. Только бы доехать до нее, а там второй поворот — и дело сделано.

У самой скалы на дороге лежала сваленная набок машина.

— Миной ее подорвало, — тихо зашептал сапер.

Горчаков старался запомнить каждую мелочь. Вон там надо взять вправо, затем быстрый поворот и гнать, гнать полным ходом. Расчет должен быть совершенно точен.

Он чувствовал, как от волнения ладони покрываются испариной. Но разве можно оставить дивизию без горючего?..

Горчаков кивнул головой саперу и пополз назад.

— Ну, что? — встретили их водители.

Теперь уже все помогали откатывать передние машины в сторону. Надо было в полной тишине приготовить хороший разбег. Наконец, Горчаков влез в кабину.

— Ну, браток, — взволнованно сказал ему сапер. — Держись, браток.

Чтобы заглушить шум мотора, пулеметчик выпустил очередь. Закачались верхушки елей, с них пылью рассеялся снег. Машина рванула. Горчаков пригнулся к рулю. Только дорога стояла перед глазами. Быстрей, еще быстрей.

Скала летела навстречу. Резкий стук автомата прорезал воздух. Казалось, высотка качнулась и снова встала на место. Слышно было, как пули с визгом скользили по крыше кабины. Теперь стреляли с обеих сторон. Только бы еще раз вздохнуть!

Вот он поворот. Еще несколько метров. Еще, еще!

Страшный неожиданный треск, что-то ударило в голову. Резкая боль прошла по всему телу, и сразу наступила темнота.

Над ним повисли какие-то лохматые лапы. А за ними, где-то далеко, — спокойное голубое море. Кругом тихо. Даже страшно от этой тишины. Почему же снег на ладонях?

Он долго лежал, ничего не понимая и видя перед собой только темную морскую даль.

Одиночные выстрелы заставили насторожиться. Что это? Почему стреляют? И вдруг он понял, что над ним не лапы, а мохнатые ветви ели... Он осторожно повернул голову. Перед глазами виднелся взрыхленный снег, мелкая щепа. Совсем рядом запахло горящим бензином. А вокруг на снегу маленькие огненные островки.

Стало ясно все, что случилось. Разве при такой скорости можно было разглядеть мину? А теперь бензин, который нужен дивизии, горит. Да нет же! Три бочки лежат в стороне совсем целые. Как бы их только не подожгли финны...

Онемела правая нога. Около валенка кровь. Он с трудом двинул ногой и почувствовал острую боль. Но оставаться на месте нельзя. Надо пробираться в дивизию. Надо рассказать о горючем. Разве можно так лежать на месте? Финны добивают даже своих раненых. Они, ко-

нечно, доберутся и до него. Он собрал все силы и пополз к повороту. Что теперь скажет комбат? Какими глазами он посмотрит? «Что ж, не смог довезти?» Как неприятен бесконечный треск. Отбитый пулей твердый ком снега ударили в щеку. Комки летели со всех сторон. И только теперь он сообразил, что это стреляют по нему, и, прижимаясь всем телом к снегу, зарылся в него лицом. Теперь все кончено—враг где-то рядом. Как же его встретить, когда он подойдет близко? Неподвижно лежа, он уловил какой-то посторонний звук. Но сзади, за поворотом, где стоят машины, было тихо. Повидимому, товарищи решили, что он убит. Нет, звуки приближались совсем с другой стороны. Они уже совсем близко.

Из-за поворота со стороны дивизии показался танк. Теперь финны уже начали бить по нему. Горчаков снова медленно пополз. Или он доберется до своих, или ему придется навсегда остаться тут, на холодном снегу. Но ему снова не давали двигаться. Какой поток пуль...

Танк тяжело дышал. Он продвинулся вперед, медленно подошел к уцелевшим бочкам и загородил их. Значит, горючее будет цело, его доставят в дивизию. По танку беспрерывно стреляли. Но теперь уже заговорил и он, и ветви елей на высотке заколыхались во все стороны. Как приятен звук пулемета. Как же он до сих пор не замечал этого? Горчаков пытался доползти до танка. Но сил уже больше не было. Он сделал последний взмах рукой и опустился в снег. Еще немного — и он был бы в танке. Нет, теперь его уже не подпустят к своим. Разве кто-нибудь решится под таким ураганным огнем вытащить его? У него нехватило сил даже поднять голову.

И вдруг он почувствовал, что кто-то схватил его за руки и с усилием подтягивает вперед. Голова ударила о что-то твердое. Ледяной металл обжег щеку. Зачем его тащат в какое-то узкое отверстие?.. Теперь уже много рук, чье-то горячее дыхание, знакомый говор. Он не мог открыть глаз, но понимал, что это свои.

Он пришел в себя только в дивизии. Тут сапер, который ходил вместе с ним в разведку, рассказал Горчакову, как танк обстрелял высотку и как они тоже открыли огонь по засевшим за скалой финнам и обратили их в бегство.

— Бочки целы? — морщаась от боли в ноге, с трудом спросил Горчаков.

— Целы, браток, все вывезли. А машину твою на буксире притащили. Она не дюже попорчена. Во как! — засмеялся сапер и отодвинулся, пропуская подошедших врача и санитаров с носилками.

Проводив колонну Горчакова в рейс и обойдя роты, комиссар и секретарь партбюро Бодров пошли к парку.

Накануне вечером было комсомольское собрание; обсуждался вопрос о ремонте машин. И неожиданно комсомолец Бобров внес предложение «бронировать машины». Так и было сказано — «бронировать машины». Это, пожалуй, была хорошая мысль. Правда, никто не представлял — как ее можно выполнить. Но комиссар вспомнил, что в одном из сараев он видел толстые железные листы.

Ну, конечно, это оградит водителей от пуль, а кроме того, поднимет настроение в рейсе.

Комиссар не любил откладывать дела. Он ночью вызвал к себе командира парковой роты Писарева и политрука Ненилина и дал им срочное задание.

Теперь они с Бодровым решили проверить, как идет работа.

Впереди из-за горки издалека доносилась раскатистая ружейная стрельба.

Комиссар слышал, что ночью из Сальми пришла какая-то небольшая часть. Повидимому, это стреляла она.

Они прошли мимо старого, заброшенного финского кладбища и свернули с дороги. Замаскированные ветвями елей, стояли грузовики. Комиссар внимательно осмотрел их: ветви сосен были так густы, что сверху нельзя было разглядеть машин. Около одной столпились водители. Оттуда доносился стук молота о железо и возбужденный голос Чарухина.

— Ну, как, товарищи, дела? — спросил комиссар.

— А вот, кончаем броневик, — шутя, ответил Писарев. — Сейчас будем испытывать, тогда увидим.

— Да нет, не возьмет! Нипочем не возьмет, — убежденно сказал Чарухин.

К дверцам кабин изнутри снизу доверху были прибиты железные листы. За ветровым стеклом тоже был поставлен лист с круглым отверстием, сквозь которое водитель мог видеть дорогу.

— Думаете, пуля не пробьет? — спросил Бодров.

— Под прямым углом — возможно и пробьет. Да ведь мало вероятия, что она пойдет таким образом. Машина-то ведь в движении, — сказал Ненилин.

— А мы сейчас попробуем на пятьдесят метров из винтовки, — вставил Писарев.

Все отошли в сторону. Когда грохнул выстрел, люди бросились к машине. На железе остался след, но пуля не пробила его.

— Ну, и комсомол! Недаром башка варит, — с гордостью сказал Чарухин и похлопал по листу железа. — Теперь нам сам чорт нипочем. Все машины оденем. Ну, прямо красота.

— Валяйте, ребята, — одобрительно кивнул комиссар и обернулся к Бодрову. — Пройдем на горку, посмотрим, что там делается.

На горке, там, где кончался лес, о чем-то оживленно спорили несколько бойцов.

— Да там, гляди правей. Видишь, чернеет, — указал пальцем один из бойцов.

— Так, лодчонка какая-то.

— Будет тебе смеяться. Говорю, катер, а ты лодчонка. Он уж который раз тут с утра мотается.

— Да откуда же катер?

— А это ты у финнов спроси...

Комиссар пристально всматривался.

Широко раскинулась на юг застывшая пустынная Ладога. И только справа, у глубоко входящего в озеро мыска, там, где вода до сих пор не замерзла, виднелось что-то темное. От ярких солнечных лучей блестела и переливалась вода.

— Подождите, товарищи, — вмешался он в разговор. — У меня глаза зоркие. Сейчас разберемся.

Действительно, к берегу быстро шел катер. Маленькими точками на нем чернели люди. Теперь уже комиссар не сомневался в том, что это финский десант. Катер подошел к мысу и скрылся за ним.

— А что если финны на берег высадятся? — спросил боец в белом, посеревшем от грязи халате.

— Ну, и что ж? Отгоним, — уверенно ответил комиссар, решив немедленно сообщить о катере коменданту города. А если какая-нибудь финская часть действительно прорвалась к городу? Ведь здесь только тыловые части... Он вглядывался в мыс, и ему казалось, что по

белому снежному подъему медленно двигались темные точки. Надо сейчас же к коменданту, — решил он. Спускаясь с пригорка, он услышал шум моторов: в воздухе показались три самолета.

— Наши полетели! — радостно крикнул Бодров. — Катер, должно быть, заметили. Ну, сейчас ему крышка.

Бомбардировщик стремительно несся вперед, набирая высоту и оставляя сзади своих спутников. По сравнению с ним они казались совсем маленькими, точно игрушечными; крылья их ослепительно блестели на солнце.

— Ястребки! — с восторгом закричал боец в белом халате. — Ишь, как играют, шельмы.

«Ястребки» уже догоняли бомбардировщика, как вдруг один из них резко взметнулся вверх, другой скользнул вниз. Затем они с обеих сторон стали стремительно приближаться к бомбардировщику, точно хотели врезаться в него.

— Столкнутся, вот черти! — крикнул с отчаянием молодой паренек. — Лихачи чортовы, играть вздумали!

Около бомбардировщика показались белые прозрачные дымки, такие же дымки появились около «ястребков», и один из них, немного снизившись, стал покачивать крыльями.

— Доигрались! — крикнул боец в белом халате. — Ну, чего же они, братцы! Разве с машиной так можно. Надо бы им холку намылить. Чтоб не безобразили.

— Чего орешь-то? — сердито накинулся на него подбежавший артиллерист с биноклем. — Радоваться должен, а не орать. Впереди-то ведь бомбардировщик — финский. Наши-то его с обеих сторон обходят. А ты — «доигрался».

— Наши! — пронеслось в толпе. — Наши!

— А ну, ребята! Бей его, круши! — в азарте кричал «ястребкам» молодой парень.

Нижний «ястребок» снова взметнулся вверх. Казалось, бомбардировщик всей своей массой обрушится на него и раздавит.

Но «ястребок» невредимо прошел у самого крыла вражеского самолета и взметнулся еще выше. По толпе пронеслись восторженные крики.

Комиссар не мог оторвать взгляда от машин. Он с трудом сдерживал дрожь. Его охватила огромная тревога за товарищей, которые были там, в небе. Как бы помочь

им? Он понимал волнение, которое охватило окружающих, и хотя вполне сознавал, что ничем нельзя помочь, но ему так же, как и бойцам, хотелось кричать, давать советы и размахивать руками.

Неожиданно бомбардировщик изменил курс и повернулся на юг.

— Уйдет, смыается! — с отчаянием закричал молодой боец.

И в этот самый момент на хвосте вражеского самолета взвилось белое облачко. Оно молниеносно ширилось, из него вырывались темные клубы дыма, и объятая пламенем машина, описывая параболу, ринулась вниз.

Когда она грузно упала на лед и послышался оглушительный взрыв, бойцы закричали и бросились к озеру.

В голубом небе мчались два легких стремительных «ястребка». Покружившись над упавшей машиной, они повернули и полетели к заливу, где недавно курсировал катер.

— Ну, и дадут они сейчас финнам, — смеясь, сказал Бодров, следя за удалявшимися машинами.

— Молодцы! — улыбнулся комиссар и услышал отдаленный стук пулеметов. — Это они по десанту. Здорово! Ну, что, пошли, — обернулся он к Бодрову. — Наши-то бойцы давно, должно быть, на озеро смотрелись. Разве без них обойдется?

Они спускались по тропинке вниз. Внезапно над головой пронесистела пуля. Комиссар оглянулся. Свист повторился. Откуда же стреляли?

— А ну, пригнись и в перебежку — крикнул он Бодрову и побежал вперед. Пришлось на короткое время залечь. Снова стало тихо. А когда они двинулись дальше, пули снова засвистели над головой.

Но спуск кончился, и они вышли на дорогу, защищенную с обеих сторон лесом.

— Вот проклятая кукушка, — сказал комиссар, — засел где-нибудь. Ему оттуда видно хорошо, вот он и щелкает.

У дома к ним подбежало несколько бойцов. Они запыхались и возбужденно рассказывали, перебивая друг друга.

— На озере были, товарищ комиссар. Финский самолет — вдребезги. Мотор на двести метров отлетел.

— Без вас нигде не обойдется, — засмеялся комиссар

и, узнав, что колонна Максименко еще не пришла, крикнул шоферу, чтобы подготовил «эмку».

Из дома вышел комбат.

— Слышал? — отрывисто спросил он. — Говорят, какая-то финская часть с катера высадилась со стороны острова Валаама. Правда, это не близко отсюда, но все же надо подготовиться. Выставь добавочный караул с пулеметом да пошли по лесу разведку. Мало ли что... Я вот сейчас получил записку. Приехал бригадный комиссар Серюков. Вызывает к себе. Узнаю новости.

За елями одна за другой мелькнули груженые машины.

— Эге! — закричал, взглядываясь в них, комбат. — Смотри, комиссар, ведь это Максименко! Совершенно точно!

Все бросились к машинам. С головной соскочил Максименко, за ним, таща за ручку «максим», медленно, еле держась на ногах, шел пулеметчик Соколов. Он не остановился около бойцов, окруживших Максименко, не заметил комиссара и комбата и прошел с пулеметом прямо в помещение бойцов.

Там было пусто. У дверей мыл пол дневальный.

— Вернулись? — радостно крикнул он. — А мы-то ждали, все глаза протягивали. Да что там с вами случилось?

От тепла или оттого, что он попал в мирную обстановку, Соколов почувствовал страшную усталость.

— Да ничего, — вяло сказал он. — Так, немного постреляли.

Ему казалось, что он не доберется до нар. Но когда улегся и потянулся всем телом, сон пропал. И снова необыкновенно ярко пережил он все, что случилось с ним в последнюю ночь.

• • • • • • • • • • • • • • •

Трудно не задремать после двух бессонных ночей. Двое суток они грузили в машины боеприпасы с передовых складов местечка Уомаса. Часть бойцов охраняла склады, другая беспрерывно таскала тяжелые ящики со снарядами, пулеметными лентами, с гранатами и патронами.

Соколов с пулеметом бессменно простоял все это время около колонны. Ну что ж, что он не стрелял? А раз-

ве легко двое суток, не смыкая глаз, все время напряженно следить за тем, что делается кругом? Мало ли кто бродит в лесах, вокруг складов?

Наконец, нагруженные машины двинулись обратно. Мерное покачивание машины убаюкивало. Только в этой стране так быстро спускаются сумерки.

Впереди послышалась стрельба. Соколов настороженно прислушался. Застучал и сразу затих пулемет. По звуку — это «максим».

Вот затрещали автоматы, оглушительно разорвалась граната. Потом донеслись дробные и беспорядочные выстрелы.

В густых сумерках на дороге показались люди, торопливо шедшие навстречу машинам, они махали руками и что-то кричали.

— Стой, ребята, стой! — донеслось издали.

Соколов быстрым движением поставил пулемет на ящик. Головная машина остановилась, из кабины вынырнул лейтенант Максименко.

Он с каким-то незнакомым командиром поспешил обходили машины, объясняя что случилось.

— Слезай с машин! — быстрым шепотом говорил лейтенант. — Финская банда напала на сторожевой пост. Надо помочь. Как бы они мост не взорвали. А то и нам тогда не проехать. Часть здесь для охраны останется, а часть в лес пойдет. Надо им путь перерезать.

Стало совсем темно. Соколов лежал около пулемета. Группа бойцов прошла мимо него в разведку и скрылась среди деревьев.

С той стороны, куда ушла разведка, послышались выстрелы. Над колонной с визгом и скрежетом пронеслась мина.

— Не стрелять! Ждать приказа! — донеслось издали.

Из темноты снова вынырнула высокая фигура лейтенанта Максименко.

— Тащи пулемет, Соколов. Надо его на горке в лесу поставить. Разведчики говорят: там брошенные финнами окопы. Сейчас двинемся, — торопливо сказал он, не спуская глаз с леса. — У сторожевого поста пулемет испортился. Как бы его финны не отбили. Я тебе в помощь бойца привел.

Рядом поднимались люди и, медленно двигаясь, скрывались за темными елями.

Соколов с бойцом тащили пулемет и ящики с патронами. Снег был глубокий, они проваливались по пояс.

Соколов напряженно смотрел в темноту. Вот показался берег небольшого озера. Вот и сваленные деревья, о которых говорил лейтенант. Тут где-то должны быть окопы, брошенные белофиннами.

Наконец нашли их и установили пулемет.

— Пройди налево и направо, наладь связь, — коротко сказал Соколов бойцу.

Над самым окопом склонилась молодая береза. Она скрипела под ветром, и тогда казалось, что со всех сторон кто-то подползает.

Боец вернулся вместе с лейтенантом.

— Вот там, в лесу слева, пулемет поста. Мы сейчас пойдем к нему на помощь. Чорт его знает, где засели финны. Надо их обнаружить. А ну, дай-ка очередь, да следи, чтобы по озеру к пулемету никто не пробрался.

В ночной тишине особенно четко заработал «максим». В ответ затрещали автоматы, и сейчас же Соколов увидел движущиеся фигуры. Маскируясь, финны перебегали от дерева к дереву и, прячась за ними, непрерывно стреляли. Заговорил вражеский пулемет. В ответ ему из окопов открыли стрельбу.

Соколов напряженно ждал. Нет, он не будет зря тратить патроны.

Все сливалось впереди. Ох, как зорко надо вглядываться в ночную темноту.

Бот от дерева отделилось что-то белое. Оно похоже больше на поднимающийся с земли дым, чем на живое существо. За первым облачком метнулось второе. Или это береза, запорошенная снегом? Но дымки шли через озеро, туда к пулемету. Они медленно равномерно колыхались, и вдруг на темном, широком стволе дерева ясно обозначилась человеческая фигура в белом халате. Финны подбирались к замолкнувшему пулемету.

Тогда Соколов нажал гашетку. Его скupo поддержали товарищи из окопов, и он только теперь понял, что их очень мало.

Но белые облачка пропали. Враг даже не ответил на стрельбу, затаился где-то. Может быть, он пошел в обход?

— Ты смотри сзади, — отрывисто сказал он бойцу. — Из-за озера, оттуда, где темнел лес, по воздуху одна за

другой медленно поплыли красные точки. Они сначала летели ровной шеренгой, затем изгибающейся лентой и неожиданно пропадали в темноте.

— Трассирующими, трассирующими бьют! — сказал боец. — Своим сигналы дают.

— Щупают, освещают нас, — чуть слышно сказал Соколов.

От красных точек уже рябило в глазах.

— Ал-ля-ля, аля-ля! — пронеслось по опушке.

— В атаку идут! Ленты давай! — крикнул Соколов и пригнулся к пулемету. Пулемет дрожал и бил бесперебойно. Легкая снежная пыль поднималась над озером. — Сюда, еще сюда!

Он снова переменил ленту. Совсем близко разорвалась мина и обдала лицо холодными снежными брызгами и мерзлыми комками земли. Что-то теплое потекло по лицу. Соколов быстрым движением приложил к щеке снег. «Только поцарапало», — подумал он.

Мины уже рвались у самой дороги, где стояли машины с боеприпасами.

Соколов с опаской оглядел свой запас пулеметных лент. Так их надолго не хватит. Финны снова замолчали.

— Ползи за лентами, тащи их побольше, — обернулся он к бойцу и снова нагнулся к пулемету.

Может быть, рядом уже никого нет. Может быть, нужно отойти к дороге? Но он вспомнил ровную шеренгу машин. Кто же ее будет охранять, если он уйдет с этого места?

Несколько раз финны ходили в атаку. И снова тишину прорезывали дикие непонятные крики.

Но непрерывный пулеметный огонь отбрасывал наступавших назад. Соколов уже потерял счет времени. Ночь казалась бесконечной. Он оглох от выстрелов. Нет, финны не могли даже представить, что здесь, у пулемета, только один человек. Онисыпали его пулями, точно расстреливали целую роту. Пули визжали над головой, и с березы над окопом отскакивали щепки.

Соколов устал от стрельбы, от грохота, от бесконечного напряжения. Наконец вернулся нагруженный боец.

— На левом фланге жара была, — шепотом сказал он. — Ребята говорили, что если бы не твой пулемет — всем крышка с гвоздем. Финны все стараются к пулемету подобраться.

Небо посерело. Грузные расплывчатые очертания кустов у озера изменили свою форму, они уже не казались такими большими.

Почему так странно закачались верхушки ветвей? Казалось, кто-то осторожно и медленно полз, раздвигая руками кусты.

— Гляди, гляди! — вдруг крикнул боец, поднимая винтовку.

Соколов вытащил гранату и замер. Теперь уже шелест шел сзади. Конечно, человек не хотел выползать на открытое место. Он пробирался в обход.

— Да бросай, чего ждать, — торопливо зашептал Соколову боец. — Может, их тут целая рота в обход пошла!

А если это свой? Нет, Соколов решил выждать. Но хруст слышен был все ближе и ближе... Вот низко над землей показалась всклокоченная голова, затем сквозь ели мелькнула что-то серое.

Соколов поднял над головой гранату и громко крикнул:

— Стой! Руки вверх!

— Братцы! — раздался вдруг слабый голос. — Товарищи!

Соколов бросился к лежащему. Тот, схватив его за руку, дрожал всем телом. На снегу неподвижно, как полено, застыла развороченная разрывной пулей нога, покрытая толстой коркой оледеневшей крови.

Соколов нагнулся к бойцу.

— Я оттуда, с поста... У нас пулемет отказал... — поспешно зашептал раненый. — Финны к «максиму» подбираются. Я до последнего патрона... Приемник вытащил... Бей туда... Бей беспрерывно, а то пулемет утащат...

Он ослаб и откинулся навзничь.

Соколов бросился к пулемету... Надо весь лес прочистить. Он не отдаст финнам пулемета.

Между деревьями промелькнула темная фигура на лыжах, за ней другая.

Кожух нагрелся так, что до него было больно дотронуться. Когда Соколов выпустил последнюю ленту, сзади раздались крики «ура».

— Подкрепление пришло, подкрепление! — привскочил боец.

Соколов опустился на снег. Ему казалось, что он боль-

ше не может двинуть рукой. Сзади слышались выстрелы, топот ног, справа и слева окопы наполнились людьми. Рядом затарахтел «льюис».

Соколов встал и шагнул к раненому. К нему нагнулся санитар, спешно делая перевязку.

Соколов поднял винтовку и, крикнув бойцу, чтобы тот не отходил от пулемета, пошел туда, куда показывал раненый.

Кругом двигались люди, Соколов молча шел мимо них, стараясь попадать ногами в глубоко вытоптанные следы. Сзади шел Максименко с тремя бойцами, но Соколов только на самой поляне заметил их.

Около пулемета лежало несколько убитых бойцов. Немного поодаль от них, точно окружая пулемет со всех сторон, приникли к снегу семь человек в непривычной для глаз одежде.

Держа над головой гранату, Соколов подошел поближе. Финны были мертвые. В стороне лежали два офицера, в суконных костюмах, в высоких желтых сапогах; на меховых шапках белели небольшие эмалированные значки.

Все солдаты были в летней одежде, в кожаных ботинках, с резиновыми подошвами.

— Ну, и здорово же ты белофиннов нащелкал, — одобрительно сказал Максименко.

Один из бойцов приподнял разорванный вещевой мешок. В нем лежало несколько темных галет и смешанный со снегом, неочищенный овес.

— Богатая жратва, — усмехнулся он, вместе с товарищами подбирая валяющиеся около убитых автоматические винтовки, лыжи и патронташи.

— Берите пулемет, — сказал Максименко. — Надо двигаться. Тут подкрепление останется.

Соколов снова прошел к своему пулемету.

Над окопом склонилась сломанная береза. Она вся была расщеплена финскими пулями.

Соколов поднял вместе с бойцом пулемет и спустился к дороге. Внизу их ждала колонна.

Не дослушав до конца рассказа Максименко, комбат кликнул своего шофера Николая и зашагал к комендантскому дому, куда вызвал его бригадный комиссар Сериков.

С утра шла непрерывная стрельба. Особенно сильно она разгоралась на горке у леса и со стороны белой церкви. Вчера тоже стреляли, но сегодня стрельба была гораздо ближе.

В лесу, вправо от дороги, в ремонтных мастерских стояли тщательно замаскированные бронемашины.

Торопливо шли бойцы с винтовками.

Из небольшого домика поспешило выскочило несколько бойцов в белых халатах. Двое из них тащили за ручку «максим», остальные несли ящики с пулеметными лентами. Впереди группы шел боец без халата, держа винтовку наперевес.

«Боятся ребята в халатах одни ходить, как бы их за финнов не приняли. Не привык народ еще к такой одежде. А так спокойней — рядом в своей форме», — усмехнулся комбат и решил сегодня же засадить всю пошивочную мастерскую за шитье халатов.

У ДОПа выстроилась в сторону Сальми колонна машин.

— Когда выезжаете? — на ходу спросил комбат.

— Да должны были уже выехать, — ответил старшина колонны. — А начальник гарнизона не выпускает. Говорят, на дороге что-то случилось.

У дома коменданта столпились бойцы. Около самой дороги рвались вражеские мины.

Комбат быстро шагнул на крыльцо и открыл дверь. В комнате было много народу.

В печке горели дрова, около нее с котелками и ведром возились двое бойцов.

Комбат протиснулся между стоящими и увидел у стола высокого плечистого бригадного комиссара Серюкова.

— Ну, как жизнь идет? — весело спросил он, протягивая ему руку.

«Нет, комиссар не в курсе дела. Он не мог бы так разговаривать, если бы знал, что творится кругом», — подумал комбат, прислушиваясь к стуку автоматов, доносившемуся откуда-то поблизости.

За окном алым пожаром горело небо. На огненном фоне совсем темными казались ели.

— Товарищ бригадный комиссар, — начал было комбат, решив сейчас же в двух словах рассказать о создавшемся положении, но Серюков перебил его, обратившись к вошедшему Гуляеву:

— Ну, как у тебя дела с гостинцами?

Комбат отошел в сторону и прислонился к стене.

Он удивленно смотрел на спокойное лицо Серюкова, смотревшего в окно.

— Ну, так вот, товарищи, — вдруг сказал бригадный комиссар. — Высланная мной разведка пока еще не вернулась. Ждать ее не будем.

Он прошел к столу и наклонился над картой.

— Прошу садиться, начинаем. Закрыть двери и никого не впускать.

Комбат поспешил обдумывать то, о чем решил сказать. Надо было это сделать тактично.

Серюков больше не улыбался. Он быстро провел широкими ладонями по льняным волосам и деловито откашлялся.

— В общих чертах положение следующее. Дивизия встала в тактическую оборону для подготовки к очень большому и важному наступлению. Это приказ командарма. Финны сосредоточили против нас большие силы: одиннадцатую и двенадцатую дивизии, Выборгскую офицерскую школу и части морской береговой охраны. Наша дивизия героически отбрасывает наседающего на нее врага. В ближайшее время ожидается из тыла подход наших крупных частей всех родов оружия.

Бригадный комиссар замолчал и снова посмотрел в окно.

— По последним данным, к городу прорвались сильные офицерские части. Отдельные финские группы бродят по лесам вокруг города и обстреливают дорогу, ведущую отсюда в расположение дивизии, а также и путь к Сальми. Нам сейчас пришлось задержать выезд колонны в тыл до тех пор, пока не будет проложена нижняя дорога по берегу Ладоги. В городе строевых частей нет. Госпиталь до отказу забит ранеными и больными. Здесь мы имеем только тыловые части. Состав их — молодые, необстрелянные бойцы. Эти части можно перечесть по пальцам: ДОПы, ПАХ, автобат, авторемонтные мастерские, санитарные подразделения; это, пожалуй, все. Сегодня ночью из Сальми пришла стрелковая рота лейтенанта Целовальникова. Это она сейчас сдерживает натиск прорвавшейся финской части, но продержаться долго она не сможет. Наше положение очень серьезно. Это надо учесть.

Он замолчал, постучал карандашом по столу и оглядел сидящих. Его лицо было строго, у уголков губ собирались мелкие морщинки.

— Наша задача следующая: бесперебойно снабжать дивизию всем необходимым и удержать город в своих руках до подхода подкрепления. Каждый человек должен взяться за винтовку. На местах остается только небольшая охрана — все остальные должны выйти в оборону. Таков приказ опергруппы, которая назначена командармом.

«Да ведь он в курсе всех дел. А как спокоен и уверен», — с одобрением подумал комбат.

— Во главе опергруппы комбриг Коротеев — он ночью приехал сюда. Я назначен его заместителем. Все приказы идут только от опергруппы. Комбриг Коротеев сейчас на острове, в больничном городке — организует людей. Вся оборона разделена на участки. Надо хорошенько уяснить следующее: рассчитывать сейчас на помошь дивизии мы не можем. Она выполняет в данный момент чрезвычайно важное задание. Значит, тыловым частям нужно стать боеспособными. Учтите, что наиболее важное место — это горка с белой церковью. Оттуда все — как на ладони. Прекрасный плацдарм и наиболее выгодное место для обстрела города. Финны, конечно, учатут это дело, и поэтому на этой горке мы сосредоточим главные силы. Теперь все ясно? — спросил он и пристально оглядел командиров.

— Разрешите спросить? — встал Гуляев.

— Пожалуйста.

— Я попросил бы показать дислокацию наших и финских частей.

— Что ж, можно, — согласился Серюков и, развернув карту, укрепил ее на стене.

Все сгрудились около нее.

— Вот смотрите: здесь, на берегу Ладоги, Питкяранта, — показывал бригадный комиссар, — часть на материке, часть на острове Пусун-саари. Вот это белый мост, по которому мы обычно проезжаем к госпиталю и на завод. От него дорога на север в дивизию. Этот путь сейчас финнами в одном месте простреливается. Они засели у полуразрушенной старой казармы. Опергруппа уже отдала приказ сегодня же прокладывать новую дорогу.

— А где же ее проложат? — снова спросил Гуляев.

— По озеру. Это, конечно, не так просто. Если двигаться по льду, то придется проходить между вот этими двумя небольшими островками — Петяя-саари и Максиман-саари. Сегодня их заняли офицерские части. Островки лесистые — финнов оттуда не видно, а обоз должен идти по открытой местности. В этом вся загвоздка.

— А для чего финнам нужен город? — спросил начальник ПАХа.

— Ну, это же совершенно ясно. Питкяранта очень важный стратегический пункт. Это ворота Ладоги и ворота к Кексгольму. Заняв город, финны смогут наступать на дивизию и с юга. А кроме того, они пытаются перерезать коммуникации для того, чтобы прекратить подвоз боеприпасов и продовольствия для дивизии и частей, находящихся в городе, а также затруднить продвижение наших подходящих частей. Все. У нас очень ограниченное время. Теперь я попрошу командиров подойти ко мне по очереди. Я покажу каждому его участок. Надо немедленно выводить людей в оборону. Начнем с автобата.

На карте красным карандашом были резко очерчены границы.

— Ваш участок — южный, — обращаясь к комбату, сказал Серюков, указывая границы на карте. — Запомните следующее: в ближайшее время на вашем участке можно ожидать вылазки финнов. Мы будем нажимать с левого фланга, стараясь сдвинуть их к юго-востоку, откуда будут подходить наши главные подкрепления. Таким образом неприятеля легче будет охватить со всех сторон. Кроме того, этот нажим даст возможность быстрее проложить дорогу по озеру. Следовательно, когда финнам будет тяжело, они станут просачиваться на наш правый фланг, то есть через ваш участок.

— Куда просачиваться?

— На озеро. Только по этому пути они отсюда смогут соединиться со своими частями, которые находятся на острове Валаам. Вам понятно?

— Совершенно точно, — сказал комбат, поспешно делая пометки в своем блокноте.

— Все. Идите. Да не забудьте выделить связистов. Надо наладить крепкую связь с соседними подразделениями.

На улице все было как час тому назад. Также двига-

лись в разных направлениях бойцы, также доносился сухой треск автоматов. Но изменилось настроение. Теперь всей жизнью городка и частей руководила твердая рука, и комбат почувствовал уверенность и спокойствие.

Когда лейтенанта Захарова вызвали на совещание к комбату, он только что закончил читать бойцам напечатанный в газете отрывок из последней части романа Шолохова. Надо было его обязательно связать с текущими событиями. Еще вчера вечером говорил об этом комиссар. Лейтенант говорил о людях, боровшихся на фронтах гражданской войны, о их любви к родине и партии. Он говорил о присяге. Ее принимали там, на Красной площади, перед мавзолеем вождя, ее произносили красноармейцы во всех уголках страны, она была в сердце каждого.

Когда Захаров вошел в комнату комиссара, он сразу заметил серьезные, сосредоточенные лица собравшихся. Повидимому, произошло что-то необычайное.

Комбат сидел у стола, тихо совещаясь с комиссаром.

— Да, ты прав, все оружие в оборону,— донесся до Захарова голос комбата.— И относительно распределения людей — точно.

Все поспешили рассаживаться по местам. У печки, заложив руки за спину, стояла Шилова.

— Товарищи командиры и политработники,— медленно начал комбат.— Сегодня наступил такой момент, когда мы — тыловая часть — должны стать боевой. В восемнадцать ноль-ноль автобат займет линию обороны вверенного нам участка для защиты его от белофиннов.

Пристально глядя на сидящих, комбат кратко рассказал о создавшейся обстановке и о задачах батальона.

Захаров быстро оглядел всех. Люди сидели неподвижно. У всех были сосредоточенные лица, крепко сжатые губы. Все, как и он, понимали важность наступающих событий.

— Две роты сейчас же высылаются на линию обороны,— продолжал комбат,— одна остается в резерве на случай, если финны будут действительно просачиваться через лес южного участка. Парковая рота и мастерские прекращают обычную работу и будут бессменно нести охрану автобата. Здесь мы оставляем только два пуле-

мета — все остальное оружие бросается в оборону. Ясно?

Все напряженно молчали, ожидая, что будет дальше.

Комиссар встал и вытер со лба пот. Он еще никак не мог отдохнуть. Он с помкомбата только что вернулся с линии обороны, обежав ее и наметив размещение бойцов. Теперь наступал самый ответственный момент. Надо было собрать все силы, все умение для того, чтобы организовать людей.

— Так вот, товарищи, наша задача — с честью выполнить боевое задание, — сказал он. — Враг серьезен, и об этом надо хорошо помнить.

Казалось, комиссар подыскивал слова, но в действительности он настороженно прислушивался к усиливающейся у леса стрельбе. Хотя они с комбатом и выслали уже вперед взвод, но совещание надо было проводить быстро, чтобы не задерживать людей.

— Может быть, нам долго придется находиться в окопах, дни и ночи лежать в снегу, но мы не оставим обороны, пока не уничтожим врага. Надо немедленно довести боевое задание до каждого бойца и еще раз напомнить всем о присяге. От состояния дисциплины зависит наша победа. Это, товарищи, — основное. Надо помнить, что мы защищаем не только наш участок, но участвуем в защите всей страны. И потому все должны быть готовы к борьбе, все должны быть мужественны. Нужно не только требовать от бойца, нужно всегда воспитывать его и проявлять максимальную заботу о нем. Каждый должен знать, что в этот трудный, ответственный момент он не забыт, что с нами вся страна, наша партия, товарищ Сталин.

Комиссар оглядел сидящих и деловито добавил:

— Через пять минут мы закончим совещание с коммунистами и комсомольцами. Затем — все по ротам, к бойцам.

Комната сразу опустела и так же быстро наполнилась новыми людьми. Теперь комиссар говорил о роли коммунистов и комсомольцев. Захаров понимал, что на нем лежит огромная ответственность. Он, коммунист, так же, как комиссар, отвечает за людей, за все, что может произойти. Он обязан сплотить боевой коллектив, он обязан вести его за собой. Нужно, чтобы каждый почувствовал у своего плеча близкого и родного человека, с которым

у него одни мысли и одно стремление к победе. Вместе с политруком Смирновым он добьется этого в своей роте.

Комиссар кончил говорить и взял со стола какую-то бумагу.

— Я предлагаю от имени автобата послать приветствие на родину. Вот его текст.

«В этот час, когда получен боевой приказ, мы прежде всего вспоминаем о Сталине. И от одной мысли, что Stalin заботится о нас, нам становится легко, радостно и никакие трудности нас не страшат. С именем Сталина на устах мы беспощадно будем громить врага».

Казалось, что стены задрожали от громкого крика.

Совещание кончилось.

Захаров провел короткую беседу в своей роте.

Все бойцы хотели говорить, все просили слова. Он никак не мог вспомнить, кто же сказал первый:

— Пусть знает страна, партия и товарищ Stalin, что мы выполним любую боевую задачу. Вместо руля мы возьмем винтовки и разгромим врага.

Люди спешно проверяли оружие.

— Потеплей, ребята, одевайтесь, мороз сильный,— говорил политрук Смирнов, раздавая бойцам старые газеты. — На портнянки наверните — ноги не замерзнут.

Один взвод за другим поспешно выстраивался в полу-темном коридоре. Было приказано перед уходом всем зайти в санчасть.

Наконец, все было готово, и бойцы вышли на двор.

Мороз был так силен, что стягивал губы.

— Спирту для пулеметов, спирту не забудьте! — кричал кто-то во дворе.

Захаров смотрел на ровную шеренгу людей и взволнивенно прислушивался к четкому пулеметному стуку. Он только что получил приказ расположиться со своей ротой на правом фланге для обороны высоты пятьдесят два и выслал вперед разведку.

Из-за высоких темных елей медленно показалась луна. По снегу побежали синеватые тени.

Рядом выстраивалась вторая рота; поспешно сновали бойцы, по лестнице загрохотал колесиками пулемет.

У двери стоял комбат. Он подошел к Захарову.

— Ну, счастливого пути!

Захаров вышел вперед, и рота двинулась.

Спустились к речке, перешли мост и вышли на уз-

кую тропинку. Она, извиваясь, тянулась по лощине, потом свернула в сторону и пошла лесом в гору.

Бойцы шли медленно, стараясь ступать по вытоптанным следам. Иногда Захаров останавливался и долго прислушивался. За ним останавливались все. И затем снова под ногами скрипел твердый, промерзший снег.

У второй небольшой лощины над головами засвистели пули. Люди бросились в снег. Один за другим они медленно ползли вперед, прислушиваясь к команде, которая шопотом передавалась по цепи:

— Не стрелять!

Когда лес становился более густым, бойцы вскакивали и делали короткие перебежки.

В лесу была тишина, и люди ползли, стараясь не шуметь, сдерживая дыхание... Через полчаса вся линия обороны южного участка была занята.

Тщательно маскируясь ветками елей, прячась за буграми и кустами, бойцы лопатами и кирками рыли твердую промерзшую землю, устраивая окопы и блиндажи. По всей линии обороны потянулась невысокая стена, сложенная из толстых глыб снега. Ее обсаживали елками и кустами. Люди работали спешно, все хорошо знали: впереди в ста метрах была небольшая поляна, а на опушке леса засел враг.

Сейчас же после совещания Шилова поспешило пошла в санчасть. Надо было приготовить все для приема раненых.

Уходя от комиссара, она спросила комбата, какие будут распоряжения санчасти.

— Приготовить все необходимое. Сейчас выделим несколько бойцов. Надо их обеспечить носилками. На линию обороны направить вашего санитара.

— Я прошу послать меня в оборону, товарищ комбат, — волнуясь, настойчиво сказала Шилова. — Там, на месте, я буду полезнее.

— А кто здесь будет оказывать помощь? — вмешался в разговор комиссар. — Фельдшер — одно дело, а врач другое... Нет, товарищ Шилова, вы останетесь здесь... Там справится и санитар Сизев. Оборона ведь рядом, в двухстах метрах... Если нужно — всегда успеют приставить раненого... Мы не можем так рисковать специалистами. А если вас убьют, тогда что?

В санчасти Вера и Сизев торопливо открывали сундуки и вытаскивали оттуда перевязочный материал и медикаменты. Шилова, вздыхая, раскладывала на столе инструменты. Ей казалось огромной несправедливостью то, что ее не пустили на линию обороны. Ну, что такое Сизев? Правда, она научила его делать перевязки, но разве он сможет сделать их так, как она? Хотя санитар он исполнительный... Сейчас, глядя, как он укладывает все необходимое в медицинскую сумку, Шилова чувствовала глухое раздражение. Но что же делать? Надо без разговоров выполнять приказ.

Все было готово. На примусе кипятились инструменты. Теперь оставалось только ждать.

Она присела у стола и, прислушиваясь к стрельбе, не отрываясь смотрела в окно. У мостика столпились разведчики на лыжах, в белых халатах. Это были бойцы из соседней части. Командир что-то растолковывал людям, махая рукой в сторону леса. Медленно, один за другим разведчики тронулись по тропинке, и видно было, как, плавно покачиваясь на ходу, они пропадали среди темных стволов.

— Лес пошли прочищать,— сказал Сизев, по-хозяйски закладывая в сумку продукты.

Шилова тщательно занавесила окно одеялами и приказала Вере зажечь лампу.

Следующие полчаса прошли в спешке. Один за другим входили бойцы и, становясь в очередь, получали индивидуальные пакеты. Вера и Сизев смазывали лица бойцов вазелином.

— А вы куда? — с удивлением спросила Шилова молодого худощавого бойца.— У вас же утром температура была. Давайте, поставим термометр.

— Да что вы, товарищ доктор. Все прошло. Никакой температуры. Задержите — все равно сбегу... Ну, если хуже будет — вернусь. Непременно вернусь. А сейчас — в оборону. Как же, товарищи идут, а я что?

— Пусть идет,— вмешался Захаров.— Если плохо себя будет чувствовать, я верну.

Снова в санчасти стало пусто. Стрельба совсем где-то рядом все усиливалась.

— Носилки давай! — крикнул кто-то за дверью.

Шилова бросилась в прихожую. Около комбата стояло несколько бойцов.

— Это вот из той разведки, что в лес ушла, — торопливо говорил разведчик Сорвачев. — Один боец прибежал, у него палец отшибло. Пустяки — сам перевязал. Командира их тяжело ранило, а вытащить его не могут. Говорят, обстрел такой идет — не подступишься.

— Разрешите, товарищ комбат. Мы уж как-нибудь подлезем. А то либо замерзнет, либо его финны порешат, — перебил его разведчик Юркин. — Мы осторожно. В рейсах уже были в переделках. Нельзя же бросить?

— Ну, что ж, попробуйте!

Люди бросились наружу. Где-то недалеко глох разорвалась мина, за ней вторая, третья.

Вера торопливо выносила из комнаты лишнюю мебель, Шилова тщательно мыла руки. Смогут ли вытащить раненого?

Вот послышались грузные шаги.

Лейтенант лежал на носилках. Вся одежда была в крови.

— Ножницы! Скорей! — сказала Шилова.

Вера наклонилась к раненому и стала торопливо разрезать одежду. Бойцы помогали стаскивать ее. Из кармана гимнастерки выпали какие-то документы, партбилет и вырезка из газеты.

Комиссар нагнулся и заглянул в газету. Это была вырезка из дивизионной газеты «Боевой удар», заметка о боевой работе лейтенанта.

Шилова осторожно вынимала куски материи, забившиеся вместе с ватой в раны, и пинцетом вытаскивала застрявшие темные осколки.

Раненого напоили горячим вином. Он пил с жадностью, с трудом переводя дыхание. Затем долго с недоумением оглядывал комнату, повидимому, не понимая, где он находится, и вдруг хрипло сказал:

— Найдите Сидорова... там... в разведке. Он скажет... где враг...

Лейтенант закинул голову и потерял сознание.

Комиссар выбежал из перевязочной. Вера торопливо впрыскивала камфору. Бойцы тащили горячую воду, наливали ее в грелки и обкладывали ими раненого.

— Надо в госпиталь. Сейчас пройду, договорюсь с комбатом о машине, — укрывая раненого своим полу-шубком, сказала Шилова и тут только услыхала за окном ураганную стрельбу.

Из прихожей донесся зычный приказ комбата:
— В ружье!

Бойцы бросились из перевязочной. Через открытую дверь видно было, как в прихожей забегали люди. Из всех дверей высакивали бойцы, тащили пулемет. С двора доносились громкие крики; послышалась пулеметная стрельба. Ясно было, что финны окружали дом.

Шилова тяжело перевела дыхание.

— Ты пойдешь с бойцами,— глухо сказала она Верен,— а я останусь здесь. Я не могу бросить раненого.

Быстрым шагом она подошла к кровати и, сняв со спинки пояс с револьвером, дрожащими пальцами стала затягивать ремень.

— Режим дня менять не будем. Чтобы все было готово в установленные часы!

Вошел оперативный дежурный и сказал, что принесли раненого лейтенанта.

— Пройду узнаю, в чем дело,— сказал комиссар.

Он сейчас же вернулся, но не успел ничего рассказать комбату. За дверью кто-то громко закричал:

— Срочно... Комбата... Комиссара...

Дверь резко отворилась. На пороге стоял весь покрытый снегом лейтенант из штаба опергруппы. Он опустил ворот шубы и шагнул вперед.

— Финны прорвались в город,— с трудом переводя дыхание, доложил он.— Они уже заняли белую церковь... подходят к штабу... необходимо подкрепление...

Комбат, не дослушав, выскочил в прихожую и зычно крикнул:

— В ружье!

Оперативный дежурный беспрерывно накручивал ручку телефона, но из штаба не отвечали.

— Повидимому, перерезаны провода,— доложил он вошедшему комбату.

— Ты останешься здесь, я возьму охрану и двину к штабу, — быстро сказал комбат комиссару и вышел.

Комиссар выбежал на двор и приказал парковой роте залечь вокруг дома.

Стрельба слышалась уже совсем близко.

Спешно заканчивалось совещание опергруппы.

Комбриг Коротеев дал коротко высказаться нескользким командирам и взял слово сам. Он говорил торопливо, отчеканивая каждое слово:

— Финны прорвались к белой церкви и пытаются стянуть петлю у города. У них огромное превосходство сил — в основном офицерские части. Я и бригадный комиссар Серюков отдали уже приказ о том, чтобы все наши силы в восемнадцать ноль-ноль заняли линию обороны. О создавшемся положении сообщено командарму и полковнику Бондареву.

Он нахмурил брови и о чем-то сосредоточенно думал.

— У нас следующее распределение сил: рота майора Мочалова, в которую входят ПАХ, ремонтные мастерские и команда выздоравливающих, — брошены к церкви. Здесь, на острове, в больничном городке, временно остается только что сформированная рота медсостава. Она выйдет тогда, когда финны начнут угрожать госпиталю. На южном участке оборону держит автобат. Будем биться до конца. Все.

— Я поеду к церкви, на передовые, — сказал Серюков. — Так будет лучше.

— Добре, — согласился комбриг. — Только возьми броневик. Зря рисковать не нужно. Держи со мной непрерывную связь. Если понадобится, сниму людей с южного участка и брошу к вам на помощь.

Когда все вышли из комнаты, комбриг устало присел в кресло. За последние трое суток он спал всего лишь несколько часов.

«Кажется, сделано все возможное. Надо дождаться подкрепления».

Все шло необычайно стремительно. Ведь если бы ему две недели тому назад сказали, что он попадет в такой переплет, он, пожалуй бы, не поверил.

Он вспомнил свою квартиру, телефонный звонок поздно ночью. Его вызывали в штаб округа. Что ж! Это было очень лестное предложение. Целую группу командного состава направляли на финский фронт, для накопления опыта современной войны. Это было очень интересно. Жалел, что посылали только на две недели.

Но по приезде в Сальми все планы пошли на смарку.

Командарм назначил комбрига в Питкяранту возглавлять опергруппу.

Адъютант принес много раз разогревавшийся обед. И тут только комбриг вспомнил, что он с утра еще не ел.

— Добре, сынок, добре! — радостно сказал комбриг, вдруг почувствовав сильный голод, и потянулся за аппетитной корочкой белого хлеба. Но в это время в комнату поспешно вошел начальник штаба опергруппы капитан Казанцев. У него было молодое лицо и густо посеребренные волосы.

— Товарищ комбриг, сейчас звонил Мочалов, — устало сказал он. — Финны сильно наступают на церковь. Мочалов просит помощи.

— Позвоните Мочалову, чтобы пока держался сам. Ободрите — помочь пришлем попозже. Серюков еще не звонил?

— Пока нет.

— Разведка не вернулась?

— Должна прибыть с минуты на минуту.

Комбриг долго молчал.

— Как с орудиями в районе штаба и автобата? Людей нашли?

— Только что послал туда несколько артиллеристов. Не знаю, когда доберутся. Они в обход двинули.

Комбриг что-то обдумывал, не выпуская изо рта папиросу и щурясь от синеватого дыма.

— Добре, — наконец сказал он. — Людей подбросить с южного участка мы еще успеем. Созвонитесь с Серюковым, что у них там? Проверьте, чтобы броневик был наготове. Когда нужно будет, я сам проеду на южный участок.

Казанцев пошел к двери.

— Как с подводами в дивизию? — остановил его комбриг.

— Готовятся. Сейчас выслали вперед разведку. Сегодня погружено сто двадцать саней.

— Добре, — снова сказал комбриг. — Доложите мне немедленно, когда вернется разведка.

«Позавчера пробилось в дивизию тридцать пять подвод. Вчера ни одной не удалось. Как пройдут сегодня?»

Эта мысль занимала его больше всего.

Он на минуту представил себе заснеженную гладь

озера, по которому пробирается обоз. Острова с двух сторон заняты финнами. Ночь, стрельба, финские прожекторы, мины, проволочные заграждения на льду.

Кто-то торопливо бежал по лестнице.

Комбриг быстро отодвинул тарелку и встал.

— Товарищ комбриг, разрешите?

Замерзшими пальцами связист с трудом доставал из грудного кармана письмо.

— От бригадного комиссара товарища Серюкова.

Коротеев поспешил развернуть смятый листок.

«Финны у самой церкви. Положение серьезное. Пока держимся. Необходимо подкрепление. Прошу принять меры».

— Так, — медленно сказал комбриг, передавая листок Казанцеву, стоящему около связиста, и снимая с вешалки шинель.

— Ну, пошли, — сказал он адъютанту и двинулся к двери. — Вы, товарищ Казанцев, оставайтесь здесь. Я позвоню вам из штаба. Передайте начальнику санчасти мои распоряжения.

Комбриг шел медленно, не торопясь, на ходу застегивая шинель и вправляя шелковое цветное кашне. За ним шел адъютант с ручным пулеметом.

В первый момент показалось, что на дворе полная тьма. Комбриг задержался на ступеньках крыльца, глядываясь в темноту.

Но вот вырисовались стены домов, и он уже ясно различил весь двор.

Надо было зайти в санчасть, проверить выполнение приказа.

Пронзительно гудя, из-за угла вынырнула грузовая машина и остановилась около приемного покоя. Сейчас же с крыльца к ней навстречу ринулись люди с носилками. Слышно было, как грохнул спущенный борт. Санитары суетились около машины. Кто-то громко и протяжно стонал. Это привезли раненых из района церкви.

«Здорово палят», — подумал комбриг, прислушиваясь к стрельбе.

Неумолчно били пулеметы. В их густой стук врывался сухой треск финских автоматов. Равномерно ухали вражеские минометы. То стихая, то приближаясь, раскатывалась ружейная перестрелка. Почему же молчала артиллерия?

Со всех сторон к центру двора бежали люди с винтовками.

«Куда это их несет? — удивленно подумал комбриг. — Неужели растерялись?»

Но, добежав до середины двора, люди выстраивались в шеренги. Около них суетился начальник госпиталя.

«Ну, значит все в порядке. Повидимому, сейчас выступят», — подумал комбриг и тронул за рукав начальника госпиталя.

— Надо к церкви. Там дожидается бригадный комиссар, — тихо сказал он и обернулся к выстроившейся шеренге.

— Ну, как жизнь?

Присматриваясь к ближайшим в строю, комбриг заметил знакомые лица. Вчера, делая в госпитале доклад о международном положении, он видел этих людей, сидящих в белых халатах. В строю были и врачи, и фельдшера, и сестры.

— Сменили скальпель на винтовку, — поспешил сказать начальник госпиталя. — У нас за спиной раненые. Мы должны их защищать.

Раздалась команда. Отряд уже двинулся, когда со стороны хирургического отделения госпиталя послышались голоса.

Шла еще какая-то новая группа людей. Они двигались медленно. Комбриг напряженно вглядывался. У одного была перевязана рука, у другого голова, третий прихрамывал, осторожно ступая на залитый кровью надрезанный валенок. Но все были вооружены.

— Откуда? От церкви? — шагнул к ним навстречу комбриг.

Шедший впереди младший командир с забинтованной левой рукой остановился и, взглянувши в петлицы на шинели, увидел ромб.

— Да нет, товарищ комбриг, туда идем.

— Куда?

— В оборону.

— Да как же вы, товарищ, стрелять будете? Рука же у вас ранена?

— Ранена, — согласился командир и поспешил добавил: — Правая-то цела. Мы таких ребят подобрали, что не сомневайтесь. Разрешите итти? Шагом — марш! — громко скомандовал он.

За госпиталем, огненными брызгами вздымая землю и песок, разорвалась мина. Комбриг услышал гул артиллерийской канонады. «Наши заработали», — с радостью подумал он.

Отовсюду, из всех дверей, выбегали раненые. Санитары и сестры в белых халатах носились по двору, уговаривали, за руки тащили бойцов в госпиталь. Все, кто мог двигаться, стремились в оборону.

Из склада на розвальни грузили боеприпасы. Те из раненых, кто не имел винтовок, перемогаясь, помогали грузить ящики. «Золотой народ», — подумал комбриг, направляясь к подъехавшему броневику.

— Надо в штаб, — сказал он адъютанту. — Здесь все в порядке.

Броневик с потушеными фарами медленно двигался по глубоким, засыпанным снегом колеям.

Слева показался завод с темными окнами. Около него виднелись залегшие на снегу бойцы. Но сейчас надо было двинуть людей к церкви.

Комбриг приоткрыл дверцу и отдал приказ подбежавшему лейтенанту. Цепь поднялась и двинулась вперед.

С Ладоги подул обжигающий кожу ветер.

Впереди в слегка туманной синеве ночи белел длинный деревянный мост.

Из караульной будочки навстречу выбежали двое дозорных.

— Что за мостом делается, товарищ комбриг, прямо не поймешь! — тревожно сказал боец.

Все долго прислушивались к ураганной стрельбе. В дробную, шквалом налетающую винтовочную перестрелку врывался густой стук пулеметов. С воем проносились мины, и по ярким вспышкам видно было, что они делали перелет и разрывались на льду в широком заливе Ладоги. Непрерывно била наша артиллерия.

За мостом в гору поднималась широкая белая дорога. Надо было немного проехать по ней, у перекрестка свернуть направо и двигаться по открытому месту, мимо стоящей на верхушке горы белой церкви. Дальше шел спуск, у конца которого находился штаб опергруппы.

— Поехали! — решительно сказал комбриг и захлопнул дверцу.

Машина, подскакивая, пошла по бревенчатому мосту.

На подъеме в гору, среди стволов сосен мелькали темные очертания лошадей стоявшей здесь конной разведки. По обочинам дороги, на темном фоне елей, двигались белые фигуры.

Вот показалась церковь, темные окна и высокая стройная колокольня. В лесу вспыхивали и мгновенно погасали синеватые огоньки.

Машина рванула и у перекрестка свернула направо. По ней резнула пулеметная очередь, недалеко завишила и разорвалась мина.

От резкого тормоза комбриг откинулся назад.

— Приехали, — обернулся водитель и нажал на ручку двери. Комбриг выпрыгнул на снег.

— Аля-ля, аля-ля! — слышалось со стороны церкви. Крики разрастались, ширились, перекрывая гул стрельбы.

— Аля-ля! — неслось все ближе и ближе.

— В атаку пошли! — крикнул адъютант.

Комбриг поспешил обошел дом и свернул к крыльцу.

И в этот момент, перекрывая однотонный крик, доносились раскатистое «ура».

В штабе было пусто. Куда же девался дежурный лейтенант? Комбриг распахнул дверь комнаты телефонистов.

У стола сидели два телефониста. Они растерянно посмотрели на вошедшего.

Комбриг сразу понял состояние людей, охватившую их тревогу и то, что эти два бойца не покинули своего поста и продолжали работать. По их взглядам он понял, что люди ждут от него помощи, шагнул вперед и весело сказал:

— Люблю военную службу!

Телефонисты улыбнулись.

— Ну, здорово! Куда весь народ подевался? — спокойно спросил комбриг. — Где оперативный дежурный?

— Народ к церкви побежал. А лейтенант в автобат за помощью, — повеселев, ответил телефонист.

— Добре! А ну, берись за телефон! Будем называть. Сначала автобату, потом в ДОП.

Телефонисты поспешили закрутить ручки.

Комбриг прислушивался к приближающемуся гулу боя.

В соседней комнате послышались торопливые шаги, затем в дверях показался командир автобата. Он, ви-

димо, бежал всю дорогу и теперь с трудом переводил дыхание.

— Вот вас-то мне и нужно,— обрадовался комбриг.— Ну, как там дела, на участке?

— Теснят, товарищ комбриг. Перестрелка кругом. Сейчас прибежал лейтенант,— сказал, что нужно подкрепление. Я вот и пришел, чтобы выяснить.

Резко запищал телефон.

Звонил бригадный комиссар. Комбат не мог разобрать, о чем идет разговор, но по тону комбрига понял, что случилось что-то серьезное.

— Сейчас вышлю к вам все, что возможно. Надо восстановить прежнее положение,— торопливо сказал комбриг и повернулся к комбату.

— Взять роту из автобата и немедленно двинуть ее на церковь. Финны заняли ее. Будем отбивать. Южный участок не оголять. А то как бы финны со стороны церкви не бросились. Понятно? В два счета. Забери грузовик и поезжай. Бойцов перебросить на машинах.

За окном загудел мотор. Комбриг созвонился с Каванцевым и вызвал его в штаб. Связался с Гуляевым и приказал непрерывно высыпать к линии обороны боеприпасы. В батарею дозвониться было трудно. Наконец, оттуда ответили.

«Беспрерывно бить по району к северу от церкви»,— приказал комбриг.

Положение было крайне серьезным. До автобата близко. Значит, помочь оттуда будет немедленно. Вот, если бы и Целовальников пришел во-время. Он вышел из дома и, пройдя мимо дозорных, хотел подняться на бугорок. Несколько пуль просвистело над головой.

— Туда нельзя. Убьют вас! — встревоженно крикнул лейтенант — начальник караула. — Тут сейчас двух ранено. Все равно не видать ничего.

У дома остановилась машина. С нее спрыгнули бойцы, сразу начавшие выгружать ящики и мешки с патронами. Затем, подняв их на плечи, бойцы двинулись по дороге к церкви.

Там с новой силой вспыхнула перестрелка.

Комбриг пошел навстречу приближающейся машине, набитой бойцами, за первой показалась другая, третья.

— Откуда?

— Из автобата,— отрапортовал комроты.

— Ну, добре, добре! Дальше машина не пройдет — ногами надо. Быстро прибыли — хвалю! — громко говорил он, стараясь, чтобы все окружающие слышали. — А ну, покажите себя, сынки. Я слышал, вы народ боеевой. Надо отсюда выкинуть финскую нечисть. Только по тропинке идите, — крикнул он вдогонку комроты, — дорогу обстреливают.

Он отошел в сторону, пропуская роту. Бойцы торопливо шли цепочкой, таща за собой на небольших деревянных санках станковые пулеметы и привязанные на веревках металлические ящики с пулеметными лентами.

— Товарищ Коваль, товарищ Коваль! — закричал кто-то приглушенно, и сейчас же, обходя стороной цепочку, по обочине дороги пробежал вперед высокий санитар с перевязкой Красного Креста на рукаве, с плотно набитой медицинской сумкой.

Комбриг заметил молодое, совсем еще юношеское лицо.

Уже гораздо позже, когда комбриг вспоминал эту тревожную ночь, он всегда думал об этом коротком времени, когда скрылись бойцы, а он остался у помещения штаба. Как всегда бывает в такие моменты, время тянулось бесконечно медленно. Нервы были напряжены, казалось, до последнего предела... Он медленно ходил перед домом, прислушиваясь к перестрелке.

Снова по озеру начали бить финские минометы. У самой горки затрещали автоматы, по двору забегали и засуетились бойцы. Торопливо подбежал начальник караула и в нерешительности остановился. Комбриг отчетливо услышал крики на незнакомом языке: финны снова пошли в атаку.

— В ружье! — тихо сказал он начальнику караула.

Приказ мгновенно разнесся по всему двору, проник во все помещения, отовсюду бежали бойцы с винтовками, засовывая за пояс гранаты, таща станковые пулеметы.

Броневик двинулся к дороге, выбирая удобную позицию.

Пробежав вперед, цепь залегла у начала спуска.

— Товарищ комбриг, прошу вас уйти отсюда, — взволнованно попросил начальник караула. — Стреляют ведь совсем рядом.

— Я буду в цепи, — сказал комбриг, выбрал место и

улегся в снегу. Он решил подпустить финнов к перекрестку дорог, а затем ударить в тыл. Иного выхода не было. Повидимому, финские силы были велики, их не удержишь таким небольшим заслоном.

Было трудно определить, что делается впереди, но стрельба разгоралась, превращаясь в ураганный шквал.

— Аля-ля-ля! — закричали близко, казалось, уже совсем рядом, за вершиной бугра.

Он видел, как поворачивали головы бойцы и как кто-то в белом халате напряженно припал к пулемету. Новые громкие крики неслись снизу, у перекрестка дорог, а потом уже послышались на гребне горы, за белой церковью.

Комбриг привстал. Что там кричали? Это не было привычное «ура». Что там наверху с людьми? Он вскочил. Крики усиливались, и вдруг он услышал призывное имя.

— За Сталина! За Сталина! — кричали на горе в могучем порыве. Рота автобата пошла в контратаку.

Комбриг вернулся в помещение штаба. Надо было во что бы то ни стало добиться связи.

Он сидел у телефонного аппарата и смотрел, как дрожащими руками телефонист вертел ручку, пытаясь соединиться с командным пунктом, на котором находился бригадный комиссар. Но оттуда не отвечали.

— Выслать связистов на командный пункт! — приказал комбриг начальнику караула. Но в это время дверь с шумом распахнулась, и в комнату вбежал молодой лейтенант.

— Товарищ комбриг, разрешите, — сказал он и, не дожидаясь ответа, не в силах удержать улыбку, скороговоркой отрапортовал:

— Финны отброшены за церковь. Только что закончена контратака.

— Ага! — радостно вскрикнул комбриг и, быстро подойдя к лейтенанту, тряхнул его за плечи. — От этого да! Люблю военную службу!

Это было настоящее торжество... Серюков видел радостные, возбужденные лица.

— Обогнули мы церковь — глядим, с северо-восточной стороны бьют в нас прямо из-под земли, — рассказывал кто-то. — Ну, ничего не поймем. Потом разведка

донесла — штаб финнов в землянке. Забросали землянку гранатами. Финны по одному выползают и в лес. Не вышло. Всех перебили. Одного взяли живым. Говорит: «Как церковь заняли, не решились дальше двигаться, — у вас тут силы большие стоят».

«Знали бы они, какие у нас силы», — усмехнулся про себя Серюков.

Отдав распоряжение об эвакуации раненых, он разыскал за сараем дежурную машину. Надо было срочно ехать в штаб опергруппы и вернуться с подкреплением.

Стрельба слышалась в отдалении, — повидимому, финнов преследовали уже в лесу.

Он влез в машину и, с удовольствием откинувшись на мягкую спинку, терпеливо ждал, пока шофер возился с мотором.

Как приятна тишина! Но мысли снова возвращались к бою. Да, если бы в последний момент не подошли с севера Целовальников, а с юга автобат, пожалуй, не удержали бы врага. И в тот момент, когда, казалось, все пропало и люди навсегда останутся на этой горке, — прозвучало имя вождя. Откуда вдруг появилось столько сил? Казалось, замерзшие пальцы не могли уже держать винтовку, тело сковал мороз, но это имя дало бойцам новую силу, бодрость и упорство. Люди рванулись вперед, нагоняли врага, беспощадно уничтожали его. Серюков вспомнил совещание в Кремле, на котором он участвовал, беседу с Ворошиловым и тот огромный подъем, с каким люди приветствовали Сталина. Теперь его имя вело людей в бой.

Замечательный народ! Команда выздоравливающих, тыловые части, санитарная рота, ездовые, пекаря, водители — они противостояли отборным частям финнов и отразили их, помогая главным силам дивизии добиться победы. Замечательный народ!

Комиссар автобата обошел линию обороны и усталой походкой возвращался к себе.

Уже трое суток — день и ночь — шли непрерывные бои. Люди изнемогали от усталости, но никто не хотел уходить из обороны. Все же он небольшими группами отводил бойцов на часок из окопов, в наскоро сделанные землянки и блиндажи.

Да, много пришлось пережить за эти дни.

В комнате комиссара было шумно и людно. Комиссар уже привык к тому, что в свободную минуту из штаба опергруппы и из соседних частей сюда заходили политработники и командиры обогреться, услышать последние сообщения по радио... Ему нравился этот шум и говор, и он старался накормить каждого и дать возможность хоть немного передохнуть.

Но сейчас было не до гостей. Через час было назначено совещание редакторов боевых листков. Надо было подготовиться к нему, а также написать передовую для стенгазеты.

Покровский, полулежа на столе, с измазанным краской лицом, кончал оформление стенгазеты. Ему хотелось нарисовать линию обороны. Лес вышел замечательно густой и пушистый, но не удавались окопы.

Поступаев возился с доской для радиограмм. Он выбрал место на дворе у крыльца, где собирался ее установить. Теперь каждый боец, всякий, приходящий в автобат, может быть всегда в курсе международных событий, знакомиться с оперативными сводками штаба ЛВО.

У другого конца стола, обложившись боевыми листками, сидел Бодров.

— Ну, как дела? — нагнулся к нему комиссар.

— Кончаю свои предложения, — сказал Бодров. — Да вы совсем замерзли, товарищ комиссар. Покормить вас надо.

Он засуетился, убирая боевые листки.

Суп был такой горячий, что обжигал губы. Комиссар ел с жадностью.

— Можно, товарищ комиссар? — нерешительно спросил, открывая дверь, высокий, рослый санитар с перевязкой Красного Креста на рукаве.

— А, Коваль! — радостно обернулся к нему комиссар. — Жив? Мне уж про тебя рассказывали.

Он с большой нежностью относился к этому рослому, широкоплечему застенчивому парню, с еще совсем детским лицом и голубыми глазами.

— Жив, жив... остався, — медленно, путая украинские слова с русскими, сказал Коваль. — А сейчас вот зашев в вашу санчасть — медикаментов нэ осталось. Так мне доктор ваш дала.

Лицо его побледнело от усталости, он едва держался

на ногах, но крепился и, радуясь теплу и домашней обстановке, смущенно улыбался.

— Да ты садись, садись. Поди, голодный.

Ковалю освободили место, и он с удовольствием принялся за еду.

— Еле-еле дошел — упалился. Все по снигу биг, — говорил он, улыбаясь.

— Вот о нем я тебе и говорил, — сказал комиссар Поступаеву. — Сейчас поест, ты и бери его в работу. Он тебе много интересного расскажет. Вот и статья для газеты готова. Тут рядом и садитесь. А ты, Коваль, расскажи о себе. В газету про тебя написать хотят.

— Да я нэ можу, — краснея, смущенно улыбался Коваль.

— Как так не можешь? — удивился комиссар. — Это ведь наш воспитанник, он к нам каждый день заходил, — объяснял он товарищам из опергруппы. — У них в ремонтной роте нет врача, так Коваль остался за главного. — Как чего не знает, к нашей Шиловой бежит. Она его и учит, и медикаментами снабжает, а мы тут с ним беседуем. Ну, давай, давай.

— Ну, хай будэ так...

В комнате стало тихо, слышно было только похрапывание Чарухина. Он двое суток находился в обороне, и комиссар заставил его выспаться.

— Ты расскажи, как раньше жил, а потом, как сейчас на фронте, — подсказал комиссар.

— Ну, чего ж казать?

— Ладно, ладно, не прибедняйся. — Ну, как с батькой жил — расскажи.

— Ну, жили раньше бидно, — нерешительно начал Коваль. — Было у батькови коняка, хатка, дитэй семь человек... Школу я нэ кончил — нэ в чем было ходить. С двадцать седьмого года батька пишев в колхоз. Там далы тэлэнка, выросла у нас корова. А хлиба мало. Когда было мне годов тринадцать — пишев я в совхоз работать: воду возил, людэй обслуживал. Вот тамочки поработав, батька мне и написал: «Приезжай, корова отэлилась». Поихав. А брат мий бригадиром работал. Я на него налегал. Был любитель трахтора. Как увидю его, цельный день просю, чтобы дали попробовать. Как дадут — бежу до матери: далы. Так и нэ сплю всю ночь от радости.

Коваль громко засмеялся. Комиссар, улыбаясь, неотрывно смотрел на парня.

— Ну, что ж, — ободрился Коваль. — С тридцать третьего году взял меня брат до себя практикантом. Я пишев до его бригады. Заправлял трахтор, перемувал части карасином, а потим стали меня понемногу сажать за руль и приказывают:

— Езжай! Тилько не останавливаися!

А я еду и все боюсь: а вдруг как остановится. А как его дальше пустить — и нэ знаю.

Бобров громко захохотал. Комиссар сердито посмотрел на него.

— Ну, понял я трахтор. Вин в меня вошел враз. Помощником поставили. Сам стал работать. А в тридцать восьмом году в армию. Зачалы нас разбивать. Кто куда, — кого хымиком, кого водителем, кого писарем. Мне и говорят: «Ты санитаром пойдешь? Доволен?» — «Доволен». В лагерях був лазарет, в нем больные. Нравится мне это дило. Я дежурил, чтобы у больных вода була, пол мыл. Налегал я, чтоб мене училы. Восимь мицяцев я учився грамоте и санитарное дило по книжке наизусть изучив. В комсомол туточки и вступил. Був у нас помполит. Вин меня и подготовлял. Вот и все.

— Ишь, как легко думаешь отделаться, — засмеялся комиссар: — Не выйдет. А про фронт тебе рассказать нечего?

— Про фронт? — переспросил Коваль. — Да, ну, — приехав до нас воентехник, зачитав приказ. Потим мы вышли в оборону. Впереди нас еще часть стояла. Нарыли в снигу окопы и залеглы на всю ночь. Утром завтрак привезлы горячий. По очереди ползали до кухни. Финны кругом обстреливают, головы нэ пиднять. А мне без внимания. Нэ боявся я ничего. Политрук и говорит: «Убьют тебя, некому будет перевязывать раненых». — «Ни, я буду остерегаться». Пришев с завтрака, залиг в окоп, а уж вторая смена идет обратно. Дивлюсь — упал боец Морозов. Я до его побиг.

— Ты жив? — спрашиваю.

— Жив.

— Где поранен?

— А у его разрывная пуля кость в плече побила. Я ему ножницами одежду разрезав и зачал перевязывать. Растирался маленько, но держусь. Морозов спрашивает:

— Как там?

А доктор ваш навсегда учил — ободрять людей надо
— Ничего — говорю.

— А по нас финны как зачалы сыпать из автоматов. А Морозов-то говорит: «Ой, добьют меня завсим». Я его оттянул в балочку. Под всю руку пидложил тампончики, чтоб дрожания нэ було, а рукав, чтобы ему нэ холодно, бинтом перетянул. Ползком подтяг его до церкви и у госпиталь отправил.

На другой день пехота впереди нас наступала. У их пулемэт перестал строчить. Командир роты побиг до пулемэта. А финны его и ранилы в колено. Он как закричит. А у их санитар в окопе лежит — не выжмешь. Я глянул, думаю — «Треба взаимопомощь» — ваш комиссар завсигда так говорит.. Ведь не чужой же.

Из окопа ползком полиз. Скилько полз — не помню. Сниг кругом от пуль копошется. Дополз, хвать команда за рукав, да и протяг снижком до наших окопов. Как хирург, зачал бинтывать. А тут еще ранетый подбегае: шкуру у его с руки сняло.

— Детка, — говорит, — поможи мне.

Сам стоит, а пули летят. Положил я его и тоже помочь дал.

— А сегодня куда бегал? — спросил комиссар.

— Сегодня поранило двух. Дило так було. Дывлюсь — выстрела нэ слыхать, а упал боец Маленкин. Старшина и кричит: «Бегом, сюда!» А пули лопотят над головой. Перебежками подлиз я к Маленкину, а финны опять зачалы строчить. Я уж не энаю, что и робыть. Попросил я старшину, он и дал мне Васильева на помошь. Взялы мы Маленкина пид руки и поползлы, а вин кричит: «Ноги померзлы!» Я валенки ему скинул и зачал ноги растирать, а Васильев и говорит: «Брось ты это дило. Все мы через тебя тут погибнем». Ну я его лечь заставил, кончил оттирать и говорю: «Бери ранетого». А тут самого Васильева ранило. Перебинтувал я его, говорю:

— Лежи. Побегу за лодочкой.

Бигу, а мне как засыпае, я в сниг. Олять бигу, опять в сниг. Так метров сто. Ну, принес лодочку, положил поперва в нее Васильева и отвез. А потим и Маленкина отправил.

— Ну и что ж, живы? — спросил Чарухин, приподнявшись с койки.

— Старался, чтобы живы булы.

— Молодец Коваль, — сказал комиссар. — Вот кончится война, домой приедешь, опять за трактор возвращешься.

— Ни, боже мой, — улыбнулся Коваль. — Какой там трактор. Кончим воевать, пиду учиться. Голову разобью, а главным хирургом буду. — Он нахлобучил ушанку и перекинул через плечо медицинскую сумку. — Надо до своих итти.

— А ты заходи, Коваль, заходи почаше, — сказал комиссар. — Да осторожней будь. Не лезь зря под пули.

— Ни, я буду остэрэгаться, — улыбнулся Коваль.

— Вот тебе и «детка», — усмехнулся комиссар. — Все у него просто да незаметно, а ведь дела большие делает. За людей-то как болеет.

Сергея Ивановича Сухарева знал весь автобат.

Небольшого роста, худощавый, с деловым видом, он всегда был чем-то занят. Три раза в день он закидывал за плечо винтовку и поспешной деловитой походкой уходил за несколько километров на полевую почтовую станцию. Возвращался с мешком, туго набитым письмами и газетами, с перекинутыми на веревках через плечи посылками.

— Вот идет наш Наркомпочтель, — завидя в окно Сухарева, говорил Садков и, выбегая навстречу, с почтительным видом широко распахивал двери.

Сухарев принимал это, как должное, быстро проходил к своей койке и молча разбирал газеты и письма.

— У вас, товарищ Сухарев, такой вид, точно вы государственной важности дело делаете, — поддевал его Садков.

— А как же, — невозмутимо отвечал Сухарев. — Ты вот на бойцов погляди после того, как они письма получат. У каждого своя забота о семье. А как ему из дома пришлют весточку, он совсем другим человеком становится... С него забота спадает. Дело свое лучше делает. Вот как...

Потом он шел по ротам и с торжественным видом, точно это были ордена, раздавал письма и посылки.

В свободное время он усаживался на своей койке,

чистил винтовку или что-нибудь зашивал, а то просто прислушивался к разговору товарищай.

Сухарев всегда и всем был доволен. И тем, что он был на фронте, что у него нужная и почетная обязанность, и письмами, которые получал из дома. Он не любил много говорить, но однажды рассказал товарищам, что о его семье хорошо заботятся на родине, жена от правления колхоза получила четыреста рублей и обеспечена дровами на всю зиму... Все было в порядке.

Иногда он вспоминал свой отъезд из колхоза. Его вызвали в военкомат и предложили ночью явиться с вещами на вокзал.

Разве можно в несколько часов передать все дело-производство колхоза? Было уже поздно, когда он закончил дела и собрался домой. Как бы тут не затеряли без него нужных бумаг. Он не любил беспорядка.

В свежем, чуть влажном воздухе пахло прелой листвой, над головой в прозрачном голубом свете плыла луна, а по земле ползли темные, отчетливые тени.

Когда он шел из правления колхоза, в окнах райкома партии горел свет. Сухарев знал, что дома его ждут родные, но вдруг решил зайти к секретарю райкома. Ведь не каждый день посылают на фронт.

Он был возбужден и горд. Ему необходимо было рассказать о своих мыслях и чувствах. Ну, что из того, что он беспартийный. Разве беспартийный не может зайти в райком партии?

Он даже подготовил длинную речь, но, пройдя в комнату секретаря, сразу забыл ее. Но он все-таки сказал, что надо. Он обещал быть мужественным и храбрым, обещал защищать родину до последней капли крови.

Сухарев шел из райкома партии, и в ушах его звенел горячий взволнованный голос секретаря.

И снова в свежем, чуть влажном воздухе пахло прелой листвой и над головой плыла луна.

Родине надо служить всюду. Разве плохо быть почтальоном? Нужное, большое дело. Вот, хотя бы, его первый рейс. Надо было отнести почту и газеты на границу в штаб дивизии. Но когда он добрался до Погран-Кондуша, дивизия уже ушла с боями вперед, и никто не знал точно, где она теперь.

Как же вернуться назад, ничего не сделав? Это было совершенно невозможно. Сумка с письмами и газетами

оттягивала плечо, на груди были спрятаны пакеты с до-
несениями. Нет, дивизию надо было найти. Значит, при-
дется итти одному. Но ведь ходил же он один по ночам
в прошлые годы в деревне, когда еще были кулаки.
Они не могли простить Сухареву то, что он разыскивал
спрятанный ими хлеб.

У шлагбаума его предупредили, что по прямой дороге
пройти нельзя, она еще заминирована. За финским се-
лением Мансила влево отходит тропинка к хутору. За
ним старая дорога — по ней и надо итти.

Он шел по дороге ровным, быстрым шагом. За се-
рыми изгородями стояли пустые дома с распахнутыми
дверями.

Наконец он заметил отходящую влево тропинку. Она
была узкая. Спускались сумерки. Он пересек широкую
поляну и очутился около редкого леска. Вот мелькнули
крыши домов. Сухарев остановился и долго прислуши-
вался. Кругом было тихо.

Стараясь приглушать шаги, он настороженно отгляды-
вал дома, дворы, сараи с распахнутыми дверями.

Все гуще становились сумерки. Сухареву стало не по
себе. Хотелось остановиться где-нибудь у дерева, при-
жаться к стволу и простоять до утра, пока не засветит
солнце.

Но он вспомнил ночь у себя на родине, и луну, и свою
взволнованную речь у секретаря.

— Эх ты! — чуть слышно сказал он себе с укором. —
Тоже оратор...

Звуки собственного голоса ободрили его.

Дорога вилась среди густого темного леса. Хоть бы
один человек, хоть бы одна машина навстречу. Вот
сбоку небольшой белый домик. Может быть, лучше за-
ночевать? Мало ли кто бродит по лесу? Нападут, отни-
мут письма и пакеты...

У дома гладкий, нетронутый снег. Видимо, тут ни-
кого нет. Он тихо прошел к сараю и чиркнул спичкой.
До самого потолка сарай был набит соломой. Он про-
лез поглубже и зарылся в солому.

До утра он лежал с открытыми глазами, прислуши-
ваясь к малейшему шороху. Его давило одиночество,—
казалось, что он навсегда затерялся в этих непроходи-
мых, чужих лесах.

Утро было яркое, солнечное. Он шел по дороге, но теперь навстречу изредка попадались машины.

Селение Каркку финны не успели сжечь, они не успели даже выгнать из него жителей.

Штаба дивизии здесь уже не было. Надо было идти дальше, в город Сальми. Как туда пройти? У кого узнать дорогу?

Сухарев настороженно оглядывал проходивших финнов, прислушиваясь к незнакомому говору.

У порога красного домика стоял высокий финн. Он о чем-то разговаривал с ребятишками, не выпуская изо рта толстую неуклюжую трубку. Помогая жестами, Сухарев спросил, где дорога на Сальми. Может быть, человек, услышав знакомое название местности, поймет, чего от него хотят?

Но финн понимал по-русски. Он вынул изо рта трубку и пригласил зайти в дом.

Нет, с казенной почтой Сухарев не зайдет к нему. Но зачем зря обижать человека? Сухарев сказал, что торопится, и угостил финна папиросой.

— Вы таких хороших, небось, не курите? — спросил он улыбаясь. — А у нас их сколько хочешь.

Они стояли у порога и мирно разговаривали.

Какая у человека бывает гордость, когда он говорит о своей стране! И обычно скромной на слова, Сухарев рассказывал о своей родине так много, как никогда в своей жизни.

Но надо идти дальше. Теперь он знал дорогу.

В этот день он догнал штаб дивизии и передал почту.

Как все удивились, когда узнали, что он пришел один! В лесах ведь действительно бродят финские банды. И почему его так благодарили товарищи?

Он ничего не рассказал о себе в автобате. Но за него это сделали приехавшие вместе с ним бойцы.

А на другой день в стенгазете появилась о нем статья, написанная комиссаром.

Сухарев старательно переписал ее и, вместе с письмом, послал домой.

Как темны ночи в финских лесах! Только в нескольких шагах от себя можно еще что-либо разглядеть, а дальше стволы деревьев и кусты сливаются с темной мглой. Каждую минуту теряется вытоптанная тропинка,

и ноги по колено проваливаются в хрустящий, с тонкой ледяной корочкой снег. До боли напряжены глаза.

И много можно вспомнить, когда с винтовкой стоишь в дозоре, а там, у темной полоски леса, враг. В особенности тогда, когда только что пришел из дальнего пути.

Может быть, Сухарев и остался бы отдыхать в доме, если бы не встретился с комиссаром. Всю жизнь он будет помнить первую фразу комиссара. Кругом стояли товарищи и слышали эти слова. Потом комиссар сказал, что утром в одной из землянок на линии обороны назначено заседание партбюро. На нем будет рассмотрено заявление Сухарева о приеме его в кандидаты партии.

— А сейчас надо отдохнуть, — посоветовал комиссар. — Идите в роту, выспитесь.

Но он не мог оставаться в помещении и, захватив винтовку, пошел в оборону. Он хотел в эту ночь быть вместе с товарищами.

Несколько раз его окликали дозорные. Пройдя к небольшой землянке, одетой со всех сторон хвоей, Сухарев доложил о своем приходе командиру роты.

И вот он уже около невысокой заснеженной ели. Прячась за густые ветви, он неподвижно стоит и смотрит туда, за белое поле, на темную, узкую полосу леса.

Что он завтра расскажет товарищам на партбюро, когда его спросят о том, что он делал за последнее время? Его жизнь похожа на жизнь множества людей. Так же, как и они, он стоит в ночной темноте и смотрит, и слушает, крепко прижав к себе винтовку.

Заскрипел снег под чьими-то ногами. Сухарев тихо окликнул подходящего и по голосу узнал Бодрова.

— Ну, как дела? — тихо спросил тот. — Ничего не видать?

— Ничего, товарищ Бодров. А вы что ж, обход делаете?

— Да, сегодня финны что-то притихли. Надо в оба глядеть... Молодец, Сухарев. Комиссар мне все рассказал. Так не забудь, завтра в девять партбюро.

Вот и Бодров говорит то же, что и комиссар.

Сухарев вспомнил вчерашнюю ночь. Вчера днем на почте ему сказали, что имеются срочные пакеты в штаб дивизии.

Он вернулся в автобат и прошел к командиру и комиссару.

— По дороге ведь нельзя пройти, она под обстрелом. Ничего не выйдет, — сказал комиссар.

Сухарев настойчиво просил. Он пойдет не по дороге. Ведь ему знакомы здесь все тропы. Ночь будет темна, и можно пробраться незаметно. Наконец, комбат согласился.

Сухарев знал начинавшуюся за казармами чуть заметную тропочку вдоль берега Ладоги. Если только ее не засыпало снегом. А если ее засыпало? Ну, что же! Он ползком будет пробираться по лесу, пока не доберется до дивизии.

Когда совсем стемнело, он торопливо добрался до казармы. Только бы не нарваться на финскую разведку...

Тропу сильно замело снегом. Почти у самого начала ее перерезала свежая лыжня. Кто-то был тут недавно.

Сухарев опустился на колени и пополз, ощупывая сквозь снег твердую накатанную поверхность. Ползти приходилось медленно. Здесь, на открытом месте, его легко заметить. Снег набивался за ворот, в рукава, холодил колени. Иногда Сухарев останавливался, чтобы передохнуть, и напряженно слушал.

В лесу тропу замело меньше. Он прижался к дереву и долго смотрел туда, где виднелось зарево горящего на острове угля. Там были свои.

В темноте много раз терял тропу. Он пробовал твердость снега ногой, иногда руками ощупывал тропинку.

Только бы не сбиться... Сколько троп отходит в стороны. Но стрельба у дороги помогла ориентироваться и не отклоняться от берега Ладоги.

У прогалины пули засвистели над самой головой. Стреляли где-то рядом. По нему? Он вынул пакеты из сумки и заложил за борт полушубка. Когда надо — он уничтожит все и будет отстреливаться до последнего патрона. Нет, последний патрон оставит для себя. Финны не возьмут его живым.

Пули стали долетать реже, и он опять пополз. Как бесконечен путь, когда его надо проползти!

Несколько раз совсем близко слышались людские голоса, незнакомый говор. Тогда он скатывался с тропы в снежные сугробы, застывал под ветвями елей, пока не смолкали голоса.

Он уже потерял счет времени и чувствовал, что силы иссякают. Снова отыкался, прикурнув у ствола дерева. Вдруг послышались чьи-то осторожные шаги. Лежа в снегу, Сухарев сквозь ветки наблюдал за подходящим.

Человек шел медленно, часто останавливался и оглядывался. Он был уже совсем рядом, когда луна вышла из-за туч. Сухарев узнал дивизионного почтальона.

Эх, как хорошо сидеть под елкой, слушая о том, что делается в дивизии, смотреть в знакомое лицо!

Но сидеть было нельзя. Сухарев отдал свои пакеты и заложил полученные за борт полушибка.

И опять он один в лесу, опять чуть заметная тропинка и бесконечен путь.

Он с трудом дошел обратно. И только теперь, уже стоя перед комиссаром, чувствовал, как дрожат ноги и пальцы с трудом держат пакет.

Может быть, он ослышался? Нет, комиссар так и сказал:

— Буду ходатайствовать перед командованием о представлении вас к правительенной награде.

Было еще совсем темно, когда в дверь санчасти громко постучали.

— Пробу берите!

Шилова соскочила с кровати и стала поспешно одеваться. В комнате было холодно и очень не хотелось вставать. Они накануне долго засиделись с Верой. Начхоз притащил старые шинели, из них надо было шить рукавицы. Прямо непостижимо, до чего бойцы быстро их рвали.

Старшина Садков, юркий молодой парень, никогда не унывающий, весь вечер просидел у двери, балагуря и смеясь. Покровский притащил патефон и завел его.

Тучи над городом вьются,

В воздухе пахнет грозой... —

тихо подпевал Покровский, а Шилова думала о доме и о письме, которое она получила недавно. Секретарь райкома партии справлялся о ее здоровье и сообщал о том, что Шилову избрали членом районного совета.

В печке трещали дрова, было тихо и уютно, и казалось, что и там, за стенами дома, также тихо и спокойно.

Только поздно ночью они кончили щитье рукавиц. И потому теперь особенно трудно было вставать. Но пробу надо было взять. Сейчас же после перехода границы они с комиссаром установили этот порядок. Мало ли что могло случиться в чужой стороне? Пусть лучше погибнет один человек, чем отравятся все бойцы. Перед каждой раздачей пищи она или Вера ходили в кухню и брали из котла пробу.

В прихожей вповалку, прямо на полу, прижавшись друг к другу и держа в руках винтовки, спали связисты. Тускло светил фитилек из марли, вставленный в небольшую бутылку с бензином. Перед выходной дверью на террасу у стены темнел «максим», рядом стояли ящики с пулеметными лентами. В комнате политчасти слышались голоса, и сквозь неплотно прикрытую дверь виднелся свет.

На дворе стояла мгла, морозный воздух обжигал лицо. Плотно прижавшись к стене, закутанный в доху, стоял часовой.

— Всю ночь молчат,— с тревогой сказал он.— Может, что затевают? Как бы в обход не пошли... А ночка-то темная, ни зги не видать.

— Не пропустят. Тут кругом достаточно народу,—тихо ответила Шилова.

Обогнув дом, она пошла к сараю, где находилась кухня.

У плиты с деловым видом стоял главный повар Харитонов и большим черпаком помешивал в котле. Глаза у него были красные, лицо землистого цвета: он зевал, с трудом перемогая сон. Рядом бойцы чистили термоса и ведра. В них отправляли пищу на линию обороны. Люди работали медленно.

Суп был густой и наваристый. Шилова вытащила пакет с витаминами и отсыпала повару нужное количество таблеток.

— Перед самой раздачей опустить в суп и хорошенъко перемешать. Только с таблетками не кипятите.

Затем вышла наружу. Надо было еще зайти в роту и осмотреть больных.

Ночью с пакетами из штаба дивизии Сухарев принес комиссару короткую записку от Горчакова. Он описывал все, что с ним случилось. Рана заживает, скоро его вы-

пишут из дивизионного госпиталя, и тогда он проберется в автобат.

«Не знаю, как уж и показаться вам на глаза. Все, что можно, сделал, а все же бочку бензина потерял. Как вспомню, что не смог довезти — кровью сердце обливается», — писал он в своей записке.

Комиссар громко прочитал письмо вслух, и его слушали с неослабевающим вниманием.

— Ну, что же делать, — с сокрушением сказал Чарухин. — Главное человек сбережен.

— Ты философ, — засмеялся комиссар и подозвал к себе Бодрова. — Ну, что у тебя, много заявлений?

Бодров вытащил папку и, открыв ее, стал перебирать анкеты.

— Больше всего заявлений подано в партию, когда выходили в оборону. И сейчас ежедневно присылают.

— Ты только не затягивай — быстрей оформляй. Если не у всех есть рекомендации — надо помочь в этом деле. Ведь каждого человека мы знаем.

Рано утром комиссара разбудил громкий крик. Поступаев вертелся по комнате, размахивая листом бумаги. Комиссар с удивлением смотрел на него и ничего не мог понять.

— Товарищ комиссар, оперативная сводка Ленинградского округа! Только что принял, — сказал Поступаев.

— «На Карельском перешейке в результате успешных действий наших войск», — начал читать комиссар, — «захвачено тридцать два оборонительных укрепленных пункта, из них двенадцать железобетонных артиллерийских сооружений. Захвачено двести тридцать пулеметов, восемьдесят два орудия. Противник, не выдержав натиска наших частей, отходит, неся большие потери».

Чем дальше он читал, тем сильнее охватывало его волнение. Ему самому захотелось громко разговаривать, смеяться. С особым удовольствием выговаривал он цифры и каждый раз, делая паузу, победоносно оглядывал радостно улыбающихся товарищей.

— Двести тридцать пулеметов! — возбужденно кричал Покровский. — Вот это — да!

— А восемьдесят два орудия? — подхватил Чарухин.

Все говорили, не слушая друг друга, и утихомирились только, когда кто-то из прихожей удивленно приоткрыл дверь.

— Побегу, вывешу на доску,— решил Поступаев,— пусть все читают.

— Надо дать знать в оборону,— сказал комиссар Бодрову.— Наладь это дело. Разошли ребят, дай знать по-литрукам.

— А сегодня веселый день,— сказал Покровский одевавшемуся комиссару.— Ишь, как с утра шпарят. Под такую музыку да вступать в партию — не всякому дано.

День действительно был звонкий. Предутренний туман разошелся, и на голубом, чистом небе виднелись летевшие на север самолеты.

— Как медленно двигаются — перегружены,— сказал Бодров.— А «Мария Ивановна» что делает? Вот разрезвилась, без перерыва ухает.

«Марией Ивановной» бойцы прозвали пушку, стоящую у перекрестка дорог.

С линии обороны доносился гул и перекатная стрельба. Только у церкви и в стороне высотки, где стояла рота Захарова, было тихо.

Чтобы сократить путь, комиссар с Бодровым пошли по тропке за баньку, но как только вышли на ровную прогалину, над ними засвистели пули... Бодров пригнулся и прямо по целине побежал к лесу.

— Сюда! — звал он комиссара и, когда тот догнал его, взволнованно сказал: — Вчера тут еще не простреливали, а сегодня где-то кукушка, видно, засела.

Они вышли на обычную дорогу и пошли по ней. У конца, в небольшом перелеске, стояла тщательно замаскированная батарея. От нее во все стороны шли прорытые в снегу хода.

— Вы как за батарею зайдете — полегче,— сказал дозорный артиллерист.— А то финны заметят — сейчас же стрелять начнут.

Батарея молчала, видимо, не желая раньше времени обнаруживать себя.

Комиссар и Бодров быстро пробежали небольшую открытую лощинку, одним концом упирающуюся в занятую финнами дорогу. На опушке леса стояла покривившаяся старая банька.

Комиссар зашел внутрь. Со свету в темноте сначала ничего не было видно, потом он рассмотрел нары со спящими на них людьми и затухшую печку с котлом.

— Кто дневальный? Почему печь не горит? А ну,

затапливай в два счета. Разве тут заснешь? Какой же это отдых?

По приказанию комбата сюда через определенные промежутки времени приходили бойцы отдохнуть и согреться. Кто-то спросонья стонал, кто-то бормотал что-то неразборчиво, прикрыв голову поднятым воротником.

С нар соскочил боец и начал разжигать печь.

— Трое суток не спал, товарищ комиссар, — оправдывался он. — Печка все время горела. А тут вот не заметил, как уснул.

Комиссар с Бодровым заглядывали во все землянки. В одной из них, прямо в вырытой ямке, горел небольшой костер. Вокруг огня в дыму сидели бойцы.

— Ну, и устроились, — кашляя и щуря глаза, сказал комиссар. — Да разве так можно?

— Ничего, мы уж привыкать начали, товарищ комиссар, — ответил боец.

Все встали.

— Привыкать, привыкать... А кому это нужно? Скажите старшине, чтобы послал кого-нибудь в батальон за печкой с трубой. Надо жилище по-хозяйски устраивать, — и вдруг заметил измазанное копотью лицо бойца: — Что ж, не моетесь? А ну-ка, товарищ, в два счета в баню! Только чтобы через тридцать минут назад вернуться.

Комиссар вышел из землянки.

— Надо посыпать людей в баню. Ну, хоть маленькими группами. Они там и помоются и обогреются. Ведь от таких морозов можно совсем окоченеть, — сказал он Бодрову и, увидя командира роты Капустина, махнул ему рукой.

— Почему ночью не пошел домой отдохнуть?

— Я не устал, товарищ комиссар, — вытянулся лейтенант.

— То есть как не устал? — сердитым тоном перебил его комиссар. — Три дня без сна и не устал?

— Да и бойцов было боязно оставлять одних. Уж очень подозрительно сегодня финны молчали, — оправдывался Капустин.

— Чтобы больше этого не было. Я тебе разрешил отдохнуть. А нужно будет, и пять суток без отдыха просидишь здесь. Отправляйся сейчас же спать. Ты хо-

роший командир, товарищ Капустин, и нужно беречь таких,— добавил комиссар мягче. У комроты заблестели глаза.— Слыхал, что на Карельском?

— Слыхал, товарищ комиссар. Здорово. Нам бы так надо!

Чтобы пробраться к первой линии окопов, надо было пробежать через поредевший лесок.

— Иди, приготовь все к заседанию,— приказал комиссар Бодрову.

Делая перебежки и не спуская глаз с темнеющего леска, где находились финны, он добрался до передовой линии.

У двух сросшихся деревьев, в снежном, тщательно замаскированном окопе примостился Худяев со своим «максимом». На пулеметчике был белый халат, на голове такого же цвета полукруглая каска.

— Как дела?— издали крикнул комиссар.

— Все в порядке. Вы пригнитесь, пригнитесь побольше.

Когда комиссар подошел к нему, Худяев указал на финскую сторону:— Вот смотрю, смотрю и никак не пойму: то ли финны, то ли нет...

Прямо перед глазами, за ровной снежной целиной, у леска проходила перерезанная финнами дорога на Сальми. На ней чернело несколько машин, наскочивших на мины.

— За машины смотрите, там у деревьев—буторки. Это их землянки.— Так вон у крайней — куст ли шевелится, или кто-то прячется в белом халате. Никак не пойму. Может быть, кукушка, а может, разведчик.

— А оттуда стреляют?

— Нет, притаились. Слева вот постреливают: пустят очередь из автомата и замолчат.

Недалеко за леском начали рваться бомбы, над верхушками деревьев поднялись темные, густые клубы дыма.

— Это наши самолеты бомбят,— с облегчением сказал Худяев.— Я за утро их штук сто насчитал.

Вслед за «Марией Ивановной» забила и молчавшая до сих пор батарея, стоящая у самой линии обороны, и снаряды начали рваться на опушке леска, где находились финны.

Видно было, как высоко вздымались снежные столбы, комья взорванной земли, и, падая вниз, сбивали вер-

хушки деревьев. Несколько снарядов разорвалось под соснами. Деревья рухнули на землю.

— Здорово! — с восторгом крикнул Худяев.

По всему фронту загремела торопливая, гулкая стрельба. Она шла с финской стороны и мгновенно перекинулась на линию обороны. Из блиндажей, пригибаясь, бежали в окопы бойцы.

Комиссар пошел по снежному ходу к землянке, в которой должно было состояться заседание партбюро.

Вход в землянку был очень узок. Надо спрыгнуть вниз, затем нагнуть голову, чтобы не удариться о бревно, и только тогда залезать внутрь.

Еще сверху комиссар слышал голос Бодрова. Он рассказывал о победах на Карельском перешейке.

Люди сидели вплотную на земле около круглой железной печурки. Все потеснились и дали место комиссару.

— Холодно, товарищи, — сказал кто-то. — Надо бы еще дров подложить.

Бодров быстрым движением вытащил трубу из печки и в открывшуюся небольшую круглую дыру стал бросать тонкие поленца дров. Дым разошелся по землянке, щипал глаза и вызывал кашель.

— Прямо по последнему слову техники, — иронически сказал комиссар, вытирая слезящиеся глаза.

Бодров водворил трубу на место. Все вытащили киеты и закурили, продолжая слушать Бодрова.

А в небе над землянкой гудели самолеты, сюда доносился беспрестанный стук пулеметов. Совсем близко завизжала мина, и, сдерживая дыхание, люди застыли в тревожном ожидании. Мина разорвалась в глубине леса за землянкой.

— Ну, что ж, начнем, — сказал молчаливый, замкнутый политрук Разумов, искоса взглянув на комиссара.

— Давай, давай, Бодров. Нельзя сейчас людей надолго отрывать.

— Вот и Сухарев, — сказал Бодров. — Ну, что ж, начнем с него.

— Садись, товарищ, — сказал Чарухин и потеснился, чтобы дать Сухареву место.

Но Сухарев не сел, он остался стоять, вытянувшись, как в строю, и приставив винтовку к ноге. Он взволнованно смотрел на Бодрова, и его худощавое обветренное лицо было торжественным и строгим.

Заседание началось.

Сухарев отрывисто, точно рапортуя, скруто и сдержанно рассказал свою биографию.

— Ты нам расскажи, что в армии делал,— задал ему вопрос Бодров.

— В армии?

Это был самый трудный для Сухарева вопрос. Ведь он не участвовал в боях, не ходил в атаки, не забрасывал врага гранатами. Он только относил письма и пакеты.

Он стоял, переступая с ноги на ногу, и не находил слов.

— Чего ж его о работе спрашивать? — сказал комиссар.— Вчера все читали заметку о Сухареве в стенгазете. Простой советский человек,— честный и преданный. Предлагаю принять его в кандидаты. Я уверен, он оправдывает наше доверие.

Сухарев видел, как поднялись все руки.

— Ну, товарищ Сухарев, поздравляю,— обернулся к нему Бодров и крепко пожал его руку.

— А теперь иди. Слышишь, как там разыгралось.

Сухарев двинулся к двери, но неожиданно снова обернулся к сидящим.

— Братцы, — сказал он хриплым голосом и сейчас же поправился, — товарищи... Ну... теперь я...

И не докончив, поспешил полез наверх. На смену ему в землянку спускался другой товарищ.

В этот день была успешно отбита атака финнов. Под вечер комиссар возвращался с линии обороны.

Надо было собрать прачек, поговорить с ними о лучшей и быстрой стирке белья. Бойцов отправлять в бани — дело не трудное, но ведь надо было обеспечить их чистым бельем. Он вспомнил приказ комбата об организации парикмахерской. Надо было проверить, как это выполнено.

«Прачки» быстро собрались к комиссару. Рослые и плечистые, они вытянулись у двери, держа в руках выстиранные рубашки и кальсоны.

— Что ж вы, товарищи, садитесь,— обернулся к ним комиссар и, оглядывая стоящих, подумал: «Ну, и колоссы же подобрались! При большом усердии не только хорошо выстирают белье, но и в клочья могут разорвать».

Он вспомнил, как после переезда в этот дом комбат вызвал нескольких бойцов и назначил их «прачками». Бойцы стояли молча, но на лицах их застыла обида.

В течение нескольких дней комиссар заходил в баню поговорить с «прачками». С распахнутыми воротами сорочек, с закатанными до локтей рукавами, они, не разгибаясь, стояли у лоханок. Пахло мылом, грязным бельем, которое отмокало в широких чанах.

— Ну, как? — спрашивал комиссар и опять ловил недовольные, обиженные взгляды.

— Ничего, — отвечал кто-нибудь угрюмо. — Только все руки постерты.

— Привыкнете, — успокаивал комиссар.

— Куда уж там не привыкнуть. На улицу ли выйдешь, в роту ли прийдешь, — всюду товарищи смеются.

— А чего смеются?

— Говорят: по бабскому делу работаете. Мы вас скоро еще ребятишек заставим рожать. Сначала тоже не сможете, а потом выйдет.

Комиссар не выдержал и засмеялся.

— Ерунда! Сейчас они смеются, а как в баню придут, выпарятся, грязь смоют да чистое белье наденут, не то запоют.

«Прачки» угрюмо молчали.

Но через несколько дней случилось то, о чем говорил комиссар, и настроение у «прачек» поднялось. Они теперь были не только хозяевами прачечной, но понемногу владели и баней. Иногда в часы, предназначенные для стирки, к ним забегал кто-нибудь из бойцов и умильным тоном просил «допустить попариться».

О «бабых» делах больше никто не заикался.

Теперь комиссар созвал «прачек» к себе для того, чтобы обсудить вопрос о лучшей стирке белья.

Бойцы уселись около стола, и все находящиеся в комнате вместе с ними тщательно просматривали белье, придираясь к каждому пятнышку.

— Конечно, не плохо, да все не то, — сказал комиссар. — Вот в мирное время не интересовались этим делом, а как бы сейчас пригодилось.

— Может, жинке написать? — спросил кто-то. — Пришлет она рецепт.

— Нет, куда уж. Пока ответ получишь — война кончится... Лучше уж самим додуматься, — возразил друг.

гой.— Вот пусть все вспоминают, что их жены делали, когда стирку проводили.

— У нас китайцы жавель всегда клали,— сказал Покровский.— И уж такое белье было — как снег.

— Жавелем нельзя,— деловито вмешался Чарухин.— От него дыры получаются. А нам белье беречь надо.

— Ну, а что же делать?— спросил боец, работающий в прачечной.— В двух водах стираем, мыла не жалеем, в речке полощем, а все же пятна остаются, да потный дух не выветривается.

Каждый напряженно вспоминал, как это делалось дома. Все казалось тогда таким простым. Жена с утра стирала белье, а к вечеру на столе лежала выглаженная стопка, и от нее доносился свежий, влажный запах.

— Стойте, товарищи, стойте!— вдруг крикнул Чарухин.— Да как же это мы забыли? Кипятить его надо, обязательно кипятить. А сушить прямо на снегу. У меня жинка всегда говорила: «снег белью белизну придает».

— Верно! — одобрил комиссар.

— А в чем же его кипятить? Котла ведь нет?

— Есть,— перебил комиссар.— В баньке у линии обороны. Его только вытащить надо. Поставим около речки, за водой ходить недалеко. И будет он целый день кипеть. Вот вам и выход.

— Да,— сказал Чарухин.— Прийдешь с войны, тебя жинка собственная не узнает. Тут всему научишься.

— Ну, уже теперь такое белье в автобате будет — другим частям на зависть.

— Это только у нас может быть,— с гордостью сказал Чарухин.

— Это хорошо, когда боец любит свою часть и считает ее лучше других,—вмешался комиссар.— Но думаю, что таких, как мы, много. Да и получше найдутся.

— Нет,— снова убежденно сказал Чарухин, и все засмеялись.

В дверь кто-то громко стукнул, показался дежурный по штабу.

— Товарищ комиссар,— сказал он.— Вы приказали доложить, когда парикмахерская будет готова.

— Да, да, пойдем посмотрим.

В широкой прихожей у стены стояла причудливая шифоньерка, с большим овальным зеркалом. На шифоньерке, покрытой свежей простыней, были расставлены

хрустальные флаконы, найденные на чердаке. Около них лежали щеточки, гребенки и пудренницы с мохнатыми пуховками.

С обеих сторон зеркала горели вставленные в бутылки толстые свечи, и пламя, отражаясь в зеркале, играло на граненом хрустале. Около шифоньерки торжественно застыл парикмахер в белом халате, который он выпросил в санчасти.

— Ох, и здорово! — воскликнул Покровский.

— Да, не плохо! — поддакнул комиссар. — Только надо и на линию обороны с инструментом выходить.

— Я уж приспособил все для этого, — доложил парикмахер. — Вот тут чемодан с инструментами. Ежедневно будут ходить.

— Значит, и стрижка, и бритье, — сказал Чарухин. — Вот это дело! Вот только без одеколона...

— Почему без одеколона? — усмехнулся комиссар. — Одеколоном нас военторг еще в Олонце снабдил.

В этот вечер ужинали позднее обычного. Около двенадцати часов зашел комбат. Ему сейчас же подали ужин и налили чаю.

— Только что пришли разведчики Юркин и Сорвачев, — рассказывал он. — Вот странная история. Набрели на какую-то широкую просеку. Она по низу вокруг озера крутит, по направлению к Сальми.

— Может быть, неизвестная нам заброшенная дорога? — спросил комиссар.

— Точно. Завтра с утра поеду, сам проверю. Если так — живем. Прочистим ее, прогладим, и тогда дело пойдет на лад. Сами себе дорогу в тыл откроем. Уверяю вас.

Все с интересом прислушивались к словам комбата. И в наступившей тишине вдруг послышался приближающийся гул мотора.

— Самолет? — спросил комбат.

Где-то недалеко оглушительно разорвалась бомба.

Комбат хлебнул глоток чая и бросил Соснину:

— А ну-ка сбегайте, узнайте — где разорвалась.

В открытую дверь были видны сидящие в прихожей связисты, никто из них не встал с места. Никто не встал и в помещении комиссара. Все молча прислушивались, ожидая следующего взрыва. Но его не последовало.

«Молодцы ребята, привыкли. Будто ничего и не слу-

чилось,— подумал комиссар, оглядывая сидящих и вспоминая первую бомбежку.— Тогда было иначе».

— За забором, у разрушенного дома, разорвалась бомба, товарищ комбат. Никто не пострадал. Финский самолет улетел,— переводя дыхание от быстрого бега, доложил Соснин.

— Ну и ладно! А ну-ка, товарищ Поступаев, заведите радио.

Поступаев возился у аппарата, в репродукторе что-то трещало и повизгивало. Потом по комнате разнесся высокий, женский голос:

Ночь светла,
Над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром
Голубая волна.

Казалось, пропали бревенчатые стены, смолк треск автоматов. А голос звенел, и перед глазами вставали родные и близкие лица.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Вспоминай обо мне..

Люди смолкли, и каждый думал о своем, о близких и родных.

И только когда издалека чуть слышно донесся разрыв бомбы, голос пропал, и перед глазами снова появились бревенчатые стены.

Уже три дня по приказу комбрига Коротеева бойцы расчищали старую, заброшенную финнами, дорогу. Автобат снял часть людей с линии обороны и организовал заслон для защиты перекрестка, на котором сходились старая и новая дороги. Теперь безопасный путь в тыл, на родину будет открыт, и по нему снова пойдут машины с продуктами и боеприпасами.

Каждую минуту неприятель мог узнать о производившихся работах и попытаться отрезать дорогу. По лесу группами день и ночь бродили дозорные. Сорвачев и Юркин на лыжах исходили в эти дни весь лес вдоль и поперек. Они несколько раз заходили в тыл к финнам, их обстреливали, но разведчики упорно наблюдали за тем, что делается у врага.

К концу третьего дня, когда от лучей заходящего солнца весь лес казался объятым пламенем, разведчики вышли на перекресток дорог.

Здесь уже заканчивались последние работы, и снег высокими буграми возвышался по обочинам дороги.

Остался только маленький кусок целины, его скоро расчистят и дороги соединятся.

Разведчики присели на сваленное дерево и следили за каждой лопатой отбрасываемого снега. Казалось, только эта узкая полоса отделяла всех от родины, она исчезала, уменьшалась на глазах, и это рождало радость. Приятно было и то, что враг обойден, его перехитрили и он не знает об этом.

Высокий, плотный боец в ватнике, скинув винтовку и отбросив лопату, стал ногами утаптывать последние рыхлые комья снега. Все молча смотрели на него, точно он делал большое, государственной важности дело. Длинной вьющейся лентой убегала в обе стороны широкая снежная дорога.

— Эх, и здорово! — проникновенно сказал боец в ватнике и вдруг мгновенно схватился за винтовку.

Впереди, из-за поворота, среди мелкого кустарника, показались, то пропадая, то снова появляясь, люди в белых халатах. Они шли цепочкой по обеим сторонам дороги, и уже слышен был шорох лыж и стук палок о промерзший снег. Увидя стоящих у перекрестка бойцов, они мгновенно остановились. Может быть, их испугали серые и черные ушанки, похожие на финские?

Движущийся поток пропал, исчез, видимо, перестраиваясь в боевой порядок.

Юркин сразу же заметил на головах идущих привычные белые каски. Чувствуя огромную радость, он бросился вперед, выкрикивая бессвязные, восторженные слова; за ним бросились остальные бойцы.

Навстречу, тоже крича и махая руками, бежали люди в белых халатах.

— Братцы! Свои, братцы!

— А мы уж вас ждали! — обхватив высокого лыжника и заглядывая в его улыбающееся лицо, кричал Сорвачев. — Много ли вас двигается?

— Это только разведка. А там не перечесть, — захлебываясь и тоже похлопывая Сорвачева по плечу, возбужденно улыбался лыжник.

— В Олонце-то войск прямо не счесть, — торопливо говорил рябоватый боец. — Артиллерия, пулеметы! Вся дорога от людей черна...

— А вас по дороге не трогали? — спросил кто-то.

— Нет, там сейчас лес пограничники простирают.

Сорвачев и Юркин шли впереди колонны. Они представляли себе, как доведут ее до Питкяранты, как расскажут обо всем товарищам и как уже завтра с утра, а может быть, и сегодня ночью по дороге помчаться машины, загрохочет артиллерия, прицепленная к гусеничным тягачам.

И лес оживет человеческими голосами, чуть заметными дымками, и небольшие обложенные хвоей бугорки — землянки взроют целину.

Все утро автобатовцы выбегали из дома посмотреть на новую, рядом проходящую дорогу. Длинная ровная колонна войск подолгу задерживалась на одном месте. Казалось, что нет ее конца, нет ее начала.

Вновь прибывшие толпились около своих машин, а кругом по лесу слышался треск. Бойцы собирали дрова и хворост и разжигали костры, приглушая свежей хвоей высоко вздымающийся кверху огонь.

Весть о том, что проложена новая дорога и прибыло подкрепление, разнеслась по городу и линии обороны.

Комбат с комиссаром с утра находились в парке, осматривали машины, отбирая те, которые можно было послать в первый рейс. Бойцы быстро делали необходимый ремонт — все хотели поскорей снова сесть за руль.

По приказу комбрига Коротеева с первым рейсом должен был выехать в тыл и комбат за боеприпасами и запасными частями для машин. Они нужны были для автобата и для опергруппы.

— Будешь на совещании в политотделе опергруппы, — говорил комбат комиссару, — поставь вопрос, чтобы пополнение сменило в обороне наших бойцов. Водителям нужно быть за рулем. Ведь в ДОПах скоро пусто будет. Надо сделать запасы.

Проводив колонну в путь, комиссар уже под вечер собрался ехать в политотдел. На совещании стоял его отчет о политической работе в автобате.

До него отчитывался какой-то политрук. Он путался, без конца повторялся и не мог ответить на многие вопросы бригадного комиссара.

У него же все прошло гораздо лучше, чем он ожидал. Казалось, что сначала бригадный комиссар слушал его со скучающим видом, потом он повернул голову и с интересом слушал докладчика.

Все говорили о том, что работа в автобате поставлена хорошо, и комиссар чувствовал себя на седьмом небе. Ему было обещано освободить автобатцев из обороны, когда это будет возможно.

Бригадный комиссар рассказал о том, как бойцы расчистили новую дорогу; по ней уже начало подходить пополнение из тыла. Теперь нужно было разгромить финнов у города и продвигаться вперед, к дивизии.

— Сегодня будем провожать обоз и подошедшее пополнение в дивизию, — закончил бригадный комиссар. — Всем инструкторам быть на острове для бесед с бойцами. Надо двигаться сейчас же.

Закончив совещание, бригадный комиссар выехал к заводу.

Уже несколько дней финны не пропускали обоза в расположение дивизии. Это особенно тревожило потому, что утром из расположения дивизии прибыл связист, сообщивший о необходимости подвоза новых запасов продовольствия.

Третью ночь Серюков провожал с острова Пусунсаари обоз в дивизию, и каждый раз обоз вынужден был возвращаться обратно.

Труднее всего было пробраться между островами, занятymi финнами. Врага не было видно, он прятался на высоких скалистых берегах, а обоз шел по замерзшему заливу Ладоги.

Каждую ночь финны устанавливали на пути проволочные заграждения с минами, каждую ночь обоз должен был рубить проволоку, под градом пуль пробивая себе дорогу. Темноту ночи прорезывали тонкие голубые лучи прожекторов, нащупывали обоз, с глухим скрежетом летели мины и, вздымая лед и воду, на мгновенье ярко освещали ровную гладь льда.

Лошади с трудом тащили груженые розвальни, падали, поднимались, скользили на льду и все же двигались вперед, к двум сходящимся горам, за которыми находилась дивизия.

Да, повозочные — это был удивительный, геройский народ. На днях под вечер Серюков зашел в дом, где от-

дыхали повозочные. Кое-кто крепко спал после бессонной ночи, другие готовились к походу, некоторые перед осколками зеркала тщательно выскабливали заросшие щеки.

Серюкову бросилось в глаза необычайное спокойствие этих людей. Среди них были бойцы, добровольно ходившие в дивизию не менее пятнадцати раз.

Машина въехала на деревянный мост. Из-за дальних темных верхушек леса медленно выплывала полная луна. В слегка туманном морозном воздухе раскинулись дали Ладоги, где-то над озером медленно поплыли красные огоньки трассирующих пуль. Со стороны островов долетали отдельные выстрелы.

«Надо сейчас же проверить, вернулась ли разведка», — подумал Серюков.

Машина свернула направо и, объезжая темные строения завода, двинулась к северной части острова Гусунсаари. Дорогу заполнило пришедшее подкрепление. У каждого бойца за спиной висел тяжелый мешок с сухим пайком и хлебом. Бойцы стояли молча.

«Сейчас же пошлю сюда инструкторов и всех политработников. Надо разъяснить людям обстановку», — решил он.

Под навесом у стены завода стояли груженые развалины, — повидимому, обоз уже готов был к выходу.

Серюков торопливо пошел к дому, где находился отправочный пункт. Дом стоял у самой окраины города, за ним по заливу Ладоги шла вновь проложенная дорога в дивизию.

В комнате дежурного на маленьком столе горела коптилка. У стола на скамьях сидели только что приехавшие инструктора и политработники. Все встали при появлении бригадного комиссара.

— Разведка вернулась? — спросил он у дежурного.

— Пока еще нет.

— Обоз готов?

— Нагружено сто тридцать пять саней. Ожидают приказа о выезде. Когда их пропустить?

— После того, как пройдет пополнение, — сказал Серюков и обернулся к инструкторам. — А вы, товарищи, отправляйтесь к пополнению. Надо побеседовать с людьми.

Комната сразу опустела.

- От комбрига не было никаких приказаний?
- Нет, пока еще ничего не получали.
- Как только вернется разведка, немедленно доложите мне. Я буду у пополненцев,— приказал, выходя, Серюков.

Со стороны островов слышалась пулеметная стрельба. «Может быть, наши нарвались»,— с тревогой подумал он, подходя к бойцам. Они стояли рядами, и не было видно конца темных извивающихся шеренг.

Серюков быстро подошел к молчаливым рядам и, взяв одного из бойцов за плечи, повернул лицом к себе.

— Как жизнь идет?

Боец с недоумением смотрел на высокого плечистого военного, в ватнике, на его улыбающееся лицо и не мог понять, кто с ним говорит.

— Да чего ты? — засмеялся Серюков.— Чего не отвечаешь?

Серюков видел, как подходили бойцы, ловил их пристальные взгляды и чувствовал, что люди ждут от него чего-то очень важного.

Он видел вокруг себя большую толпу и начал рассказывать об окружающей обстановке, о тыловых частях, ставших фронтовыми, о дивизии там, в горах. Все смолкло кругом, и чувствовалось только горячее дыхание плотно сгрудившейся массы людей.

— Скажу прямо, скрывать нечего. Финских войск нанесли сюда немало. И офицерские части есть. Но разве не таких же мы в свое время скинули в Черное море? А разве не таких разгромили под Ростовом и в Крыму? Сила-то у Красной Армии огромная, товарищи.

— На Карельском наши бьют финнов — пух от них летит,— вмешался кто-то из толпы.— А мы что ж, хуже?

— Верно! — подхватил Серюков.— Мы разве тут одни? О нас заботятся, помнят!

— Небось, и товарищ Сталин о нас знает! — прозвучал чей-то взволнованный голос.

— А как же? Знает товарищ Сталин, все знает,— подхватил Серюков.— А кто же вас сюда прислал? Кто послал тех, кто идет за вами? Кто сюда направил орудия и пулеметы? Сами, небось, по пути видели. Дивизия с севера наружмет, а мы отсюда. Посмотрим тогда, что финны запоют. В мешок их возьмем и раздавим.

Серюков двинулся дальше. Он проходил среди бойцов, останавливался и прислушивался к разговорам.

— Уж больно нас нагрузили,— говорил кто-то.— И к чему столько хлеба?

— Не горюй, не горюй,— обернулся Серюков.— Когда хлеба нет — это плохо. А когда много — жить можно. Ты посмотри, что у финнов убитых в карманах находят. Сухой овес! Может быть, это им подходит, а мы не лошади.

Кто-то засмеялся.

— Ну как? — снова остановился Серюков.

— Эх, и охота же до них добраться,— громко говорил молодой парень.— Прямо руки чешутся. До сих пор ни одного финна не видели. Вот теперь встретимся!

— Товарищ бригадный комиссар,— сказал кто-то сзади.— Разведка пришла, вы приказывали доложить.

— Ага, иду.

В помещении у печки обогревалась группа бойцов. От огня халаты оттаяли и на них выделялись темные пятна грязи.

Серюков вызвал к себе начальника разведки майора Мочалова.

Он доложил о том, что разведка дошла до проволочного заграждения и перерезала его. Финны около подорванного танка открыли стрельбу, но после нашего ответа из станкового пулемета замолкли. У проволоки оставлено сорок бойцов, которые встретят обоз и приведут его через самые опасные места.

Повидимому, обстановка складывалась так, что обоз в эту ночь сможет добраться до дивизии.

— Командарм приехал, командарм! — послышалось в соседней комнате, и Серюков выбежал на крыльце.

За домом, на берегу Ладоги он увидел командарма.

Серюков доложил о результатах разведки.

— Так, так,— медленно сказал командарм.— Прикажите готовиться к выходу. Сначала пропустим пополнение, затем обоз.

Серюков передал приказ и неотступно двигался за командармом. Командарм медленно прошел вперед. За ним шел его адъютант с ручным пулеметом.

Здесь, на озере, от белого снега ночь казалась еще светлей. В туманной дымке чуть вырисовывались синеватые очертания островов.

«Куда идет? Зачем? — думал Серюков, чувствуя тревогу за командарма.— А вдруг шальная пуля, мина?»

С левой стороны на правую, пересекая залив, поплыли, как искры, трассирующие пули.

— Щупают, — не оборачиваясь, сказал командарм.

Все остановились. По дороге навстречу им двигалось какое-то темное пятно.

В тумане стала медленно вырисовываться лошадь, затем легко катящиеся дровни, рядом с ними человеческая фигура.

— Повозочный, — отрывисто бросил командарм.— Выясните, откуда, — и медленно пошел назад, к приближающейся колонне пополнения. Адъютант двинулся за ним, и Серюков услышал громкий голос командарма, призывающий кому-то остановить колонну и подтянуть отставших.

Серюков шагнул вперед.

— Откуда? — спросил он подходившего повозочного.

— Из дивизии, — с трудом переводя дыхание, ответил боец и придержал лошадь.— Нас тут несколько подвод пробились. Сзади еще народ.

Серюков смотрел на бойца, на пустые дровни, на дрожащую лошадь. Ему хотелось броситься к этому человеку, пришедшему оттуда, от своих, но в это время лошадь замотала головой, качнулась из стороны в сторону и рухнула на снег.

— Сережка! Сережка! Не выдержал! — крикнул боец, наклоняясь над тяжело дышавшей лошадью.

Он ощупывал ее дрожащими пальцами, стараясь ослабить повод, но от волнения не мог справиться.

Серюков нагнулся помочь.

— Ранена, что ли? — спросил он.

— Ранена... Через силу всю дорогу шел. А как добрались до дому — сил не стало. Эх, Сережка, коняшка ты мой. Сколько вместе ходили. Что же я без тебя теперь делать буду?

Слыша знакомый ласковый голос, лошадь напрягла последние силы, приподнимаясь на передние ноги, и снова падала и в бессилии била мордой о снег и жадно лизала его длинным серым языком.

— Ну, вставай, милый, вставай, — подбадривали ее в оба голоса Серюков и боец, но лошадь снова повалилась на снег.

К ним уже подходила группа из пополнения,— повидимому, это был дозор.

Дозор прошел. За ним шел командарм с несколькими командирами.

— Что такое? — спросил он, заметив на снегу около лошади красное пятно.— Надо немедленно убрать, кровь засыпать снегом. А всех пришедших повозочных прислать ко мне. Я с ними поговорю.

Повозочный и несколько командиров оттащили лошадь в сторону.

Медленно подошло пополнение. Люди шли длинной цепочкой, в затылок друг другу, впереди в белом халате шагал рослый командир.

Когда он был уже совсем близко, командарм шагнул навстречу и, протянув руку, громко сказал:

— Ну, счастливо, товарищ. Надеюсь на успех. Наднях увидимся.

Командир крепко пожал протянутую руку и взволнованно ответил:

— Приложим все силы, товарищ командарм, для того, чтобы оправдать ваше доверие.

— Командарм, командарм, — пронеслось по цепи, и Серюков увидел, как это слово, подхваченное сотнями бойцов, сразу повысило настроение и уверенность в победе. Сам командарм провожал уходящих.

Люди шли быстро, поворачивая головы в сторону небольшой группы, впереди которой стоял человек в черном кожаном пальто.

— Желаю удачи, товарищи,— по временам выкрикивал командарм, приветственно подымая руку.

Бойцы на небольших санках тащили пулеметы и ящики с лентами. Кое-кто, привязав к ящику веревку, тянули его по льду за собой.

Тогда командарм, наклоняясь к бойцу, быстро говорил:

— Не надо, чтобы тарахтел. Возьмите в руки. Итти возможно бесшумней.

Колонна шла непрерывно. Всё прошел последний боец, и уже еле заметной стала двигающаяся извивающаяся лента, а Серюков все стоял и смотрел туда, где в тумане исчезали люди.

Сейчас же за пополнением двинулся обоз. Повозочные быстро шли рядом с санями и понукали лошадей.

Сани были нагружены тушами мяса, мешками с мукой и крупами, ящиками с боеприпасами. Все это было мастерски уложено, и в каждом санях было оставлено место, в котором можно было укрыться в случае обстрела.

Командарм уехал к себе, а Серюков остался на пункте, чтобы дождаться разведки и узнать, как прошло пополнение и обоз.

Он долго сидел у печки. Сухие дрова горели с треском, и иногда казалось, что это стреляют там, где-то далеко на озере.

— Ну, что? Слышно? — поднимая голову, устало спрашивал он.

— Ничего, все тихо.

Иногда он выходил наружу. Там, где еще недавно толпился народ, было пусто. И только притоптанный снег напоминал о том, что здесь прошло множество ног.

Он заходил за дом и подолгу стоял, прислоняясь к стене, глядя в мутную даль.

Сейчас, наверно, люди уже у подорванного танка. А может быть, подходят к проволочному заграждению. Нет, голова колонны должна была уже пройти его.

Он с тревогой прислушивался, но стрельбы нигде не было слышно.

Никогда так медленно не шло время, ночь казалась бесконечной.

Выбившись из сил, он задремал, сидя на стуле.

— Товарищ бригадный комиссар! — крикнул кто-то рядом.

Серюков вскочил. Около него в белом халате стоял начальник разведки майор Мочалов. Голубые глаза его блестели и все лицо улыбалось.

— Пополнение и обоз прошли благополучно, — громко отчеканил он. — Финны не решились выступить.

— Ну, спасибо, молодец! — радостно сказал Серюков, крепко пожимая его руку.

На рассвете, когда комбриг Коротеев, после бессонной ночи, поехал отдохнуть на остров в больничный городок, произошел налет финских самолетов на помещение опергруппы.

Чуть брезжил рассвет, когда дозорные услышали гул моторов.

Из домика, стоящего рядом со штабом, где разместилась небольшая группа пришедшего ночью пополнения, выскошли бойцы.

На сером, однотонном небе чуть заметно, медленно двигались, делая круги, два тяжелых самолета.

Два раза ухнула стоящая поблизости зенитка, рядом с парящими самолетами показались небольшие белые облачка. В тот же момент оглушительно, одна за другой, разорвались несколько бомб.

Люди упали на землю, сбитые волной воздуха. В помещении опергруппы были выбиты стекла, яркое пламя охватило небольшой домик рядом.

Бойцы бегали с ведрами воды, заливая горящее строение. На дороге на снегу лежало трое раненых. Из штаба притащили носилки, и санитары осторожно укладывали на них стонущих бойцов.

В запертом сарае громко били копытами и испуганно ржали лошади. Люди бросились выводить их. Лошади испуганно шарахались в стороны, метались, бились, поднимались на дыбы и, вырывая из рук бойцов поводья, выскакивали наружу.

Какой-то молодой политрук скинул полушибок и, оставшись в одном ватнике, громко кричал:

— Поливай меня водой, да так, чтобы все намокло!

Его со всех сторон окатывали из ведер, от него шел густой пар, и в отсвете зарева видно было, как одежда мгновенно застыла колом и на голове слиплись оледеневшие сосульки волос.

Но в тот момент, когда политрук бросился к горящему строению, стены закачались и рухнули, вздымая высокий столб летящих в разные стороны мелких искр. Бойцы еле успели оттащить в сторону политрука; из-под горящих обломков ничего спасти не удалось.

По приказу комбрига штаб опергруппы должен был немедленно переехать в красный дом, где помещался автобат.

Чарухин возвращался из обороны, когда к красному дому стали подъезжать одна за другой нагруженные машины.

Комиссар и помкомбат торопливо ходили по дому, отдавая приказания; сквозь открытые двери было видно, как в комнатах делали вторые ярусы нар; бойцы перетаскивали вещи.

В помещении комиссара было пусто. Кто-то затопил печку, и дружно трещали горящие дрова. Но комната выглядела совсем необычно. В первый момент Чарухин даже не мог понять, в чем дело. Чорт возьми, да ведь за сутки, которые он пробыл в обороне, здесь провели электричество. С потолка спускался шнур, на нем висела яркая лампочка, а за окном слышался непрерывный однотонный стук движка.

— А еще комиссар говорил, что в автобате так же, как в других частях!..

Хотелось есть, согреться и вытянуться на койке... Жаль, что нельзя было раздеться. Комбат с начала обороны не разрешал этого делать.

Чарухин поел и побежал на кухню за кипятком.

Когда он вернулся, прихожая была заполнена народом. Чарухин вглядывался в лица, не находя знакомых.

— Откуда народ? — спросил он дневального.

— Да это повозочные и бойцы из дивизии. Комбриг их к себе вызвал.

Чарухин осторожно пробирался с чайником среди стоящих. У самой двери его кто-то схватил за руку.

— Анатолий? — спросил худощавый политрук, и голос показался необычайно знакомым.

Чарухин в темноте с любопытством вглядывался в лицо стоящего и никак не мог разобрать, кто же это стоит.

— Колька? — с удивлением спросил он, все еще не доверяя себе. — Колька! Да неужто это ты?

— Ну, а кто же другой? — засмеялся парень и крепко обнял Чарухина.

— Вот это встреча! — заволновался Чарухин и потащил друга в комнату.

Да, такой встречи он никак не ожидал. Колька, с которым еще в детстве бегали на речку ловить раков, стоял рядом и смеялся так весело, как и в детстве.

— Да откуда ты? Что с тобой? — забрасывал его вопросами Чарухин, торопливо разливая в кружки чай. — Небось, замерз?

— Я из дивизии. Сегодня ночью пробрался с пустым обозом. Комбригу донесение привез.

— А где же ты обгорел? — спросил Чарухин, оглядывая сожженные брови и волосы.

Колька торопливо рассказывал о налете финских самолетов, о том, как бомба попала в дом, зажгла его и

как все бросились спасать оставшееся в помещении имущество.

Чарухин слушал молча, не перебивая и не спуская взгляда с худощавого лица приятеля. Он искал на лице Николая следы усталости и тяжелых переживаний, но не мог найти. Колька возмужал, но в глазах был тот же блеск, и так же, как раньше, он любил посмеяться.

— Ну как у вас в дивизии? — спрашивал Чарухин.

— У нас? Как обыкновенно. Стоим в обороне, готовимся к наступлению. Финны войск нагнали уйму. Нагнали, не жалеючи: стоит только наружу показаться, так они такую трескотню поднимают. Но и мы спуску не даем. Они по несколько раз в день идут в атаку — ни черта не получается. Боеприпасов у нас достаточно. Вот с продуктами дело плоховато.

— Подожди, да как же я тебя не накормил! — вспомнился Чарухин. — Ну, и балда!

— Да не надо, — успокаивал его Колька. — Меня у комбрига доотвалу накормили. А в дивизии немножко животы пришлось подтянуть. Обоз-то ведь приходит не регулярно. Ну, ничего. Народ держится. Каждый понимает, что надо выждать, что придут свои, что мы раздавим врага. Подумаешь об этом, и кажется, горы свернули бы. Нельзя этого рассказать, уйдеть надо.

— Нет, я все представляю, — перебил его Чарухин, — все понимаю. Вот посмотришь тут на наших ребят. У нас днем и ночью непрерывная стрельба. А как держатся! Ну и люди! Такая гордость за своих, такая гордость за армию, что вот словами тебе передать не могу. Кажется, так бы и бросился к вам навстречу!

— Как у вас бой начнется, — усмехнулся Колька, — у нас все слышно. Есть там над Ладогой один обрыв. Вот как загудит у вас артиллерия — все, кто могут, на обрыв. И у каждого мысль: «Наши там». Стоишь, слушаешь, а перед глазами зарево полыхает от горящего в городе угля. И кажется, что уже по озеру свои ползут. Когда же части подойдут?

— Чудак ты. В два счета хочешь? — засмеялся Чарухин. — По дороге подкрепление встретил? А сзади идут — не счастье. Надо выждать, а потом в кольцо возьмем. Ни один не уйдет. Да ты слыхал, что на Карельском делается? За последние два дня двести семь оборонительных укреплений взяли наши да тридцать шесть самолетов

финских сбили. Это тебе не шуточки. Рушим всю их твердыню. Погоди, и у нас тут дело будет.

В комнату влетел Бобров и удивленно остановился. В руках у него было кружевное женское платье, соломенная шляпа со страусовым пером и длинные белые лайковые перчатки.

— Ты что это?—сразу подскочил Чарухин.—Откуда барахла набрал?

— На чердаке. А что? Хороши?—поспешно спросил Бобров, посматривая на причудливые воланы и пресшивки.—Ты как, Чарухин, думаешь, подойдет? Мне сейчас доктор все по фигуре приладила. Вечер тут устраиваем,—объяснил он незнакомому худощавому парню, с которым сидел Чарухин,—частушки будем петь. Вот тебе и наряд.

Все втроем с интересом разглядывали необычайный наряд с длинным шлейфом и сейчас же стали облачать в него Боброва.

— Ну, как идут дела? Репетиция прошла?—с увлечением расспрашивал Чарухин.—Да ты посмотри, Колька, вот красота,—выкрикивал он.

— Иди на репетицию, а то опоздаешь,—захлебываясь смехом Чарухин, подталкивая Боброва.

— Да что ты. Она уже кончилась,—сразу изменил тон Бобров.—Вот завтра будет генеральная, а после завтра... Побегу погляжу, там комиссар репетирует с Захаровым. Ну, и стихотворение же он написал. А ты спи, спи. Через два часа заседание президиума комсомола. Тогда я тебя разбуджу.

— Может быть, действительно соснуть?—обернулся Чарухин к Кольке.—Э, да и у тебя глаза слипаются. Да-дай, ложись рядом со мной. Тебе же сегодня в ночь обратно выходить, да и мне в оборону надо.

Бобров ушел, они расположились рядом на койках и сейчас только почувствовали, как им хочется спать.

Укладываясь поудобнее, Чарухин нашупал под подушкой небольшой пакет. Перед уходом в оборону он второпях положил сюда свою только что полученную от фотографа автобата карточку и совсем забыл об этом. Теперь он ее вытащил и снова стал разглядывать.

— Не спиши?—тихо спросил он Кольку и протянул ему карточку.

— Хорошо,—одобрительно сказал Колька.

Перекинувшись еще несколькими фразами, оба заснули.

Чарухин проснулся от громкого шума. Кольки уже не было, комната была полна народа, и около сидящего в кресле комиссара стоял кто-то в широком белом маскхалате.

— Да ты уж расскажи еще раз всем, с начала,—сказал комиссар.

Чарухин с недоумением разглядывал толстого, неуклюжего человека. «Да ведь это же Садков,—подумал он, с удивлением вслушиваясь в знакомый раскатистый голос.—Только уж больно толст в этом наряде».

— Значит, идем мы втроем в разведку,—рассказывал Садков,—все спокойно. Подошли к самой верхней дороге — из-за перелеска нас не видать... Повстречали дозорного, он и говорит: «Вот на дороге, там, где финны,—наша машина разбитая. Уж сколько дней приглядываюсь: шофер не видать — убили, должно быть. А в машине груз какой-то. Наши ребята пробовали сунуться — финны не подпускают. А как финны туда лезут — мы не допускаем. Но что же тут делать? А ночка темная. Завернулся я в белый халат, лег на снег и с одного бока на другой переворачиваюсь, с одного бока на другой. Подлез к машине. Не помню уж, как на ноги встал и рукой зашарил — что там внутри лежит? Чую, мешки какие-то кожаные. Через силу один вытащил. Гляжу: почта. Мать ты моя родная. Ведь с такими мешками по лесу не попрешь, а по дороге не потащишь — темные они, заметные... А бросить нельзя. Письма-то каждый дожидается... Разве такое добро бросать можно? Подумали, подумали, да скорей обратно.

— Да зачем же обратно?

— Вот попросили комбата, чтобы он дал нам машину. Доехали по новой дороге до развилки, машину остановили, а сами уселись под елкой и давай планы строить. И так, и сяк. Все не хорошо. Если финны огонь по машине откроют, наши с обороны тоже будут по ней стрелять... Не в лоб, так по лбу. Расставил я ребят на бугорке и говорю: «Время от времени в сторону финнов гранаты бросайте. Они по вас стрелять будут, а я низинкой проползу». Так и сделали. Финны по ребятам стреляют, наши по финнам из обороны бьют, а я мешок за мешком из машины выбрасываю. Перевязал их длинной веревкой, да снова отполз к дозорному. Вот тут мы с ним за веревку

стали тянуть и рыбку выловили. А мешки-то темные, по снегу видать, что движутся. Ну, финны и начали по ним стрелять. Три мешка прострелили, газеты немного портили. Ну, это неважно. Потом бойцы помогли их в машину стащить, — закончил он.

Садков улыбался, с гордостью оглядывая свою неуклюжую в белом халате фигуру. Вдруг он опустил руки по швам и отчетливо отрапортовал:

— Товарищ комиссар, мешки с письмами и газетами благополучно доставлены в автобат...

— Смотри, Чарухин, что твои комсомольцы делают, — усмехнулся комиссар. — Надо все это свезти на остров, в полевую почтовую станцию. Хорошо у вас, ребята, головы варят. Доложу по командованию. Спасибо от всех бойцов.

Он встал и крепко пожал руки трем разведчикам.

Заседание президиума комсомола прошло быстро. Чарухин доложил о том, что бойцы, которых комсомольцы взялись обучать лыжному делу, уже ходят на лыжах. Нескольким комсомольцам дали рекомендацию в партию.

Чарухин посмотрел на часы: было уже поздно. Надо еще найти политрука Соколова, с которым сговорились вместе пойти в оборону. Он забрал бумаги и прошел в комнату политработников. Комиссар радостно размахивал газетой.

— Да ведь это же клад! Из одного мешка, что Садков привез, газета на «Страже родины» выпала. Она давнишняя, старая. Тут есть статья интересная Саянова и Тихонова: «Поход русских войск в Финляндию в 1808—1809 годах». Мы это дело обязательно по всем взводам проработаем. А сейчас я вам только выдержки прочту.

Он присел на ручку кресла и развернул газету. Все подошли к столу.

— Ну, в восьмом году по-одному дрались, теперь по-другому, — критически вставил Чарухин.

— А ты подожди, не спеши, — оборвал его комиссар. — Сначала послушай, а потом уже выводы делай, — и начал медленно читать.

«По глубоким снегам, по бездорожью, по болотам и лесам шли русские части. Противник портил дороги, ломал мосты...»

— Совсем как у нас, когда от Сальми едешь, — заметил Соснин.

«28 февраля Багратион выступил из Тавасгуса. Зима с каждым днем становилась суровее. Мятели встречали солдат на дорогах. Изматывали стычки с противником на узких тропинках, среди сугробов и снежных завалов. Русские войска дрались геройски. Раненые не покидали строя, уставшие солдаты, когда их ставили на отдых, умоляли позволить продолжать бой».

Комиссар замолчал и обвел всех взглядом.

— А у нас как? — спросил он.

Каждый вспоминал пережитое. Удивительно: когда-то давно тут же были свои, также пробивались через пургу и бураны, также боролись с препятствиями, также бились с врагом.

— А вот о 1809 году,— сказал комиссар.

«Финны в эту войну сражались упорно. На их стороне был целый ряд преимуществ. Укрепленные позиции, знание местности, всегда они располагали проводниками, лазутчиками, подводами, продуктами от местного населения... Враг применил действие мелких воинских групп, наседающих на тылы, рвавших коммуникации, истребляющих обозы. На пути русской армии финны устраивали завалы, засеки, каменные заборы, разрушали мосты и дороги, уводили население, жгли селения, превращая страну в пустыню».

Он быстро просматривал газету, отыскивая нужные места. Все терпеливо ждали.

— Как похоже всё! — прервал молчание Чарухин, и комиссар снова посмотрел на него. До чего же вырос и похудел за последнее время этот парень. Что-то новое было в его глазах, в каждом движении. Может быть, это уверенность в себе, в товарищах, твердая и хорошая уверенность.

Комиссар быстро оглядел стоящих рядом Соснина и Покровского, Бодрова, облокотившегося на стол, политруков и чуть заметно удовлетворенно улыбнулся.

«Но никакие препятствия, ничто не помешало русской армии разгромить живые силы врага... — читал комиссар. — Конечно, ни одна армия, кроме русской, — пишет военный историк, — не имела бы сил перенести вынужденные морозы, голод, претерпленные русскими в Финляндии, и не отважилась бы проникать в дремучие леса, ходить по глубоким снегам, крутым скалам, вязким болотам, морским льдам, в местах пустынных, без карт и

проводников. Но она была руководима храбрым начальником и исполнена свойственными русским — отвагой и упорством».

— А вот замечательные слова,— добавил комиссар. — Их бы на мраморную доску, да золотыми буквами: «Покажем — каковы русские. Не выйдем отсюда живы, не разбивши врага в пух».

Он бережно сложил газету.

— Кто сказал эти слова? — взволнованно спросил Чарухин.

— Генерал Каменский, когда финны окружили его войска под Оранайсом.

— Ну, и что же?

— Финны были разбиты.

— Я так и знал,— коротко сказал Чарухин.— Еще немного, и мы это тоже сделаем. Ничего у них не выйдет!

Ему не хотелось оставаться в помещении. Он поспешил одел полушубок, взял винтовку и, позвав политрука Соколова, вышел на двор.

По небу плыла светлая луна. С нескольких сторон на нее наступали однотонные серые облака. Черные густые тени легли на снег.

Чарухин шел широким, торопливым шагом и с удовольствием вдыхал морозный воздух.

— Ты бы застегнул полушубок,— посоветовал Соколов,— простудишься!

— Нет, мне жарко!..

Лес точно застыл. Снег толстым слоем лежал на ветвях и искрился, переливаясь в голубом отсвете луны. На высокой елке какой-то мелкий зверек, торопливо перепрыгивая с ветки на ветку, столкнул небольшой комочек снега. Он быстро рассыпался, и по воздуху, рея и кружась, замелькали, как искры, снежинки.

Чарухин проследил взглядом за реющими снежинками и неожиданно для себя громко сказал:

— Как хорошо жить! Вот я сейчас впервые, по-настоящему почувствовал, что такое жизнь.

Дальше они шли молча. Чарухину не хотелось говорить. Он чувствовал, что его переполняет возбуждение. Волновало то, что прочитал комиссар, волновала эта странная, таинственная ночь и пушистые снежинки, и равномерное, непрестанное уханье дальней артиллерии. Он прислушался к гулу разрывов, к далекому треску

автоматов, но сейчас все это не вызывало, как обычно, тревогу, а наоборот — возбуждало все больше.

«Не выйдем отсюда живы, не разбивши врага», — вдруг вспомнил он слова генерала Каменского.

На высоте, где стояла рота Захарова, вспыхнула сильная стрельба. Она постепенно все приближалась и охватила правый фланг обороны.

Чарухин махнул рукой Соколову и прошел к землянке, где помещался политрук Разумов.

— Почему стрельба? — спросил он, спускаясь в землянку.

Разумов сидел у печки.

— А, это ты, Чарухин? — повернул он голову. — Чорт его знает! Послал сейчас узнать, в чем дело. Пронюхали финны, должно быть, что пополнение к нам движется. Вот и хотят воспользоваться, пока не подойдут части.

— Что? В атаку идут?

— Сейчас — не знаю. А вечером дважды бросались. Только безрезультатно.

На левом фланге вспыхнула стрельба, с ожесточением заговорили станковые пулеметы.

— Что это там? Пойдем, Разумов, проверим, — предложил Чарухин.

Он шагнул к выходу, но снаружи кто-то откинул полость, и сейчас же послышался торопливый шепот:

— Товарищ политрук, на левом фланге финны в атаку пошли. Видно, как ползут.

Чарухин выскочил наружу и бросился к левому флангу. Он слышал за собой поспешный топот: его догонял Разумов.

Навстречу им неслась разгорающаяся стрельба, теперь стук автоматов слышался совсем близко.

Повидимому, финны были уже рядом.

Теперь стреляла вся линия обороны, и Чарухин слышал, как над головой повизгивали финские пули.

— Перебежку делай, ложись, — доносился сзади голос Разумова.

Чарухин упал и прильнул разгоряченным лицом к снегу. Вот снова заговорили станковые пулеметы обороны. Они своим стуком перекрывали гул боя и заставили его стихнуть. Повидимому, налет был отбит.

Чарухин снова поднялся на ноги. Разумов догнал его.

За небольшим перелеском раздались крики. Чарухин

увидел бегущих впереди бойцов. Они то падали на снег и ползли, то снова вставали, перебегая от дерева к дереву, и стреляли.

Крики ширились и росли, и Чарухин понял, что это крик победы. Он радостно бросился вперед. Сбоку гулко бил автомат, но Чарухин продолжал бежать.

— Ложись, ложись! — словно откуда-то издали донесся до него голос Разумова.

В этот момент что-то сильно ударило его, ему показалось, что он споткнулся, и, слегка покачнувшись, Чарухин упал на снег.

Разумов прильнул в нескольких шагах от него и лежал, пока не замолчал автомат. Выждал немного и приподнял голову. Чарухин лежал впереди, опираясь на локти и слегка прислоняясь к пеньку.

— Отогнали, Анатолий, слышишь, вставай! — радостно крикнул Разумов.

Но Чарухин не повернул головы и продолжал лежать, точно прислушиваясь к чему-то. Разумов тоже прислушался. Кругом было непривычно тихо, и только слышно было, как чуть шелестели о ветви густые падающие снежинки.

— Ну, пошли, Анатолий, — снова повторил Разумов, и вдруг ему стало страшно.

Чарухин не двигался, и страшна была эта неподвижность.

Разумов подскочил к Чарухину и крепко схватил его за плечо. Он увидел бледное лицо и темный клок волос, выбившийся из-под ушанки.

— Санитара, санитара скорей! Чарухин ранен!..

В эту ночь Шилова долго не могла уснуть. Она ворочалась на постели и прислушивалась к вспыхивающей и утихающей стрельбе. Как-то особенно тревожно врывались в гул длинные пулеметные очереди; непрестанно, как в набат, гудело стоящее у дома орудие.

Поздно ночью сна испуганно вскочила от громкого стука и открыла дверь.

— Чарухин ранен. Сейчас сообщили. Приготовьте все, что нужно, — торопливо сказал оперативный дежурный.

— Так я туда пройду. На месте окажу помощь. Может быть, сильное кровотечение...

— Нет, комиссар приказал дожидаться здесь. Чарухина уже несут сюда.

Шилова разбудила Веру, и они поспешили приготовили материал. Вера зажгла примус и поставила на него кипятить инструменты.

Шилова думала о Чарухине, вспоминала его лицо с большими улыбающимися глазами и кудрявой прядью волос, упавшей на лоб. Таким она увидела его, когда приехала в автобат. Порой ей бывало тоскливо в новом месте, в незнакомой обстановке. В такой вот момент в санчасть пришел Чарухин. Он застенчиво улыбался, но заговорил просто, дружески, и от его улыбки, от простых слов и участливого взгляда стало легко на душе.

Не раз он заходил в санчасть, и приход его радовал Шилову. Он всегда был чутким и отзывчивым товарищем.

Нет, они выходят Чарухина, они поставят его на ноги.

Комиссар распахнул дверь.

— Шилова,— сказал он взволнованно.— Чарухина привезли. Он без сознания.

Шилова бросилась за комиссаром.

У крыльца стоял грузовик, окруженный молчаливыми бойцами. Кто-то торопливо спустил борт. Шилова не успела двинуться, как ее подняли на руки и поставили в машину. Чарухин лежал на носилках, вытянувшись и слегка закинув голову.

Шилова присела на корточки и напряженно искала пульс, вглядываясь в бледное лицо Чарухина.

«Спокойнее, спокойнее,— уговаривала она себя.— Ведь при глубоких обмороках пульса можно и не прощупать».

Шилова чувствовала вокруг себя напряженно стоящих людей, следящих за каждым ее движением, за выражением лица. Расстегнув ворот полушибутка, ватник и рубашку, она старалась услышать хоть малейший трепет сердца, но уловить ничего не могла.

Она медленно поднялась и вдруг увидела множество неподвижных, широко открытых глаз, и в ней снова вспыхнуло, с необычайной силой, желание спасти Чарухина. «А может быть, тяжелый шок? Надо проверить зрачки»,— мелькнуло в голове, и она тихо сказала:

— Внесите в помещение. Надо самую светлую лампу... Проверим зрачки.

Когда Чарухина внесли, Шилова, наклонившись над ним, осторожно отвернула веко. Потом приподнялась,

растерянно посмотрела на комиссара и чуть заметно покачала головой. Комиссар медленно снял шапку.

Похороны были назначены на два часа дня.

Проходя по прихожей, Шилова слышала, как комбриг Коротеев говорил комиссару:

— Смотрите, чтобы не было скопления. Сегодня день летний. Как бы финские самолеты...

Да, был настоящий летний день. И как это ни странно, но в морозном воздухе чуть заметно чувствовалась ранняя весна... Голубоватый снег искрился в ярких солнечных лучах. Небо было совсем голубым, и между стволами коричневых сосен открылись прозрачные дали.

Шилова медленно шла по широкой дороге к кладбищу. Ее обгоняли бойцы. Сзади шел Бобров, неся красное развернутое знамя.

С линии обороны доносились обычная стрельба. Оттуда тоже шли бойцы, которым было разрешено быть на похоронах. Вот мелькнула низкая кладбищенская ограда, и около нее — грузовик с красным гробом. У гроба через короткие промежутки времени сменялся почетный караул. Вокруг могилы уже стояли бойцы.

Комиссар нервничал, поглядывая на небо, и разыскивал взглядом Боброва. Еще утром его избрали вместо Чарухина отсекром комсомола, и теперь он должен был сказать несколько прощальных слов.

От волнения Бобров не мог говорить и молча стоял над могилой. Потом заговорил, но совсем не то, что думал сказать ранее.

Он сказал тепло и взволнованно о Чарухине, — таком, какого знали все, — иногда резком, но всегда прямом и искреннем, заботливом, преданном товарище. Он призывал отомстить врагу за смерть товарища, и от его слов вспыхивала еще большая ненависть к врагу, и каждый крепче сжимал винтовку.

Внезапно послышалось гудение моторов. Шли самолеты, они быстро приближались, и Шилова с тревогой посмотрела на комиссара. Он стоял, слегка приподняв голову, и во всей его позе чувствовалась настороженность. Гул все приближался.

Комиссар тихо сказал Боброву, чтобы он заканчивал речь; над верхушками сосен показались большие, темные птицы с неподвижно распластанными крыльями. Заглушивая своим рокотом слова Боброва, самолеты с красными

звездами медленно летели на север. И Шиловой казалось, что они звали людей за собой, этот призыв она слышала в гудении моторов, в грохоте артиллерийской стрельбы, в гулких перекликах разноголосых пулеметов.

Когда похороны закончились, Шилова медленно пересекла двор и, пройдя по узкой, чуть вытоптанной тропинке в глубь заросшего сада, остановилась около забора и прислонилась к дереву.

Солнце садилось, и косые лучи, прорвав лесную чащу, залили ее кроваво-красным потоком. Казалось, что ярким пламенем объяты высокие рыжие стволы сосен, что пламя зажгло густую темную хвою елей и разметалось по снежной пелене.

Шилова долго, неподвижно смотрела в глубь леса. Эта смерть особенно поразила ее, потому что Чарухин был один из самых молодых в автобате, был таким хорошим и отзывчивым товарищем.

Солнце уже село, и потух лесной пожар, когда она пришла в себя от непонятного шума. Лес ожил от гула моторов, людских голосов, и в чуть мглистом воздухе от дома потянуло дымом.

Шилова перелезла через забор и, разводя в стороны ветви елей, просунула между ними голову. Длинной, извивающейся лентой в глубь потемневшего леса убегала дорога. И далеко, всюду, куда достигал взгляд, на ней видны были люди в белых халатах. Они быстро шли на лыжах, и ритмичный стук палок далеко разносился по лесу. Казалось, лыжникам не было конца. Они проходили уже мимо, и Шилова всматривалась в молодые раскрасневшиеся, возбужденные лица. А за лыжниками, одна за другой, двигались грузовые машины, наполненные бойцами, ящиками и мешками с припасами.

Шилова радостно смотрела на невиданные ею до сих пор огромных размеров орудия, на длинные тонкоствольные зенитки, на множество пулеметов, на круглые пузатые прожектора и широкие трубы звукоуловителей.

Скрежеща гусеничными лентами, медленно передвигались большие танки, и не было конца колонне, не было конца движущемуся потоку.

Шла грозная, неумолимая сила, одетая в броню и сталь, шли те, которых так затаенно и долго ждали, шла армия, которая должна была разгромить врага.

Эти последние два дня были как-то удивительно непохожи на другие.

Шилова проснулась, когда на дворе было еще совсем темно. В печке тихо трещали дрова, и по стенам от вспыхивающего огня бились темные неуклюжие тени. Видимо, Сизев уже вернулся из обороны.

Ей не спалось, и, облокотившись на подушку, она, неотрывно следя за тонкими голубоватыми языками пламени, вспоминала все, что случилось вчера. В красный дом приехал командарм. Вместе с Коротеевым он прошел в помещение штаба опергруппы.

Автобат точно замер. Люди ходили бесшумно и разговаривали шепотом. Все понимали, что там, за закрытыми дверями, решается большое, важное дело.

Командарм уехал так же неожиданно, и опять ничего не было известно. Только комбриг Коротеев вызвал к себе помкомбата и комиссара.

Шилова сидела у себя и через открытую дверь увидела, как из комнаты комбрига вышел комиссар с красным, взволнованным лицом. Торопливо проходя по прихожей и непривычно размахивая руками, он крикнул бойцам:

— Ну, товарищи, готовьтесь! Сейчас начнем концерт.

Это было странно. Еще с утра кое-кто из товарищей просил комиссара в связи со смертью Чарухина отложить назначенный вечер. Тогда комиссар ничего не ответил, а теперь вдруг: «готовьтесь!». Нет, видимо, готовились к чему-то необычайному.

Шилова, пожалуй, и не пошла бы на концерт, если бы не видела лица комиссара, но теперь остаться одной было невозможно.

В большой комнате, где помещалась первая рота, на верхних и нижних нарах, полулежа, тесно прижавшись друг к другу, разместились бойцы. Покровский сутился, расставляя стулья и покрикивая на Садкова, который, взобравшись на верхние нары, налаживал электрические провода для киноаппарата.

Когда Шилова проходила по прихожей, кто-то открыл дверь на террасу, и снаружи донесся стрекот пулеметов и орудийная стрельба. Но сейчас это даже не заставило насторожиться, и она с интересом прислушивалась к гулу голосов в соседней комнате.

Вечер шел так, как обычно шли все вечера. Бойцы пели, декламировали. Бобров в женском кружевном платье,

со страусовыми перьями на шляпе, вместе с партнером исполнили сочиненную ими сценку, двое бойцов, наряженных крестьянами, показали раешник, комроты Захаров прочел свои стихи, и каждый номер встречался одобрением и аплодисментами.

Иногда в комнату входил оперативный дежурный и по фамилии вызывал группу бойцов. Растигивая товарищей, те поспешно поднимались с места и, захватив лежащие рядом винтовки и полушибки, стараясь не шуметь, скрывались за дверью.

По временам Шилова оглядывалась на комиссара, но он был по-обычному спокоен и, улыбаясь, смотрел на выступавших.

Вот заливчато под ловкими пальцами Покровского заиграла гармошка с переборами, зазвенели колокольчики, и вся комната задвигалась, зашумела, и дробный топот ног смешался со звонким уханьем и выкриками.

Но кинокартину посмотреть не успели. Комиссар приказал разойтись по ротам и вызвал к себе командиров и политруков.

Да, это было то, чего ждал каждый. На утро было назначено наступление.

В бой шло пришедшее подкрепление, тыловые части должны были держать оборону города на случай, если финны прервутся и бросятся в сторону Питкяранты.

Поздно ночью комиссар зашел в санчасть.

— По приказу комбрига Коротеева вы поедете с ним на командный пункт. Надо взять с собой все необходимое, — торжественно сказал он Шиловой. — Ну, смотри, Анна Прокопьевна, крепко держись.

Вот эти-то слова и волновали ее всю ночь и заставляли просыпаться каждую минуту.

Наступление начнется в девять утра.

После взлета трех красных ракет должна была начаться артиллерийская подготовка. Шилова никогда не видела сигнальных ракет и, чтобы не пропустить их, поспешно оделась и вышла на двор. Было уже светло, и около машин опергруппы сутились водители, подготовляя все к выезду. Шилова поглядела в окно комбрига. Там уже проснулись, и было видно, как люди двигались по комнате. По двору торопливо пробегали бойцы. Шилова пристально вглядывалась в небо, ожидая сигнала.

— Ракета! — В ярко-голубое небо стремительно взлетел красный блестящий шарик и, достигнув большой высоты, лопнул, разбрызгивая огненные искры. Одна за другой взлетели еще две ракеты, и сейчас же со всех сторон загрохотали орудия.

«Наконец-то, началось!» — с радостью подумала Шилова и, увидя сходящего по ступенькам крыльца комбрига, бросилась к машинам.

Вслед за «эмкой» комбрига машины медленно двинулись по дороге, заполненной орудиями, танками и бойцами, ожидающими приказа о выступлении.

— Это третий эшелон, — сказал черноусый майор, сидящий рядом с водителем.

И лес, облитый яркими лучами, и переливающийся на солнце снег, и возбужденные лица бойцов, и непрерывная, необычно бодрящая орудийная канонада — все вместе делало этот день особенно радостным, бодрым и праздничным.

Шилова прислушивалась к разговору сидящих в машине военных, вглядывалась в непривычно оживленную дорогу, и, как это бывает только в очень юные годы, все ей казалось радостным и необычным, и каждое движение и слово, на которое она в иное время не обратила бы внимания, сейчас были значительными и радостными.

Финны не отвечали на артиллерийскую стрельбу и затаились, видимо, ожидая ее окончания.

С моста у завода открылись дали, обычно затянутые туманной дымкой, на белой пелене Ладоги виднелись очертания неподвижно стоящего танка, от которого, между темнеющими островками, через все озеро побежали тонкие вешки, переплетенные чуть заметной проволокой.

— Точно сети расставили, — сказал худощавый лейтенант.

— Это наш танк, который еще при первом наступлении на мину налетел, — объяснял майор. — А это проклятое проволочное заграждение. Ну, и стоило оно нам трудов. Только подойдет туда обоз — финны сейчас же по нему шпарят.

Машины свернули с моста и поехали по мягкой, за ночь проложенной по льду дороге.

Шилова не представляла себе, что такое командный

пункт, как он расположен, и с интересом прислушивалась к объяснениям майора. Навстречу попадались грузовики, в сторону фронта рядом, по заново проложенным дорогам, ехали машины, шли группами и в одиночку бойцы, тарахтели походные кухни. На льду озера было множество людей, машин, кругом виднелись возбужденные лица бойцов. Несколько бойцов, присев на корточки, проверяли связь.

Проехав двухэтажный домик, примостившийся у самого берега, где расположилась разведрота Мочалова, машины остановились. Перебросив через плечо набитую медикаментами сумку, Шилова спешила за всеми. Впереди широким шагом двигался комбриг Коротеев, легко поднимаясь по вырубленным в снегу ступеням на небольшую отвесную, конусообразную горку. У самой вершины ступеньки окончились, и среди густого ельника потянулась узкая тропинка. Маскируясь за ветвями деревьев, дозорные оглядывали проходящих людей. На вершине была небольшая полянка, тщательно обложенная со всех сторон высокими снежными глыбами, с вставленными в них небольшими пушистыми елками. Посредине поляны был устроен прикрытый ветвями невысокий бревенчатый блиндаж, от которого в разные стороны протянулись провода.

— «Лена!» «Лена!» — надрывался кто-то в блиндаже.

— Ложись! На снег! Вы мне тут всю маскировку вскроете, — крикнул кто-то, и Шилова сейчас же узнала в высоком военном, одетом в длинное кожаное пальто, командарма. Он торопливо шел от блиндажа.

Все бросились на снег.

Шилова подползла к снежному укреплению и, раздвинув ветки, заглянула вниз. Сейчас же под самой горкой раскинулся широкий застывший залив Ладоги. Невдалеке, прямо перед глазами, высился полукруглый, крутой, покрытый густым лесом остров Петяя-саари, а за ним виднелись гористые вершины. Справа, по ту сторону залива, протянулся длинный остров Максиман-саари, а за ним, у конца Ладоги, поднималась высокая гора, с крутым обрывом, — там находилась дивизия.

Прислушиваясь к непрерывному гулу канонады, Шилова представила себе, что переживают сейчас люди в дивизии, слушая артиллерийскую стрельбу, и эта мысль еще больше взволновала ее.

Пехота лежала на льду, под самой горкой, где находился командный пункт. На ровной белой пелене резко выделялись людские фигуры, примостившиеся за широкими щитками, и казалось, что снег был сплошь покрыт темными точками. Слева, ожидая приказа, прильнули к льду лыжники в белых маскахатах.

— Часть войск пойдет на острова Петяя-саари и Максиман-саари, большая колонна уже двинулась из города по материку на север, по направлению к дивизии. Это от колонны и дивизии сейчас доносится гул стрельбы. А дивизия со своей стороны ударила к югу. Вот вам и мешок для финнов, — объяснял кто-то сзади.

Шилова, не дослушав, пристально смотрела на командарама, вышедшего из-за блиндажа.

— Танки, танки пошли! — пронеслось по горке, и Шилова схватила лежащий на брошенном в снег полушибке бинокль.

Один за другим танки быстро понеслись по льду, курсируя взад и вперед вдоль острова Петяя-саари. Иногда они замедляли ход, и тогда видно было, как стреляли их орудия.

Командарм бросился к блиндажу. Слышно было, как там запищали несколько телефонов.

— Самый интенсивный огонь по центру и глубинам! — закричал он.

Финны начали бить из минометов. Мины падали на лед впереди пехоты и, вздымая высоко к небу фонтаны воды, образовывали широкие темные лунки.

— Вы что ж там заснули! — разъярясь, кричал кому-то в телефон командарм. — По центру! По глубине!

Снова забегали перед островом казавшиеся игрушечными танки, и сейчас же ураганным огнем забила со всех сторон артиллерия и над островами показались белые облачка.

Командарм поминутно выскакивал из блиндажа, прикладывая к глазам бинокль, и нетерпеливо посматривал на небо, точно что-то выжидал.

Вдруг издали чуть слышно донесся глухой гул.

Все приподнялись и смотрели назад, за лес, на светло-голубое небо. Шум приближался, становился отчетливее, и уже ясно был слышен гул моторов.

Командарм подошел к блиндажу и, закинув голову, смотрел на светлое небо.

— Сегодня меня самолеты разбудили рано — темно еще было, когда они в разведку летели, — сказал он высокому красивому летчику-комбригу, стоящему рядом с ним. — Ну, посмотрим, как ваши орудовать будут.

Комбриг еще не успел ему ответить, когда на небе показались эскадрильи самолетов. Они летели медленно, и уже над самой головой загудели моторы.

— Самолеты — благородные существа, — не спуская глаз с летящих машин, сказал командарм.

Самолеты, разделившись, двумя потоками пошли к островам, и сейчас же раздались оглушительные взрывы бомб, и над верхушками деревьев показался темный дым.

Одна за другой налетели волны быстролетных птиц, и снова раздавались взрывы. Шилова не могла отвести взгляда от темнеющих островов; каждый взрыв необычайно радовал, ей хотелось громко кричать, махать руками уходящим назад самолетам.

Небо стало снова спокойным и пустынным. Непонятно было — почему все еще неподвижно лежала на льду пехота.

Шилова с тревогой оглянулась назад. Но из-за леса, тяжело двигаясь, показались новые большие, массивные машины. Они медленно шли, точно с трудом рассекали воздух, и на голубом небе серебром отливали их широкие, мощные крылья.

— Ну, и красавец летит! — с восхищением сказал командарм, наблюдая за передней машиной.

Около правой машины показалось белое облачко, за ним второе, третье.

— Зениткой финны их, по самолетам зениткой, — крикнул кто-то.

Все, затаив дыхание, следили за машинами и белыми круглыми облачками.

Машины пролетели к островам и мгновенно над ними, до самого неба поднялись темные, густые клубы дыма, и огненными языками взвилось пламя.

Все, забыв о предосторожностях, вскочили со своих мест. Шилова что-то кричала, новые клубы дыма, всплески пламени вызывали ее взволнованные возгласы.

— Лес горит, лес! — закричал кто-то сзади.

А самолеты все летели и летели, и казалось, воздух был напоен несмолкающим гулом; дрожала земля, и от темных клубов дыма потемнело небо.

— Не хотел бы я быть сейчас на острове,— улыбаясь, наклонился к командарму комбриг.

— Да, не очень-то им приятно,— также смеясь и не опуская бинокля, подтвердил командарм. Он к чему-то напряженно прислушивался. Шилова тоже услышала какие-то странные звуки, но решила, что так и должно быть при бомбежке.

Сейчас же, как только стихали разрывы бомб и самолеты отлетали назад, с островов доносились беспорядочные оглушительные взрывы.

— У них что-то рвется там. Повидимому, артиллерийские склады, — сказал комбриг.

— На снег, на снег! Ложитесь! — снова раздался приказ командарма, но сейчас уже в его голосе были слышны новые нотки. Он уже перестал ходить взад и вперед, на лице разгладились морщины, и чувствовалось, что он доволен ходом операции.

Шилова наблюдала за вновь летящими машинами. Каждая эскадрилья выглядела более мощной, и не было конца летящим птицам, и бесконечным казался грохот разрывающихся бомб.

Острова посерели, вздыбленная земля смешалась со снегом, и вместо темного густого леса торчали отдельные расщепленные стволы деревьев.

— Вот это картина настоящего современного боя,— донеслись до Шиловой слова комбрига.

В это время командарм громко сказал:

— Сейчас донесли, что финны оставляют остров Максиман-саари и группами пытаются перейти на материк. Повидимому, они направляются к городу,— и добавил: — Беглый, интенсивный артиллерийский огонь! Выслать ястребки! Дать знать нашим частям, которые продвигаются по материку!

Остров был весь обят пламенем. Шилова видела, как по льду к материку бежали темными группами люди. Казалось, что они сейчас достигнут берега, и она опасалась, что финны уйдут и скроются среди густого леса. Но небо покрылось темными быстролетными птицами, загудело моторами. Взлетая вверх и стремительно опускаясь вниз, самолеты, пикируя, штурмовали убегающего врага и обливали его из пулеметов потоками пуль.

В это время к острову Петяя-саари двинулась пехота. Бойцы, делая перебежку, падали, поднимались и снова

бежали. Их обгоняли лыжники, стараясь поскорее добраться к курсирующему по льду танкам. Видно было, как отдельные бойцы уже достигли танков и залегли под их прикрытием.

Со стороны неприятеля понесся ураганный огонь. Минны рвали лед, по нему от огня вражеских пулеметов белой дымкой вздымался снег.

Снова над островом показались бомбардировщики, за ними быстро летели ястребки, камнем падали к земле и, выровнявшись над ней, снова взлетали вверх, и в гул разрывающихся бомб врывался неумолчный пулеметный стук.

Головная часть, снова делая перебежку, двинулась вперед, и теперь уже было видно, как ползли люди с флангов, обходя остров.

Порой цепь редела, падали отдельные бойцы, и тогда снова по льду катились быстрые круглые шарики, таща за собой длинные санитарные санки.

— После шестнадцати ноль-ноль бомбить северо-западнее, — отдал приказ командарм, и кто-то в блиндаже повторил его слова.

— Что сейчас в дивизии переживают, — наклонился к Шиловой майор. — Ведь от них все видно. Вы вот туда бинокль, на обрыв. Видите?

Шилова долго пристально вглядывалась в темнеющий обрыв и вдруг около деревьев разглядела маленькие, чуть заметные человеческие фигуры. Весь обрыв был заполнен ими, они стояли неподвижно, точно застыли на месте.

— А почему они не стреляют? — с удивлением спросила она.

— Сюда нельзя. Могут попасть по своим. Часть дивизии уже двинулась в обход к финнам и на соединение с подошедшим подкреплением, идущим по материку, — сказал майор. — А затем, разбив у себя финнов, повернут к нам.

Лежащие под прикрытием танков бойцы снова поднялись и бросились к острову. Видно было, как передние уже подобрались к самому берегу и пытались взобраться на него. Но люди скатывались с крутых, отвесных скал и снова лезли на них, втыкая в промерзшую землю штыки. Пулеметчики тащили на плечах пулеметы, под-

саживая друг друга. Было ясно, что финны с неприступного гребня осыпали бойцов градом пуль.

И все же люди вновь и вновь штурмовали берег.

— Ястребков сюда, ястребков,— крикнул командарм. — Глубокий артиллерийский огонь! Скорей, немедленно!

Шилова с ужасом смотрела на карабкающихся на скалы бойцов, на падающие темные фигуры. Она видела финнов, скрывавшихся за деревьями на верхушке гребня, и вдруг снизу, с флангов между стволами показались бегущие человеческие фигуры и откуда-то издалека донеслось заглушенное «ура».

— Наши с флангов, наши в тыл к ним заходят! — крикнул лейтенант, и все ринулись вперед, уже не прячась за ветки и снежные глыбы, и молча, взволнованно следили за тем, что происходит на острове.

Финны заметались на гребне, видно было, как бойцы снизу стали подниматься на остров, и крики «ура» все ширелись, росли и теперь уже долетали ясно и отчетливо.

Гребень острова мгновенно опустел, резче заговорили длинные пулеметные очереди, и вдруг на белой пелене озера за островами показались бегущие финны. Они неслись густым беспорядочным потоком, пытаясь перебежать на соседний остров, но под непрерывным пулеметным огнем падали, устилая трупами снег.

На острове разгорелась ураганная ружейная перестрелка. Она так же быстро стала стихать, но белая пелена Ладоги потемнела от вражеских трупов.

И в это время с дальнего, высокого обрыва, где находилась дивизия, хлынула темная густая людская масса.

Люди бежали, крича, обгоняя друг друга, и к ним на встречу ринулись наступавшие. Расстояние между бежавшими становилось все меньше и меньше, и уже видно было, как передние бойцы сошлись, обнимали друг друга и вот уже слились все. Далеко к самому лесу неслись громкие восторженные крики.

И такими же криками зазвенели острова, и Ладога, и небольшая горка командного пункта, и казалось, что крик долетал далеко, далеко туда, к самому сердцу родины — к Москве.

П. 53 г.

56

□ 8

2 p. 50 κ.

BE

16